

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С. М. Севярын

Міжнародны савет
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г. І. Займіст
(адказны рэдактар)
П. А. Вадап'янаў
В. М. Ватыль
А. М. Грыгаровіч
Ч. С. Кірвель
П. П. Крусь
Б. М. Ляпешка
С. В. Рашэтнікаў
Д. Г. Ротман
Я. У. Скакун
В. А. Сцепановіч
Л. Р. Цігарэнка
Я. С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ
ПАЛІТАЛОГІЯ
САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2019

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21.01.2019 № 24) (са змяненнямі,
унесенымі загадамі ВАК ад 04.02.2019 № 30; 15.03.2019 № 75;
10.06.2019 № 160; 16.10.2019 № 236) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б. М. Роль народных масс в истории: метафизический аспект.....	5
Карако П. С. Космические воззрения В. Н. Сукачева: сущность и формы выраженности	11
Беляева Е. В. Роль иронического отношения в познании морали	19
Смоляк С. Г. Культура в контексте глобальных этносоциальных процессов	31
Климович А. В., Жук С. А. Интерпретация итогов и результатов всемирно-исторического процесса в философии истории Г. Гегеля и Ф. Фукуямы: историко-компаративный анализ.....	37
Габинская А. А. Киберсоциализация: социокультурное развитие цифрового поколения в условиях интернет-технологий.....	48
Люкевіч У. П. Філасофія алімпізму. Хуан Антонія Самаранч: пачатак новай эпохі спорту.....	55
Крись П. П. Методологическое значение популяционного подхода в комплексном рассмотрении экологической культуры на современном этапе социального развития.....	65
Варич В. Н. Ценности в культурно-коммуникативном пространстве	73
Баньковская Ю. Л. Сетевой подход: сущность и базовые понятия.....	79
Предко Т. И. Особенности формирования белорусской национальной идеи в контексте процесса глобализации	85
Коршунова Я. А. Культурный контекст и идейные истоки формирования религиозных представлений татар-мусульман Беларуси	92
Столяров Д. В. Специфика социального статуса мужчины в условиях современного белорусского законодательства и судопроизводства: философский анализ	100

ПАЛІТАЛОГІЯ

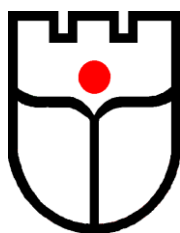
Ватыль В. Н. Наднациональный уровень регулирования в Евразийской экономической комиссии: институционально-нормативное измерение	107
Михайловский В. С. Междисциплинарность в политологии: история и перспективы.....	114
Арсенович А. Д. Образовательная безопасность в условиях трансформации современного белорусского общества	120
Костючков А. Н. Возможности кинематографа в формировании международного образа страны.....	126
Алексенко К. А. Имидж Республики Беларусь в контексте Конституции	134

САЦЫЯЛОГІЯ

Белов А. А., Борейко С. А. Брачно-семейная структура белорусского общества: половозрастные различия и особенности формирования	140
Соколовская М. Г. Либеральные и консервативные интерпретации гендерных отношений в XIX в.....	147
Березецкая М. И. Детская игра в условиях современного города	156

РЭЦЭНЗІІ

Забейворота А. И. Призрак войны будущего.....	166

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A. N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S. M. Sevyaryn

International Board:

M. M. Gromau (Russia)

A. N. Kruglashou (Ukraine)

Edvard Yarmakch (Poland)

Editorial Board:

G. I. Zaimist

(managing editor)

P. A. Vadapyanau

V. M. Vatyl

A. N. Grygarovich

C. S. Kirvel

P. P. Krus

B. M. Lyapeshka

S. V. Rashednikau

D. G. Rotman

E. Y. Skakun

V. A. Stepanovich

L. R. Tsitarenka

Y. S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

**Founder – Educational institution
«Brest state university named after A. S. Pushkin»**

№ 2 / 2019

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 21, 2019 № 24) (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from February, 04, 2019 № 30; March, 15, 2019 № 75; June, 10, 2019 № 160; October, 16, 2019 № 236) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B. M. The Role of the Masses in History: the Metaphysical Aspect	5
Karako P. S. V. N. Sukachev's Cosmic Views: the Essence and Forms of Manifestation.....	11
Belyaeva E. V. The Role of the Ironic Relation in Cognition of Morality	19
Smoliak S. G. The Culture in the Context of Global Ethnosocial Processes	31
Klimovich A. V., Zhuk S. A. Interpretation of the Results and Outcomes of the World Historical Process in the Philosophy of History of G. Hegel and F. Fukuyama: a Historical-Comparative Analysis	37
Habinskaya A. A. Cybersocialization: Socio-Cultural Development of the Digital Generation in the Context of Internet Technologies	48
Lukievich U. P. The Philosophy of Olympism. Juan Antonio Samaranch: the Beginning of a New Era of Sports.....	55
Krus P. P. On the Methodological Significance of the Population Approach in the Complex Consideration of Ecological Culture at the Present Stage Social Development	65
Varich V. N. Values in Cultural and Communicative Space	73
Bankovskaya Yu. L. The Network Approach: Essence and Basic Concepts	79
Predko T. I. Peculiarities of Forming a Belarusian National Idea in the Context of the Globalization Process	85
Korshunova Ya. A. The Cultural Context and Ideological Origins of the Formation of Religious Ideas of the Tatars-Muslims of Belarus	92
Stolyarov D. V. The Specifics of Social Status of Man in the Conditions of Modern Belarusian Legislation and Legal Proceedings: Philosophical Analysis	100

POLITOLOGY

Vatyl V. N. Supranational Level of Regulation in the EAEU: Institutional and Normative Dimension	107
Mikhailovski V. S. Interdisciplinarity in Political Science: History and Perspectives	114
Arsenovich A. D. Educational Safety in the Conditions of Transformation in Modern Belarusian Society.....	120
Kostyuchkov A. N. Possibilities of Cinematographers in Forming an International Country Image	126
Aleksenko K. A. The Image of the Republic of Belarus in the Constitutional Context	134

SOCIOLOGY

Belov A. A., Boreyko S. A. Marriage and Family Structure of the Belarusian Society: Sex-Age Differences and Peculiarities of Formation	140
Sokolovskaya M. G. Liberal and Conservative Interpretations of Gender Relations in the XIX Century	147
Berezetskaya M. I. Children's Play in the Modern City.....	156

REVIEWS

Zabeivorota A. I. The Specter of a War of the Future	166

Б. М. Лепешко

д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: borys_lepieszko@tut.by

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИИ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Характеризуются признаки понятия «народ», различные варианты рассмотрения дефиниции в историческом аспекте. Обосновываются понятия «народ» и «масса» на примере анализа конкретных политических событий во Франции. Доказывается важность возвращения в гносеологический оборот категории «народ».

Статья представляет логическое продолжение темы, начатой публикацией материала «Роль личности в истории: метафизический аспект» [1]. В курсе исторического материализма, не столь давно преподававшегося во всех вузах страны, данная тема имела несколько иное звучание: «Роль народных масс и личности в истории». Прежде чем перейти к раскрытию «народной» тематики, необходимо сделать небольшое философско-историческое и мировоззренческое вступление, предлагающее рассмотрение некоторых важнейших проблем. Насколько сопрягается наш интерес к абстрактной тематике с господствующими в обществе прагматическими умонастроениями? Говоря привычным языком, в чем актуальность предложенной темы? Отвечая на этот вопрос, заметим первое: человеческое познание, развитие социума не может быть ограничено любой доминантной мыслью, поскольку жизнь всегда намного глубже конкретных доктрин, какими бы важными они ни казались. Вместе с тем знания не могут быть лишними, даже если они представляются чрезмерно абстрактными и не демонстрируют преимуществ практического характера. За гробом Маркса, как известно, шел десяток человек, но через несколько десятилетий его идеи охватили весь мир и стали знаменем миллионов. Сегодня разговоры о «роли народа» кажутся ненужными, поскольку они далеки от прагматических устремлений, но что будет завтра? Второе: интерес к социально-философским идеям фактически ежедневно находит подтверждение в различных действиях больших масс людей. События в Венесуэле, во Франции, многих иных странах показывают, что никуда не ушли ни революционные ситуации, ни сами революции, где важнейшую роль играли именно организованные и неорганизованные организации людей. Идеальный мир остался в утопиях и антиутопиях выдающихся мастеров слова, а реально мы сталкиваемся все с тем же хаосом, который сегодня приобретает глобальные формы, с духовным одичанием. Какова роль в преодолении этих процессов не просто элиты, но тех людей, за которыми понимание интересов миллионов. Это стихия или сознательная деятельность? Это организованная сила или восставший хаос? Вопросов много, и нужны ответы хотя бы на некоторые из них. Третье: речь идет не только о знании сугубо абстрактном. Речь и о социальном идеале, и о практическом понимании процессов, которые возникают, как правило, в критический период развития стран, континентов. Возьмите белорусскую политико-правовую практику. Разве можем мы сказать, что разговоры о национальной идее, о роли в формировании этой идеи элит, интеллектуалов безотносительны к процессам, происходящим в народной толще? Конечно, нет. В Беларуси интерес к социально-философским идеям носит острый идеологический, политический, мировоззренческий характер. Речь идет – в контексте данной статьи – о тех силах, которые заинтересованы в решении важнейших вопросов нацио-

нального бытия и для которых данные вопросы лишены исключительно академического характера.

Теперь, очевидно, необходимо обратиться к ключевой категории темы – «народ». Марксистская традиция апеллировала к народу как творцу истории по совокупности следующих основных аргументов: народ является основной производительной силой, поскольку именно он создает основные материальные блага; народ априори активен, именно он «провоцирует» появление новых форм жизнедеятельности; народ создает и хранит язык, духовные традиции и т. д. Современные авторы идут существенно дальше при анализе категории «народ». В качестве примера обратимся к точке зрения гродненских ученых. Они полагают, что «каждый народ имеет свою собственную историческую судьбу, выражающуюся во внутренней логике его развития» [2, с. 239]. Далее, это вопросы веры и национальная идея – именно они объединяют народ в единое целое. Наконец, «атрибутом народа является единство исторической памяти и исторической перспективы» [2, с. 240]. На наш взгляд, эта точка зрения может быть принята в качестве базового подхода, тем более что она многократно апробирована в трудах представителей русской религиозной мысли, прежде всего Н. А. Бердяева. Однако здесь необходимы некоторые важные смысловые оговорки.

Первое: далеко не всегда удастся определить и осмыслить перечисленные компоненты (атрибутивные свойства) категории «народ». Типичный пример – ситуация в Беларуси. Несмотря на все усилия обществоведов, предмет, например, национальной идеи не поддается конвенциональному осмыслению. Значит ли это, что и с понятием «народ» в целом существует некоторая неопределенность? И как тут быть с известной формулой «Мы, народ Беларуси»? Еще: как быть в том случае, когда историческая память многоаспектна, говоря проще, нет единства в ее интерпретации и споры здесь носят перманентный характер? И тот же вопрос: нет цельной исторической памяти, нет и народа? Что касается категории «исторической судьбы», то здесь необходимо больше определенности: в чем историческая судьба белорусского народа? Русские мыслители написали сотни интересных и важных книг по этому поводу, у нас же здесь очевидные пробелы, причины которых в целом объективны.

Второе: не возникает ли опасность «заговаривания» проблемы? Если попытаться назвать известные свойства понятия «народ», то не окажется ли, что их слишком много? Вера, идея, перспективы, традиция, полумистическая судьба плюс все то, что сказано марксистами в прошлом веке. А это производительные силы, духовность (культура) и прочее. Существуют ли здесь приоритеты, иерархия? Прямых ответов здесь нет, и это связано с двумя группами причин.

Одна группа – это понимание неустойчивости мира, разрушение базовых первоначал социального бытия и молчаливое согласие большинства исследователей в том, что ученые просто не успевают (не могут) зафиксировать связи, тенденции, динамику развития идей и социальной жизни. Вторая группа причин в том, что перед нами сложившийся стереотип осознания данных трудностей в смысле констатации априорной недостаточности наших усилий. Вот как, например, профессор М. А. Кукарцева фиксирует данную мысль в предисловии к сборнику статей «Способы постижения прошлого» (ее материал называется «Познание истории в ускользающем мире») [3, с. 3]. Здесь особо хочется отметить определение «ускользающий». Если мир «ускользающий», то как можно требовать от авторов четких и ясных определений? Здесь – в постмодернистском духе – возникает стремление не определять, а описывать понятия.

Какой вывод следует из сказанного? Общепринятого определения понятия «народ» сегодня фактически не существует. Имеют место перечисления свойств, которые существенны с точки зрения современного «прочтения» категории. О некоторых из них мы вели речь выше. Не поможет нам здесь и отсылка к возможностям методологии,

за исключением марксистской методологии, теоретики которой сделали много для понимания данной дефиниции, но в духе критикуемых сегодня базисных положений. Феноменологи пока также не удостоили своим вниманием рассматриваемую категорию, и мы здесь можем пользоваться разве что общими положениями данной сферы знания, о чем будет идти речь ниже. Таким образом, обращение к теме, связанной с пониманием роли народа в истории, имеет некоторые затруднения, частично решить которые (в той или иной степени) мы можем, обращаясь к более конкретным категориям, следствиям, проявлениям этой роли. С нашей точки зрения, понятию «народ» присущи следующие основные признаки: это относительно крупные массы людей (1); это понятие, которое постоянно находится в развитии, изменении в зависимости от эпохи (2); как правило, основная линия деятельности народных масс связана с преодолением отживших форм социального общежития и решением актуальных задач, выдвинутых на первый план данной эпохой и данными идеологами (3); народ объединен либо одной религией, либо единством экономических, политических интересов, либо идеологическими мотивами, возможно, одним, вторым и третьим факторами одновременно (4).

Следующий важный момент связан с ответом на вопрос такого порядка: народ всегда олицетворяет собой принципиальное движение общества (нации, государства) вперед или же здесь возможны отступления регрессивного порядка? Народ никогда не ошибается или же деформации присущи ему так же, как и любому иному социальному образованию? Прямого ответа и здесь нет, поскольку оценки исторических действий, в том числе народа, могут иметь совершенно различный, часто противоположный характер исходя из методологических, идеологических, политических, иных оснований. Типичный пример – оценка событий 1917 г.: это революция или переворот, это искусственный перерыв в поступательном движении общества или следствие закономерного развития событий и т. д. Вот как рассуждает, например, такой крупный специалист в области отечественной истории, как А. В. Черняк. Во-первых, «народ – это люди, населяющие территорию, страну» [4, с. 4]. Во-вторых, «анализ революций в России и некоторых других странах показывает, что совершаются они не столько от слабости государства, сколько от слабости власти. И не от нищеты народа, а больше от желания людей жить более комфортно» [4, с. 23]. Очевидно, что определение народа носит чрезмерно широкий характер, а причины революций сводятся – пусть в эссеистской форме – к спорному желанию «жить комфортно».

Следует заметить, что понятие «народ» может быть заменено иными, близкими по содержанию понятиями. Это особенно касается современного «прочтения» данной категории. Точнее даже не «прочтения», а способов найти альтернативные категории. Приведем два примера.

Первый – это известная работа Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». Вообще понятие «народ» употребляется мыслителем редко, в основном это «масса». Дело в том, что уникальна конкретная личность, а «народ» абстрактен по сути. Абстрактность конкретизируется в термине «масса». В русле экзистенциальных, феноменологических исканий на первом месте «Я», причем «Я», осознающее трагичность существования. Для Ортеги очевидно, что сегодня происходит явление, которое определяет всю нашу жизнь, – это «полный захват массами общественной власти» [5, с. 43]. Но это свидетельство не силы, а слабости, поскольку масса не способна управлять не только обществом, но и сама собой. Масса – символ столпотворения, переполненности, и в этом смысле понятие «масса» близко понятию «толпа». Символ времени – захват массами власти. В «обожествлении» постмарксистами (и прежде всего советскими теоретиками) понятия «народ» нет правды, полагает Ортега, поскольку «народ» есть парафраз «массы», за которой он признает силу, но не истину.

Второй пример связан с трудом Э. Канетти «Масса и власть». Как видим, здесь термин «народ» также заменен термином «масса», однако содержание данных дефиниций неоднородно. Один из критиков утверждает, что тема книг мыслителя фактически одна – это «взаимодействие массы и власти в силовом поле смерти» [6, с. 10]. Человек живет под постоянным давлением страха и только в массе может избавиться от этого чувства. Основной инстинкт массы связан с разрушением. Как пишет Канетти, «каждый ощущает, что, примкнув к массе, он переступил границы собственной личности, ликвидировал все дистанции, которые отбрасывали его назад, к себе самому – запирали его в себе» [6, с. 30]. Достаточно неопределенная цитата, но отражающая суть понимания массы: освобождение личности от условностей, принадлежность к массе как реализация свободного выбора.

Как можем заметить, перед нами не просто «замещение» одного термина иным, здесь совершенно разные акценты. Ортега, Канетти изучают собственно феномен «массы», но изучают прежде всего его психологическую сущность, связанную с феноменом власти. Для традиции, апеллирующей к понятию «народ», гораздо важнее его методологическая сущность, связанная с определением базовых принципов философии истории.

Почему понятие «народ» в работах большинства современных авторов фактически дезавуировано? Один из ответов связан с бессилием теоретиков «схватить» сущностные черты дефиниции. Относительная ясность марксовых формул, связанных с понятиями «класс», «классовая структура», «базис» и т. д., сегодня подвергаются ревизии, в том числе и справедливой ревизии. С другой стороны, например, понятие «масса» более точно фиксирует хаотичность происходящего, неупорядоченность действий больших масс людей, неясность общего знаменателя их устремлений разного рода. Названия глав труда «Восстание масс» Ортеги говорят сами за себя: «Феномен стадности» (Маркс никогда не употреблял данный предикат по отношению к классам), «Одичание и история», «Век самодовольных недорослей» и т. д. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что масса рассматривается в трагическом тоне, ее динамика не контролируема и прогнозируема, и если «народ» всегда трактовался в оптимистичных, рациональных тонах и красках, то здесь на первый план выходят категории экзистенциального и иррационального характера. Более того, «европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности» [5, с. 98]. Это верное замечание, вопрос в ином: почему только европейская история подверглась такого рода судьбе? «Воплощенная посредственность» стала править миром, а вовсе не «народ», причем воплощением этой посредственности и стала масса (с одной стороны, с другой – это посредственность элиты). И это еще одна причина, вследствие которой народ (как категория) фактически покинул авансцену истории. Народа нет, есть масса, и это разоблачающая суть эпохи констатация. Вообще понятие «масса» в достаточно степени носит разоблачающий характер – в том смысле, что теоретики-концептуалисты ограничиваются «отрицательными» характеристиками рассматриваемого феномена, а вот процессы, явления утверждающего характера просматриваются недостаточно четко. И это, конечно, связано не только с категорией «народ». Если обратиться к проблемам эпистемологии, в частности истины и ее критериев, то достаточно легко можем заметить похожие процессы, рассмотренные нами в ином материале [7].

Возьмем для размышлений конкретный пример. Допустим, это фактически революционные события во Франции конца 2018–2019 гг., движение так называемых «желтых жилетов». В категориальном ракурсе мы должны говорить о протестных действиях народа или, в русле размышлений Ортеги и Канетти, о протесте масс? И как тут быть с исторической правотой? Здесь несколько аспектов темы. Первое: говорить о ясной социальной структуре протестующих людей мы не можем, поскольку представлены все слои общества. Второе: вести речь о четкой программе «желтых жилетов» мы

тоже не имеем возможности, поскольку движение начиналось стихийно, неорганизовано и только со временем стало приобретать черты организованного и последовательного действия. Третье: возникла проблема лидерства, в том числе политического, а значит, форм протеста и т. д. И вот вопрос: перед нами «народ» или «масса»? Возможно, в духе столь популярного сегодня интегративного подхода мы можем говорить о переплетении признаков одного и второго подходов? Движение, которое начинается со стихийного протеста по поводу частного вопроса, быстро перерастает свои первоначальные формы и приобретает организованные черты, т. е. масса становится народом. Но что нам дает данная констатация? Много: если масса стихийна, неорганизована, плохо осознает цели собственного движения, то народу присущи альтернативные качества: он четко понимает, чего хочет и как этих целей он может достичь.

В этом аспекте представляется, что надо вести речь об утверждении понятия «народ» в системе исторического, философского знания. Большие массы людей, как их ни называй, остаются главной производительной силой общества. Большие массы людей формируют соответствующую духовную среду, которая может нас не удовлетворять по каким-либо частным основаниям, но суть вопроса это не меняет. Большие массы людей решают судьбу не только свою, но и окружающей их социальной среды, соответствующих форм, и как только это происходит, мы можем смело называть эти структуры «народ».

Сегодня при апелляции к понятию «народ» имеют место достаточно размытые критерии. Когда говорят «мы, народ», то кого имеют в виду? Всех людей, проживающих в рамках данного государства, всю нацию или ее какую-то часть? Очевидно, ответ может быть как минимум двоякий. С одной стороны, это действительно символ всех людей, принадлежащих к конкретной нации, конкретному этносу, конкретной территории и осознающих свою общность по географическим, историческим, языковым и иным существенным признакам. С другой стороны, народом квалифицируют некую часть населения, признаками его в данной транскрипции будут высокая социальная активность, осознание важных и чаще всего общенациональных приоритетов, готовность к решительным действиям, в том числе жертвенного характера, словом, все это близко известной марксистской формуле про «авангард общества». В этом аспекте состав рассматриваемой категории не сводим к какой-то одной социальной группе. Широко известны примеры, когда аристократы, в целом представители имущего класса, вливались в ряды неимущих, когда одни цели объединяли совершенно разных по социальному статусу, имущественному положению, образованию и т. д. людей. Современная политико-правовая теория и практика дистанцируются от попыток революционного решения назревших вопросов. Но когда революции спрашивали у кого бы то ни было разрешения на действия разрушительного для действующей системы порядка? Это к тому, что категория «народ», как и многие иные категории социальной философии, носит именно метафизический характер. Это значит, что никакая догматика здесь в принципе невозможна, даже в части определения дефиниций. Это значит, что альтернативность точек зрения – действительно «железное» правило размышлений. Это значит, что при обращении к анализу данной категории на первый план выдвигается не столько рассматриваемая категория, сколько целостность социального порядка: характер эпохи, соотношение классов, слоев, иных структур, поставленные временем и идеологами цели и т. д. Понятие «народ» и иные философско-исторические категории взаимозависимы, причем эта взаимозависимость носит исключительный характер: чаще всего одно без другого (других) не существует.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешко, Б. М. Роль личности в истории: метафизический аспект / Б. М. Лепешко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2019. – № 1. – С. 11–17.
2. Философия и методология науки : учеб. пособие / Ч. С. Кирвель [и др.]. – Минск : Высш. шк., 2012. – 639 с.
3. Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки / отв. ред. М. А. Кукарцева. – М. : Канон+, 2011. – 352 с.
4. Черняк, А. В. Тайна революций в России / А. В. Черняк. – Минск : Літ. і мастацтва, 2011. – 304 с.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды : пер. с испан. / Х. Ортега-и-Гассет / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Весь мир, 1997. – 704 с.
6. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М. : АСТ, 2014. – 574 с.
7. Лепешко, Б. М. О некоторых методологических проблемах исторической эпистемологии / Б. М. Лепешко // Соц.-полит. науки. – 2018. – № 2. – С. 263–267.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.02.2019

Lepeshko B. M. The Role of the Masses in History: the Metaphysical Aspect

The category «people» as a logical continuation of the article about the role of the individual in history is discussed in the article. Character traits of the category are listed in the article, as well as various options for considering the definition from a historical perspective. The concepts of «people» and «mass» are justified on the example of the analysis of recent political events in France. The importance of returning the category to epistemological expression of the concept of «people» is proved.

УДК 101.9; 113/119

П. С. Каракo

*д-р филос. наук, проф., проф. каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
e-mail: kafedra628@gmail.com*

КОСМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. Н. СУКАЧЕВА: СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ВЫРАЖЕННОСТИ

Раскрывается заслуга академика В. Н. Сукачева в обосновании биогеоценозов как структурных компонентов биосферы Земли. Подчеркивается космическая функция биогеоценозов в биосфере. Выявляется преемственная связь космизма В. Н. Сукачева с космическими идеями В. И. Вернадского. Обосновывается значимость биогеоценологических идей в становлении космической биологии, решении задач обеспечения жизнедеятельности человека в космических аппаратах и разработке программ охраны природы. Обращается внимание на философские основания биогеоценологических представлений.

Введение

Одной из значимых проблем современных философских исследований является постижение содержания и сущности русского космизма. Академик Н. Н. Моисеев (1917–2000) писал, что «русский космизм – это один из очень важных вкладов в сокровищницу европейской культуры, вклад, к сожалению, малоизвестный не только широкой публике, но и специалистам. И не только за рубежом, но и у нас в стране» [1, с. 237]. За прошедшие после публикации процитированных положений годы внимание к русскому космизму активизировалось. Становлению интереса отечественных исследователей к данному течению русской мысли способствовала публикация специальных работ: «Русский космизм. Антология философской мысли» (М., 1993) и «Грезы о земле и небе. Антология русского космизма» (СПб., 1995).

В последние годы исследователи обращали особое внимание на постижение космических идей В. И. Вернадского. Их содержание было предметом и нашего анализа [2]. Н. Н. Моисеев к последователям космизма В. И. Вернадского относил В. Н. Сукачева и Н. В. Тимофеева-Ресовского [1, с. 18, 174], но не анализировал космические воззрения этих биологов. Да и в последующие годы отечественные исследователи не обращались к постижению сущности их космизма.

Все отмеченное и определило наше внимание к творчеству упомянутых биологов. При этом первостепенное значение будет иметь выявление особенностей космических идей В. Н. Сукачева, их связи с космическими представлениями В. И. Вернадского. Определенный интерес представляет и раскрытие значимости его научных идей в становлении последующих направлений научного знания. Сформулированные вопросы и станут предметом обсуждения и решения.

Предпосылки и становление учения о биогеоценозах как структурных элементах биосферы

Академик Владимир Николаевич Сукачев (1880–1967) является видным отечественным ученым XX в. По оценке Н. В. Тимофеева-Ресовского, он был «замечательным ботаником, пожалуй, одним из крупнейших ботаников XX века в мировом масштабе и, как все крупные ученые, очень замечательным человеком» [3, с. 326]. Далее Тимофеев-Ресовский отмечал, что он познакомился с этим «крупнейшим ботаником и замечательным человеком» еще будучи гимназистом. Правда, это знакомство было связано с прочтением им «книжечки» Сукачева «Лес как растительное сообщество», вышедшей в годы Первой мировой войны. Данная «книжечка» определила его интерес

к естественным наукам, и прежде всего к биологии. Их личное знакомство состоялось только во второй половине 1950-х гг.

Проблема леса, его типов, отношения человека к лесу была центральной научной проблемой Сукачева. Более полувека своей насыщенной научной деятельности он отдал постижению леса, лесных сообществ и другим проблемам ботаники. Их исследование позволило вскрыть наличие особых структурных элементов биосферы – биогеоценозов – и определить их место и роль в системе биосферы. Для нас принципиальное значение имеет выявление исходных оснований его учения о биогеоценозах и его сохранения.

В ходе исследования мы обратили внимание, что в основе изучения Сукачевым природы и обобщения результатов лежит принцип всеобщей связи явлений и принцип развития в их диалектико-материалистической трактовке. Так, в одной из последних своих работ он отмечал, что идеи о взаимосвязи всех явлений на земной поверхности наиболее четко были выражены в трудах основателя научного почвоведения В. В. Докучаева, ученого-лесоведа Г. Ф. Морозова, ботаника Р. И. Аболина и в концепции биосферы В. И. Вернадского [4, с. 561, 562]. На основе идей этих ученых Сукачев осуществлял выявление взаимосвязей между растениями и средой их обитания. На результатах таких исследований он еще на рубеже 1920–30-х гг. дал определение понятию «растительное сообщество». В нем фиксировалась такая организация растений, которая «приспособлена к использованию производительных сил мест обитания для построения (синтеза) живого вещества» [5, с. 16].

В отмеченные годы научные интересы Сукачева концентрировались на постижении лесов, обосновании их типов. Он раскрывал целостность лесных массивов, в которых древесная растительность тесно связана с кустарниками, травами и местом их произрастания. Последними являлись почвы. Учет всего этого позволил дать определение понятию «лесное общество». Оно «представляет собою нечто целое, где все элементы растительности связаны между собою в процессе использования производительных сил местообитания и поэтому имеют определенное место в построении жизни этого целого» [5, с. 45]. Целостность организации «лесного общества» учитывалась им и при обосновании типа лесов.

В рассматриваемой работе Сукачева использовались положения самого важного труда В. И. Вернадского – «Биосфера» (1926). Это касалось не только понятия «живое вещество», но и представлений о космической функции зеленых растений в природе. Так, Сукачев пишет, что под воздействием «энергии солнечных лучей» растения из «простейших минеральных соединений: углекислоты, воды и солей» – синтезируют «сложное органическое вещество», которое потребляют другие формы живого. «Вся жизнь и все строение растительного организма, – писал он, – приспособлены к выполнению этого важнейшего процесса в природе» [5, с. 13].

В вышеназванном труде Вернадского отмеченная Сукачевым роль растений выражается в следующей форме: «Весь зеленый организм и в своих сообществах и в своем движении приспособлены, прежде всего, к исполнению своей космической функции – улавливанию и превращению солнечного луча» [6, с. 24] в органическое вещество, которое потребляют гетеротрофные организмы. Для выполнения данной функции зеленые растения стремятся занять все возможные для своего произрастания территории земной поверхности. Данную особенность отмечает и Сукачев: «Мы видим в природе постоянное стремление покрыть поверхность почвы сплошным растительным покровом, как частный случай “растекания живого вещества”, как выражается академик В. И. Вернадский, по поверхности Земли» [5, с. 14]. Такое «растекание» растений осуществляется благодаря их высокому коэффициенту размножения.

В. И. Вернадский в отмеченном свойстве растений видел важнейшую особенность жизни, ее исключительное место в биосфере. «Растекание *размножением* в биосфере зеленого живого вещества, – писал он, – является одним из характернейших и важнейших проявлений механизма земной коры. Оно обще всем живым веществам, лишенным хлорофилла или им обладающим, оно является характернейшим и важнейшим выявлением в биосфере всей жизни, коренным отличием живого от мертвого, формой охвата энергией жизни всего пространства биосферы» [6, с. 26]. В этом «охвате» биосферы основную роль выполняют зеленые растения и их сообщества. Именно они являются, по заключению Сукачева, той «машиной», которая «перекачивает энергию и материю из мертвой природы в живую... Этим определяется место и роль растительных сообществ в природе» [5, с. 16–17].

В следующей работе – учебнике по курсу «Дендрология» (1934), предназначенном для студентов лесотехнических вузов, Сукачев перечисляет компоненты «мертвой природы», с которыми взаимодействуют растения. Их он называет экологическими факторами: климатические, или атмосферные (тепло, воздух, свет и т. д.), почвенные (химический состав почв, их влажность, механические свойства почв и др.), рельеф местности, биотические (почвенный перегной, деятельность человека). Данные факторы Сукачев называл необходимыми экологическими условиями бытия растений. Более того, у него термин «экологические условия» считался «общим выражением для всех факторов, имеющих то или иное значение для жизни растений» [7, с. 10].

В последующих трудах Сукачева проводится выявление конкретных форм связей растительных сообществ (фитоценозов) с сообществом животных (зооценозов), их взаимоотношений с экологическими факторами определенных земных территорий. При решении поставленных задач он опирается не только на уже упоминавшуюся работу Вернадского «Биосфера», но и на другие его классические труды: «Биогеохимические очерки» (1934), «Проблемы биогеохимии» (1934), «Биогеохимические очерки» (1940), статью «Несколько слов о ноосфере» (1944).

Использование идей отмеченных работ Вернадского позволило Сукачеву вычленивать ту конкретную структурную единицу биосферы, где характер взаимоотношений растительного и животного мира между собой и факторами окружающей их природной среды имеет однородную выраженность и характерный однородный взаимный обмен веществом и энергией как внутри такой единицы, так и с другими окружающими ее природными единицами. Такого рода единицы или участки природы были названы им в 1942 г. *биогеоценозами*. В статье «О принципах генетической классификации в биогеоценологии» (1944) приводится и первое определение такого участка. Биогеоценоз «связан с вполне конкретным участком земной поверхности, однородным во всех своих существенных частях на всем занимаемом им пространстве» [8, с. 216].

Структура и динамика биогеоценозов

Более конкретное определение понятия «биогеоценоз» приводится Сукачевым в статье «Основы теории биогеоценологии» (1947). Здесь биогеоценозом называется «участок земной поверхности, где на известном протяжении биоценоз и отвечающие ему части атмосферы, литосферы, гидросферы и педосферы остаются однородными и имеющими однородный характер взаимодействия между ними и поэтому в совокупности образующий единый, внутренне взаимообусловленный комплекс. Коротко это можно выразить так: биогеоценоз = биоценоз (фитоценоз + зооценоз) + биотоп (эдафотон + климатон)» [8, с. 230]. Далее Сукачев отмечает, что его представление о биогеоценозе как совокупности разных компонентов биосферы, где они взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга, сформировалась под влиянием биосферных идей

Вернадского, изложенных в вышеназванных трудах. Особую значимость для него имела раскрытая Вернадским биогеохимическая роль живого вещества в биосфере.

В трудах Вернадского отмечалась важность исследования особенностей взаимосвязи комплексов организмов (биоценозов) со средой их обитания. При таком исследовании возникала потребность выработать и соответствующее понятие, в котором бы фиксировалась эта связь. В какой-то мере данную задачу решил английский ботаник А. Тенсли. Еще в 1935 г. он ввел в биологию термин «экосистема», который обозначал природный комплекс организмов и среду их обитания. Тенсли писал, что «мы не можем отделить организмы от конкретной окружающей среды, вместе с которой они составляют единую физическую систему. Такие системы с точки зрения эколога являются основными единицами природы на земной поверхности» [цит. по: 8, с. 260]. Эти «единицы» и были названы Тенсли «экосистемами». Данное понятие получило широкое распространение в англо-американской научной литературе.

Многими западными учеными экосистема стала трактоваться как основная функциональная единица биосферы. При этом под экосистемами они понимают самые разнообразные природные системы: это и отдельный гнилой пень в лесу с населяющими его муравьями, и пруд с его обитателями, и лес и т. д. У знаменитого эколога США Ю. Одума экосистемой выступает и космический корабль с космонавтами на борту, и город с его населением, парками, газонами и промышленными отходами, да и вся биосфера в целом. При изучении отмеченных и других экосистем ученые, особенно экологи, столкнулись с проблемами установления их границ, учета всех их живых обитателей и т. д. Вот почему некоторые из них вынуждены были говорить о наличии трудностей в изучении экосистем и признать, что «они лишь в редких случаях оказываются исследованы с удовлетворительной полнотой» [9, с. 116].

Возможные трудности при использовании понятия «экосистема» предвидел и Сукачев. Он отмечал, что это понятие «достаточно неопределенно и не всегда однозначно понимается» [8, с. 260]. Вот почему им обращалось внимание на местоположение каждого конкретного биогеоценоза на поверхности Земли. Совокупность всех ее биогеоценозов Сукачев называл «биогеоценозическим покровом Земли» [8, с. 337]. Он отмечал и структурные компоненты биогеоценоза, относя к ним только вещественные, материальные слагаемые любого биогеоценоза: атмосфера приземного слоя, материнская горная порода, почва, влага в почве и атмосфере, растительный и животный мир, почвенные микроорганизмы. Рельеф местности, уровень грунтовых вод считались только условиями существования биогеоценоза. Человек не входит в число элементов биогеоценозов. Он, по заключению Сукачева, является «лишь в высшей степени мощным фактором, могущим не только в той или иной мере изменять, но и создавать посредством культуры новые лесные биогеоценозы, лесные культурбиогеоценозы» [8, с. 339].

Отмеченные структурные компоненты в своей взаимосвязи и взаимодействии составляют биогеоценоз и обеспечивают его бытие. По Сукачеву, «биогеоценоз – это совокупность на известном протяжении земной поверхности однородных природных явлений (атмосферы, горной породы, гидрологических условий, растительности, животного мира, мира микроорганизмов и почвы), имеющая свою особую специфику взаимодействий этих слагающих ее компонентов, свою особую структуру и определенный тип обмена веществом и энергией их между собой и с другими явлениями природы и представляющая собой внутренне противоречивое диалектическое единство, находящееся в постоянном движении, развитии» [4, с. 575]. Им раскрывались источники этого движения и развития биогеоценозов. При решении отмеченных вопросов он опирался на положения В. И. Ленина о противоречиях как источнике развития.

Благодаря сохранению сложившихся связей и отношений между компонентами биогеоценозы сохраняют свою устойчивость. Эта устойчивость относительна. Каждое

воздействие одного компонента биогеоценоза на другой подрывает сложившийся тип взаимоотношений между ними. «Все время, – писал Сукачев, – идет процесс разрушения одних взаимоотношений и созидание других, что, в конечном счете, выливается в непрерывную перестройку биогеоценозов, разрушение одних биогеоценозов и в созидание новых» [10, с. 506]. Противоречивый характер взаимоотношений между структурными компонентами биогеоценозов есть свидетельство наличия в них механизмов самоорганизации и движущих сил их развития.

Биогеоценозы являются и той конкретной средой, в которой происходит образование новых видов живого и осуществляется их эволюция. Ведь в биоценозах как ведущих элементах биогеоценозов постоянно происходит взаимодействие и конкуренция между популяциями биоценоза. Имеет место и отбор наиболее приспособленных популяций живого к тому или иному типу биогеоценоза. «Можно определенно сказать, – говорил Сукачев, – что ареной видообразования является биогеоценоз» [4, с. 575]. Живые компоненты биогеоценозов (биоценозы) оказывают воздействие и на свое абиотическое окружение. Именно под их воздействием меняется температура самых нижних слоев атмосферы, их влажность и т. д. Происходит и обратное воздействие измененных абиотических факторов на живые компоненты биогеоценозов. Постоянное взаимодействие между живым и косными компонентами приводило к изменению биогеоценоза как целостного образования. Вот почему Сукачев и говорил об эволюции биогеоценозов. Для исследования происходящих в биогеоценозах взаимодействий и их связей со смежными биогеоценозами он обосновал и специальную научную дисциплину – *биогеоценологию*. Задачей этой науки Сукачев считал системное постижение синтеза и обмена веществом и энергией внутри биогеоценозов и со смежными биогеоценозами. При этом особое внимание им уделялось выявлению специфики внутренних и внешних противоречий биогеоценозического уровня организации биосферы. С глубиной их знания он связывал и степень постижения сущности биогеоценозического процесса.

На этом направлении познания Сукачев выявил ведущую роль всех форм живого в структуре как отдельных биогеоценозов, так и в биогеоценозическом покрове Земли. Наличие в последнем живого позволило Сукачеву считать данную часть биосферы «той лабораторией, где синтезируется органическое вещество, где происходят сложнейшие процессы возникновения новых веществ, где все время идет накопление энергии и превращения ее и вещества из одних форм в другие и обмен ими как внутри биогеоценозов, так и между ними и другими явлениями природы. В биогеоценозическом покрове осуществляется не только земная, но и космическая роль живых организмов, роль “живого вещества”, как говорил В. И. Вернадский» [4, с. 576]. С процессами, происходящими в биогеоценозах, должен соотноситься, писал он далее, свою хозяйственную деятельность и человек. Все вышеотмеченное позволяет поставить вопрос: как Сукачев видел и трактовал космическую роль биогеоценозов в биосфере?

Космическая роль биогеоценозов в биосфере

С начала 1960-х гг. внимание Сукачева стало концентрироваться на выявление космической выраженности бытия биогеоценозов. В решении данной проблемы он вновь обращается к труду Вернадского «Биосфера». По его заключению, в нем «блестяще развито представление о космическом значении живой материи... впервые наглядно показана огромная биогеохимическая роль организмов и в первую очередь растений» [8, с. 277] в биосфере.

Отмеченная роль растительных организмов особенно наглядно проявляется в системе биогеоценозов. Растения, используя энергию Солнца и элементы неживой части биогеоценозов (воздух, вода, минеральные и органические элементы почв), синтезируют органические вещества, которые потребляются другими формами живого данного

биогеоценоза. Растения влияют и на отмеченные неживые элементы биогеоценоза. Вот почему при постижении содержания рассматриваемого структурного элемента биосферы «мы приходим к необходимости не ограничивать себя изучением растительности, а рассматривать весь биогеоценоз в целом, учитывая все его компоненты в их взаимодействии между собой, их роль в превращении вещества и энергии в биогеоценозе и в обмене с веществом и энергией между данным биогеоценозом и его окружением, т. е. другими биогеоценозами» [8, с. 277]. При этом отмечалось, что процесс аккумуляции и трансформации вещества и энергии не ограничивался только миром растений. Данный процесс охватывает и все другие компоненты биогеоценоза и окружающие его биогеоценозы. Такого рода процессы были названы *биогеоценозическими процессами*.

В биогеоценозах как элементах биосферы осуществляется аккумуляция и трансформация энергии и вещества не только земного, но и космического происхождения (излучений Солнца, потоков заряженных частиц, космической пыли и т. д.). В них появляется не только земная, но и космическая функция: «Биогеоценоз в целом представляет собой ту лабораторию, в которой совершается этот процесс, слагающийся из многих разнообразных физиологических, физических и химических процессов, также взаимодействующих между собой. Можно сказать, что космическая, биогеохимическая роль живой материи осуществляется через биогеоценоз, через биогеоценозический процесс. Отсюда вытекает то огромное общетеоретическое значение, какое имеет изучение биогеоценозов и биогеоценозических процессов» [8, с. 277].

В подтверждение всему вышесказанному Сукачев приводит суждения Вернадского о геохимических функциях биосферы и космической роли ее живого вещества («Биосфера», 1926), обусловленности бытия земной коры в самых существенных чертах живыми организмами («Биогеохимические очерки», 1934).

В труде Сукачева «Основные понятия лесной биогеоценологии» (1964) есть раздел «Планетарная и космическая роль биогеоценозов вообще и лесных биогеоценозов в частности». В нем еще с большей выразительностью подчеркивается значимость биогеоценозических процессов в определении космической роли биосферы: «Если учесть, что основной ячейкой, где совершаются те процессы, которые в конечном результате и определяют ту огромную геохимическую (в глобальном масштабе) и космическую роль биосферы, которая вслед за В. И. Вернадским все более и более привлекает внимание ученых самых различных специальностей, является биогеоценоз, то станет ясным, какое большое значение имеет изучение всех сторон жизни биогеоценозов, т. е. биогеоценология» [8, с. 337]. При этом он обращал особое внимание на исследование лесных биогеоценозов, т. к. их космическая выраженность является наиболее очевидной. Они в большей степени определяют и биологическую продуктивность биосферы.

В. Н. Сукачев принимал и учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Причем этот переход он связывал с деятельностью человека, его природовосстановительными действиями, к которым он относил создание новых сортов культурных растений и расширение лесных территорий Земли. Именно когда человек «создает новый биогеоценозический покров Земли, тогда он создает и самую существенную часть ноосферы» [8, с. 355]. Созидание ноосферы он связывал с обогащением и расширением биогеоценозического покрова Земли человеком.

Обоснование Сукачевым важности повышения биологической продуктивности биогеоценозов биосферы в определенной мере было связано с выявленной им космической ролью живого в их структуре. Космизм его воззрений стал и необходимым условием признания идеи ноосферы как того состояния биосферы, когда деятельность человека будет направлена не на ее разрушение, а на сохранение и повышение разнообразия ее живых элементов, причем каждого из составляющих ее биогеоценозов: агроценозов, лесных и других типов биогеоценозов. Для Сукачева все они являлись развивающимися-

ся структурными единицами биосферы. Он внес огромный вклад в раскрытие ее сущности и механизмов развития.

Здесь нельзя не отметить и значимости биогеоценотических идей Сукачева в становлении космической биологии. Еще за год до полета человека в космос Тимофеев-Ресовский в письме к Сукачеву от 7 июня 1960 г. писал о своем предложении приступить к созданию «искусственного замкнутого земного биогеоценоза в космосе» как формы сообщества, формирующего необходимый состав воздуха для осуществления в ближайшем будущем длительного пребывания человека в космосе. «В этих замкнутых сообществах будущего, – писал он, – будут участвовать специально отселекционированные гармоничные биоценозы из форм, полученных методами радиационной селекции и экспериментальной биогеоценологии» [11, с. 97–98].

Предложенная идея стала отправной для разработки программ обеспечения жизнедеятельности человека в космосе и формирования *космической биологии*. Такого рода программы и новая научная дисциплина стали активно разрабатываться в период начавшегося бурного развития космонавтики. Причем их теоретической основой становилось учение о биосфере Вернадского и биогеоценология Сукачева. Свидетельством сказанному могут быть суждения представителей космической биологии и авторов работ по созданию биологических систем жизнеобеспечения человека в период его пребывания в космических аппаратах. Заинтересованному читателю можно порекомендовать работы [12; 13], в которых подробно освещаются вышеотмеченные проблемы.

Заклучение

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что академик В. Н. Сукачев не только разделял космические идеи В. И. Вернадского, но и творчески их развивал. Последнее было связано с обоснованием биогеоценозов, как структурных единиц биосферы Земли и выявлением их космической функции в бытии и эволюции биосферы. Сукачева по праву следует считать достойным представителем естественнонаучного течения в русском космизме. Ведь он выявил конкретную структуру биосферы, в которой осуществляется космическая функция живого. Все это имеет существенное значение для конкретизации и развития идей русского космизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеев, Н. Н. Экология человечества глазами математика / Н. Н. Моисеев. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 254 с.
2. Карако, П. С. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского / П. С. Карако // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А. – 2018. – № 1. – С. 13–22.
3. Тимофеев-Ресовский, Н. В. Воспоминания / Н. В. Тимофеев-Ресовский. – М. : Согласие, 2000. – 880 с.
4. Сукачев, В. Н. Структура биогеоценозов и их динамика / В. Н. Сукачев // Структура и формы материи. – М. : Наука, 1967. – С. 560–577.
5. Сукачев, В. Н. Руководство к исследованию типов лесов / В. Н. Сукачев. – М. ; Л. : Госиздат с.-х. и колхоз.-кооператив. лит., 1931. – 301 с.
6. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
7. Сукачев, В. Н. Дендрология с основами лесной геоботаники / В. Н. Сукачев. – Л. : Гослестехиздат, 1934. – 614 с.
8. Сукачев, В. Н. Избранные труды : в 3 т. / В. Н. Сукачев. – Л. : Наука, 1972–1975. – Т. 1. – 1972. – 424 с.
9. Дрё, Ф. Экология / Ф. Дрё. – М. : Атомиздат, 1976. – 168 с.

10. Сукачев, В. Н. Биогеоценология и ее современные задачи / В. Н. Сукачев // Журн. общей биологии. – 1967. – № 5. – С. 501–509.
11. Из писем Н. В. Тимофеева-Ресовского В. Н. Сукачеву // Природа. – 1990. – № 9. – С. 95–104.
12. Газенко, О. Г. Учение о биосфере и космическая биология / О. Г. Газенко, Н. В. Тимофеев-Ресовский, Е. Я. Шепелев // Человек. – 2000. – № 4. – С. 95–104.
13. Биологические системы жизнеобеспечения человека / Г. И. Мелешко [и др.] // Космическая биология и медицина : в 5 т. – М. : Наука, 1994–2009. – Т. 2 : Обитаемость космических летательных аппаратов. – 1994. – С. 499–559.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2019

Karako P. S. V. N. Sukachev's Cosmic Views: the Essence and Forms of Manifestation

The article reveals the merit of Academician V. N. Sukachev in substantiating biogeocenoses as structural components of the Earth's biosphere. The cosmic function of biogeocenoses in the biosphere is emphasized. The successive connection of the cosmism of Sukachev with the cosmic ideas of V. I. Vernadsky is revealed. The importance of biogeocenotic ideas in the development of space biology, the solution of problems of providing human life in spacecraft and the development of programs for nature protection is substantiated. Moreover, attention is paid to the philosophical foundations of biogeocenotic ideas.

УДК 17.01

Е. В. Беляева

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: bksisa@rambler.ru

РОЛЬ ИРОНИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ В ПОЗНАНИИ МОРАЛИ

Роль иронического отношения в познании выходит за границы эстетики и может быть рассмотрена применительно к этической проблематике. Актуальность такого подхода диктуется особенностями современного плюралистического мира и поисками стартегий правильной жизни в нем. Ироническое отношение присуще самой морали; это отношение между ее противоречивыми слоями смысла, одни из которых – скрытые, а другие – явные. Самовыявление этого обстоятельства в ее функционировании образует феномен иронии морали. Одновременно ироническое отношение – это способ познания объективной иронии морали, которое осуществляет коммуникативный моральный субъект в ходе практического освоения морали и самопознания. Ироническое отношение как способ познания позволяет выявить противоречивую смысловую глубину морали в контексте коммуникации.

Введение

Для определения роли иронического отношения в познании морали надо изначально отказаться от морализаторского представления о том, что ирония и мораль – «две вещи несовместные», поскольку ирония – это насмешка, а мораль – дело слишком серьезное, чтобы позволить себе иронизировать над ней. Речь пойдет не об иронии над моралью, а о внутренней иронии самой морали (подобной иронии судьбы или иронии истории), для которой именно ироническое отношение оказывается адекватным инструментом познания. Феномен иронии морали особенно отчетливо проявляется в современном обществе, в котором функционирует множество несопоставимых моральных дискурсов, а также их симулякров и фейков. Осмысление принципиального плюрализма современного мира и способов правильной жизни в нем (т. е. морали) предполагает поиск адекватного философского инструментария. Эту роль может выполнять ироническое отношение как способ познания, характеристики которого далеко выходят за границы как эстетики, так и постмодернистской философии.

Данная статья является продолжением работы [1]. Ироническое в ней рассматривалось как философская категория и культурная универсалия, различались понятия *ироничного* как субъективного отношения к объекту и *иронического* – того, что объективно присуще феномену иронии. Ироническое образуется в самой реальности в результате самовыявления смысла ситуации и предполагает наличие в объекте:

- 1) *слоев*;
- 2) *противоречивых слоев*;
- 3) *противоречивых слоев, один из которых – явный, а другой – скрытый*;
- 4) *противоречивых слоев смысла, один из которых – явный, а другой – скрытый*;
- 5) *соотношения явного и скрытого в противоречивых слоях смысла, в результате которого конституируется коммуникативный иронический субъект.*

Эта предварительная работа может послужить основой для обнаружения и интерпретации иронического в различных предметных областях, осмысления иронических параметров любого феномена, для использования *иронического отношения как способа познания, предполагающего выявление противоречивой смысловой глубины объекта в контексте коммуникации.* Ниже таким объектом иронического познавательного отношения становится мораль. При этом познание морали для субъекта – это не гносеологическая операция по получению «знания о...», а практическое освоение морали, а также самопознание в ходе осуществления нравственных актов. Обнаруже-

ние структур иронического в морали возможно в случае предельно широкого понимания ее как «пути правильной жизни», который задается нормами и ценностями.

Применительно к императивной составляющей морали категория иронического кажется малоприменимой. «Трудно представить себе иронический приказ или требование» [2, с. 365], т. к. в иронии должна присутствовать альтернатива доминирующему смыслу, а в требовании ее нет. А вот ценностный компонент морали, несомненно, ироничен, как верно и обратное: аксиологичность можно считать фундаментальным признаком иронического дискурса [3, с. 15], а значит, его пригодность для нравственной ценностной ориентации также можно обосновать. Даже в самой традиционалистской системе нравственности функционирование иронии не имморально, но, напротив, ценностно нагружено. Т. Г. Бочина, характеризуя иронию, представленную в русской паремике, демонстрирует ее отчетливую этическую направленность. Традиционные пословицы и поговорки иронизируют по поводу человеческих пороков (нечестности, воровства, лени и неловкости в труде, злости и отсутствия доброты), но никогда не содержат насмешки над болезнью или увечьем [4, с. 68–73]. Поэтому ирония, как и мораль, – аксиологический феномен, более того, в нравственности есть такие ценностные аспекты, которые могут быть выражены только иронически.

Поскольку ирония неразрывно связана с языком, то ироническое в морали представлено по преимуществу не на эмоционально-чувственном, а на рациональном уровне морального сознания. Будучи «этической вершиной», ирония не столько присуща обыденной морали, сколько проявляется в ходе моральной рефлексии. Лингвистика характеризует иронию как наиболее интеллектуальный аспект комического [4, с. 57]. «Восприятие любой шутки или иронии требует от говорящих больших интеллектуальных усилий», – пишет Н. Б. Мечковская [5, с. 146]. В то же время восприятие нравственности на уровне сопереживания, на уровне непосредственного чувства вряд ли может быть ироничным. «Иронию как явление отрицательное чаще рассматривали испытуемые с высоким уровнем эмпатии» [6, с. 205]. Вероятно, ирония в большей степени присуща рационализированной нравственной культуре.

Так, ироническое в моральных высказываниях можно обнаружить скорее на оценочном, чем на императивном уровне, скорее на уровне моральной рефлексии, чем на стадии непосредственного чувства. Однако главные проявления иронического в морали содержатся не столько в моральных суждениях, сколько в самом ее функционировании. Речь пойдет об объективной иронии морали, возникающей из-за наличия в ней противоречивых слоев смысла, один из которых явный, другой скрытый, а выявление их соотношения конституирует коммуникативного иронического субъекта морали.

Слои в морали как возможность иронического отношения

Возможность иронического в морали обеспечивается ее «слоистостью», которая проявляется в многообразии систем нравственности, различных нравственных образцов и конкретных кодексов, в плюрализме «моралей». Этические теории так или иначе вынуждены решать проблему соотношения множества исторически наслаивающихся систем нравственности, каждая из которых выступает как целостность нравственных представлений, определяющая горизонт конкретного субъекта морали. Современный синергетический подход с его принципом нелинейности позволяет по-новому интерпретировать историческую динамику морали, проблему существования множества различных систем нравственности, каждая из которых может быть обоснована в качестве значимой. При синергетической интерпретации историческое развитие нравственности не может быть охвачено единой логикой, оно не направлено к единственной цели и не детерминировано единственной причиной. «При отсутствии общего сценария, универсальной логики движения эволюции морали уместно, обозревая историю “мо-

ральных порядков”, говорить не о монолинейности, “эстафетном прогрессе”, не об одном общем стволе дерева эволюции или о единой шкале эволюции, но о разных “стволах” и “шкалах”», – отмечал В. И. Бакштановский [7, с. 8–9]. Нелинейность в динамике нравственности проявляется в том, что исторически сложилось несколько самостоятельных систем нравственности, которые отвечают условиям выполнения универсальных функций морали [8].

Исторически системы нравственности отрицают одна другую, а другая третью, в результате вся история нравственности, написанная с определенной моральной позиции, выглядит как история безнравственности. Любые нравы – повод для насмешки. Примером тому могут служить книги Э. Фукса [9], в которых главным документом нравов любой эпохи стала карикатура. Возмущение вызывают иронические высказывания о морали, которой привержен адресат иронического суждения, но кажутся вполне уместными, когда они критикуют и высмеивают чужую мораль. «Святыни каждого народа для всех других – не более чем предрассудки» [10, с. 286].

Конечно, соперничество различных систем нравственности часто воспринимается участниками как серьезная борьба добра со злом. Только ироническая отстраненность субъекта морали позволяет ему, если и не стать «над схваткой», то опознать в противоположающейся стороне «другое добро». Так, ирония проявляется в диалектике различных видов добра и становится составляющей такой этической ценности, как справедливость. «Быть справедливым – писал В. Я. Янкелевич в книге «Ирония», – значит считаться со всем, не имея своей точки зрения, или, говоря еще точнее, принять бесконечное разнообразие точек зрения таким образом, чтобы они взаимно исправляли и корректировали друг друга» [11, с. 22].

«Слоистость» морали проявляется и в ее важнейшем феномене – норме. Поскольку моральные нормы не только неписаны, но зачастую вообще не формулируются, постольку ключевую роль при их реализации играет интерпретация. Прагматический контекст применения нормы отнюдь не задан вместе с ее содержанием, он историчен и ситуативен. В результате все множество трактовок нормы создает пространство иронического, которое чуткий моральный субъект немедленно обнаруживает. Вспоминается рассказ Л. Андреева, в котором черт, решивший перевоспитаться, спросил у священника, как выполнять норму «не убивай», и получил в ответ столько противоречивых советов, что отчаялся и вернулся к прежней жизни [12]. Это говорит о том, что в рамках однозначного «серьезного» восприятия нормы, как ни странно, нетрудно прийти к ее отрицанию, а вот ироническое «удержание без снятия» всех вариантов позволяет выполнять норму во множестве различных ситуаций.

Известная общезначимость моральных требований, обозначаемая в этике как «универсальность» или «всеобщность», также опирается на ироническое осмысление множественности морального мира. «Ирония, – пишет Е. Ю. Бралгин, – это и есть тот особый путь символизации смысла, который обеспечивает множественность интерпретации, а значит – становится общезначимостью... Общезначимость становится понятной для всех только в одном случае – в случае ее многовариантности, когда некое общезначимое содержание транслируется по-разному» [13, с. 175]. Ироническое осмысление снимает парадокс функционирования исторически ограниченных нравственных предписаний в качестве всеобщих.

«Благодатной почвой для иронии являются различного рода причинные и иные объяснения, обоснования и примыкающие к ним мотивировки (резоны) и аргументы. Все они по самой своей природе допускают и другие объяснения» [2, с. 352]. В результате ироническая многослойность присуща и моральной мотивации (не один Ф. М. Достоевский обнаруживал у своих героев «двойные мысли»), и обоснованию моральных поступков, каждое из которых справедливо, но никогда до конца не истинно. Поэтому

самоирония по отношению к собственным мотивам и действиям всегда была обязательным элементом морального самосознания и самосовершенствования. Таким образом, плюрализм систем нравственности и плюрализм интерпретаций выступают существенными характеристиками морали, задающими пространство иронического.

Противоречия в морали как предпосылка иронического отношения

Наличие в морали противоречий и, более того, антиномических противоречий очевидно и создает предпосылку «иронии морали». Главное противоречие, характеризующее сущность морали, – это противоречие должного и сущего, которое воспроизводится и в деятельности личности, и в общественном развитии, независимо от того, какой уровень должного ими достигается. Чем выше уровень нравственности человека, тем более требовательно он относится к своему нравственному поведению, любая «победа добра» сопровождается самокритикой морального субъекта, сознающего свою неспособность воплотить абсолютное добро и вынужденного довольствоваться частичным, возможным в данных условиях.

То, что мораль – это указание на принципиальное человеческое несовершенство, остро осознавалось большинством религиозных мыслителей, для которых «познание добра и зла» связывалось с грехопадением. Моральность мыслилась ими как низшая форма духовности, ждущая на противоречиях, которую люди практикуют для перехода к более высокой ценности – святости, которая лежит за границами собственно морали. Подобно иронии судьбы, мораль есть ирония над нашей моральной самоуверенностью, она существует благодаря ироническому противоречию между абсолютными ценностями и их повседневным осуществлением. «Все высокое и нравственное самообесценивается через форму своего проявления, своей реализации», – замечает М. Т. Рюмина [14, с. 77], т. е. бытие нравственного по природе своей иронично. Не случайно Дон Кихот со своим стремлением к реализации высокого идеала рыцарства становится объектом насмешек, а «положительно прекрасный человек» Ф. М. Достоевского оказывается «идиотом».

Лингвистика свидетельствует, что «сигналом иронии является употребление высоких слов... в обыденных “низких” ситуациях и контекстах» [2, с. 344], а поскольку моральный дискурс в целом является «высоким», то в повседневной жизни он неизбежно оказывается либо ироничным, либо ироническим. Ироничным, если говорящий насмехается над моральными понятиями из-за их несоответствия реальной жизни; и ироническим, если, фиксируя разницу сущего и должного, говорящий критикует реальность.

Конечно, в моральных суждениях разница между идеалом и человеческим несовершенством часто фиксируется без иронии, в них однозначно осуждается порок, выражается возмущение недолжным положением вещей. Однако само противоречие, в котором происходит обнаружение нравственного смысла сущего через сопоставление с должным, является ироническим. В этом состоит разница между субъективным *ироничным* отношением к ситуации (которое может быть неуместным) и *ироническим* отношением как объективным самовыявлением смысла ситуации, не зависящего от эмоций и оценок индивидуального субъекта морали. Ироничное отношение к чужой боли, страданиям и смерти нравственно недопустимо, но этическое осмысление этих феноменов в форме трагической иронии имеет смысл. Перед лицом несправедливых и бессмысленных страданий мораль в некотором роде бессильна, поэтому решение этой проблемы на протяжении веков переносится за границы этики – в сферу теологии, которая и задает модели интерпретации смысла таких ситуаций. В архетипической истории бедного Иова Бог выступает тем главным ироником, который полагает дистанцию между собой и миром, своим всемогуществом и слабостью твари, между собой как истиной и иллюзорностью любых представлений человека. В этом сюжете Бог не насмехается над Ио-

вом, не относится к нему *иронично*, но демонстрирует объективное *ироническое* противоречие земного и божественного как явного и скрытого.

Познание объективной иронии морали способствует пониманию ее смысла. Именно на это была направлена сократическая ирония как способ познания моральной истины. Он состоял в том, чтобы привести человека к противоречию с самим собой и вывести его из состояния нравственного самодовольства. В противном случае однозначность и неироничность моральной позиции делают человека подверженным «иронии морали», сходной с «иронией истории». Претензии на однозначное понимание должного опасны для самой личности. Чем более тщательно, серьезно, бескомпромиссно она следует правилам морали, тем более агрессивной и аутоагрессивной оказывается ее жизненная практика, о чем свидетельствуют биографии и Савонаролы, и Держинского, и многих пуританских моралистов. Отсутствие иронии, монологичность нравственной позиции, однозначность смыслов и неулыбчивость моральных субъектов становятся источником чудовищных конфликтов, причина которых со стороны выглядит... смехотворно. «Умное лицо – еще не признак ума. Все глупости на свете делались именно с таким выражением» (Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен). Так, война католиков и протестантов, стоившая стольких жизней, в исторической перспективе выглядит ничуть не более содержательной, чем война остроконечников с тупоконечниками в «Приключениях Гулливера». В то же время ирония – не только способ смягчения конфликта. Ирония как «удержание противоречия без снятия» отдает отчет в его неустранимости, а значит важности и подлинной серьезности проблемы, которую нельзя разрешить насилем и другими безнравственными действиями.

Фиксируя противоречие между реальностью и моральными ценностями, ирония удерживает их, становясь каналом связи между ними. Она выступает незаменимым способом познания столь непостижимых вещей, как абсолютное добро, смысл жизни, истинное предназначение человека и прочих необыкновенно значимых вещей, откровенно не поддающихся однозначному определению.

Другая интерпретация иронического потенциала противоречия сущего и должного дана в романтизме. Стремление к недостижимо возвышенному идеалу считается здесь способом иронического возвышения над действительностью. В этом случае мораль выступает свидетельством не слабости, но, наоборот, духовной силы человека. Мораль становится способом иронического выявления того обстоятельства, что значимость т. н. «реальности», предполагающей «трезвый взгляд на вещи», «прагматический подход без сантиментов», оказывается весьма относительной при столкновении с твердыми нравственными принципами. Безнравственный человек, насмехающийся над «идеализмом» человека морального, сам находится в плену иллюзий, он воспринимает доступное ему понимание ситуации как единственное и истинное, в то время как мир моральных ценностей является скрытым, но куда более подлинным, а попытки игнорировать его значение приводят личность к жизненному краху. Ирония, постоянно различая подлинное и мнимое, способствует утверждению смысла морали, безнравственность же в этом контексте выглядит как серьезная, но бессмысленная позиция.

Таким образом, ирония морали состоит в том, что выявление ее положительного и значимого смысла происходит благодаря ее неосуществимости: должное принципиально невоплотимо в сущем, а всякое конкретное добро относительно в сравнении с абсолютной моралью.

Как и противоречие должного и сущего, противоречие добра и зла также является предпосылкой иронии. «Я часть той силы, что вечно хочет зла, творящей лишь благое» (Гёте). Известная относительность земных добра и зла и их общее несовершенство в сравнении с абсолютным создает пространство морального иронического. Вдобавок сама ирония морали двойственна и проявляется по-разному в зависимости от того,

какая из сторон противоречия оказывается мнимой, а какая подлинной, какая явной, а какая скрытой.

Явный и скрытый слои морали как основа иронического отношения

При обсуждении вопроса о том, что в морали явно, а что – скрыто и что чем в ней притворяется, сразу возникает подозрение, что мораль и есть притворство по существу. Установка на выявление неприглядной подоплеки поведения, именуемого моральным, стала общим местом общественного дискурса. Б. Мандевиль с его «Басней о пчелах», Ф. Ницше с теорией ressentiment, З. Фрейд с идеей бессознательного, М. Фуко с археологией идей и многие другие были одержимы идеей разоблачения морали как фикции, камуфлирующей подлинные стремления и ценности людей. Поскольку абсолютное воплощение добра и должного не происходит, то всегда есть возможность отрицать даже относительное воплощение моральных понятий и пользоваться ими как ширмой для неблагоприятных дел и обмана простаков. Мольеровский Тартюф являет собой классический образ морального лицемера. Такая ирония *над* моралью возможна в том случае, если сама критикуемая мораль неиронична, т. е. сводится к однозначному, непротиворечивому набору правил, имеющих столь же однозначное поведенческое выражение. «Ходячая добродетель» вызывает подозрение в том, что чем скрупулезней внешняя правильность такого человека, тем *больше* пороки за ней скрываются. Когда за фасадом декларативной морали проступает безнравственная мотивация, ироничное (а не ироническое) отношение к ней оправданно.

Другое дело, когда иронический процесс возникает в самой морали. При этом возможны различные варианты соотношения морально явного и морально скрытого: один, когда за внешними формальными проявлениями нравственности иронично скрывается более глубокая и содержательная мораль, и второй, когда ироник скрывает свою приверженность морали за видимой насмешкой над ней.

В первом случае, позиционируя нравственные нормы, моральный ироник отдает себе отчет в относительности их содержания и противоречивости в применении. Ироник – «человек, сомневающийся в своем конечном словаре» [15, с. 237]. Для неиронического же субъекта сомнение в нравственных нормах либо вообще недопустимо, либо становится поводом для отказа от выполнения нормы, которая не может быть твердо обоснована. Ирония обнаруживает за явной, но относительной нормой скрытый абсолютный смысл, за внешней формой предъявления нравственной ценности – ее истинную экзистенциальную значимость. Ирония способна соотнести историческую многослойность относительных и ситуативных моральных форм со все более глубокой, но ускользающей сущностью морали. Она преодолевает застывшие (постоянно застывающие в традиции) формы нравственности, осуществляя трансцендирование в сферу подлинной морали. Ироническое саморазоблачение конкретного морального феномена приводит не к развенчанию значимости морального, но к утверждению другого, более актуального его прочтения. В результате ироническое познание оказывается противоядием от цинического разоблачения морали и ее краха.

Во втором варианте соотношения явного и скрытого безнравственное находится на поверхности иронического отношения, нравственность же опять выступает как скрытая. «Иронизирующий – это тот, кто добр, но делает вид, что он злой» [11, с. 63]. Ирония в этом случае выступает как образ жизни, жизненная позиция, основанная на мнимом самоуничижении, мнимом умалении нравственных ценностей [16, с. 11]. В результате происходит «воплощение возвышенных компонентов духовной культуры в формах безжалостной негативности и альтернативных смыслов» [17, с. 18].

Еще более сложный случай представляет собой «двойная ирония», демонстрирующая многослойную игру явного и скрытого. Двойная ирония может рассматриваться

как двойное отрицание в диалектическом функционировании морального сознания. Например, заявляя, что «любовь должна быть единственной, верной и вечной», моральный субъект провозглашает действительную нравственную ценность и свою нравственную потребность в ней. Понимая, что возможность существования такой любви крайне низкая, а также что декларация убивает сам процесс ее обретения, субъект иронически дистанцируется от нее, скрыто занимая позицию отрицания: «на самом деле любовь не бывает единственной, верной и вечной». При этом, оставаясь в поле морали, он отрицает не нравственную ценность любви, а ее декларируемые характеристики и декларативные заявления о ней. Второе отрицание состоит в столь же насмешливом практическом отрицании скепсиса: когда со скептиком случается любовь, она феноменологически переживается как единственная, верная и вечная. Если циник насмехается над наивным моральным субъектом, то иронический моральный субъект насмехается по преимуществу над собой и над всеми аморальными рассуждениями, которые оказываются саморазоблаченными. Так в ироническом отношении происходит защита и воспроизведение нравственных ценностей. Заявляя свои нравственные ценности, моральный субъект относится к ним иронически, понимая смехотворность пафоса в столь относительной области. Эта трезвость позволяет разрушить ложный пафос фанатичного «отстаивания идеалов» и утвердить истинный пафос их экзистенциального переживания.

Действуя в социуме, субъект следует определенному набору нравственных правил. Отдавая себе отчет в их условности, он обращается к собственным убеждениям как основе моральной автономии, а затем иронически дистанцируется от них, с одной стороны, двигаясь в направлении абсолютных моральных ценностей, а с другой – возвращаясь к исполнению социальной роли на основе более продуманного ее нравственного смысла. Этот механизм продемонстрировал Дж. Леар, раскрывая в лекциях «Ирония и идентичность» природу иронического существования через взаимосвязь субъекта и его социальной роли, которую он обозначает как «социальное притворство». «Возможность иронии возникает тогда, когда открывается промежуток между притворством, поскольку оно доступно в социальной практике, и идеалом, который, с одной стороны, встроен в притворство – он действительно выражает все то, о чем это притворство – но который, с другой стороны, превосходит жизнь и социальную практику, в которой происходит притворство» [18, с. 11]. «Ирония – это вспышка (или инициирование) стремления к трансцендированию притворства» [18, с. 20]. При этом ирония вышшеается над установленными жизненными соглашениями, но не означает бегства от социальных обязанностей. В практике социального притворства мы осуществляем унаследованные способы реализации жизненных возможностей, однако опыт иронии позволяет обрести и другие возможности, и другие способы их реализации. Ирония – это возможность в жизни [18, с. 31].

Ответ на вопрос, почему при любом раскладе мораль оказывается в скрытом слое действительности, а перемещение в слой явного приводит к выхолащиванию ее сущности, лежит как в области психологии, так и в сфере диалектики. Психологически моральные смыслы относятся к глубинным переживаниям и в силу своего экзистенциального характера не выдерживают открытой манифестации. Поэтому ирония выступает как естественная защитная реакция нравственного человека, в отсутствие которой он сам ощущает непрерывный дискомфорт, раздражает окружающих моральными претензиями и буквально (как князь Мышкин) сходит с ума. Кроме того, сам принцип соотношения явления и сущности таков, что сущность всегда скрыта, потому и «подлинная мораль» неизменно оказывается в мире ноуменов, демонстрируя на поверхности явлений свои частичные и относительные воплощения, а то и вовсе полное отрицание самой себя. Однако следует заметить, что и в демонстративной безнравственности мо-

раль «блистает своим отсутствием», безнравственное явление вполне отчетливо указывает на норму, которой в данном случае пренебрегли.

Противоречивые слои морального смысла

Поскольку ироническое отношение возникает между противоречивыми слоями смысла, один из которых явный, а другой скрытый, вопрос об ироническом в морали превращается в вопрос о противоречивых смыслах в морали и о смысле самой морали.

В «Новой философской энциклопедии» говорится, что «смысл – внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности», с целесообразным порядком вещей [19]. Для морали такое оправдание через смысл совершенно необходимо. Ведь мораль – феноменальная видимость, сущность которой не ясна. Феномен морали в явном своем выражении всегда несколько бессмыслен, т. к. его нормы и ценности не укоренены в бытовой реальности. Поэтому поиск смысла морали осуществляется в двух направлениях. С одной стороны, можно установить связь морали с социальными обязанностями и тем самым найти ее смысл, что и делают все натуралистические и социоцентрические этические учения. С другой стороны, быть моральным – это искать смысл моральных действий за пределами повседневности, задавая ей идеальную планку должного. Поскольку и явное, и скрытое имеют смысл, то, значит, есть явный смысл морали (исторически и ситуативно относительный), а также скрытый смысл морали (абсолютные ценности, «вечные истины морали»). Соответственно, вечная этическая проблема смысла жизни настоятельно требует иронического способа разрешения. Смысл открывается иронически: за бессмыслицей повседневной суеты просвечивает нравственная ценность всего сущего; и наоборот: всякий конкретный смысл конкретной жизни обманчив на фоне слоистой глубины всех возможных смыслов жизни.

Эта методика оправдания требований морали за счет помещения их в долгосрочную историческую и биографическую перспективу в высшей степени характерна для этических рассуждений. Внеположенная сущность морали, как и других феноменов, раскрывается тому, кто способен преодолеть свой эгоизм и мыслить себя и свои действия во все более широком контексте, в котором конкретно-бессмысленные акты вроде милосердия, самопожертвования или своевременной оплаты проезда раскрывают свой смысл. Поэтому бессмыслица является злом, ибо предполагает деструкцию феномена, его связей, его предназначения, при которой мораль утрачивает в глазах субъекта свое оправдание и ценность.

Данная проблема имеет, конечно, не только познавательный, но и прагматический аспект: есть ли смысл быть моральным, совершать моральное? Переживание субъектом бессмыслицы морали – предпосылка греха уныния и всех прочих грехов. И наоборот: мораль выступает как борьба за смысл; за то, чтобы установить связь норм и ценностей с практическими актами и связь повседневных дел с перспективой. Ирония при этом становится способом противостояния бессмыслице зла.

В мире бюрократизма, формализма, симулякров и других бессмыслиц ирония не просто психологически спасительна, но теоретически действенна: она не дает удовольствоваться «единственно правильным смыслом» и в то же время не позволяет свести всю глубину смыслов к игре «означающего без означаемого». Мораль, содержащая иронический аспект, предохраняет себя от двух равно опасных для нее крайностей: нагнетание единственного смысла приводит к неуместному пафосу, отсутствие смысла – к цинизму. В этом контексте ирония, будучи золотой серединой между ними [20, с. 64], выступает как нравственная добродетель в духе Аристотеля.

Пафос монолитен и, как всякий монолит, он только медленно разрушается, но не способен к развитию своего содержания. В состоянии пафоса можно осознавать

только единственный смысл, многомерностью явлений в нем приходится пожертвовать ради силы переживания. Пафос не рефлексивен, а потому не знает своих границ, за которыми он должен уступить место другому смыслу. Пафос необходим для придания моральной мотивации силы и убедительности, но, акцентируя единственный смысл моральной ценности, он обладает «точечным» действием: постоянный пафос неестественен для психики, вызывает подозрение в лицемерии и, главное, в моральной ограниченности субъекта. «В результате, борясь против одних проявлений зла, он (пафос. – Е. Б.) вызывает еще большие несчастья и несправедливости» [21, с. 500–501]. Данное явление Л. Свенсен назвал «идеалистическим злом» [22], А. Бадью – «злом как катастрофой», «абсолютизацией силы истины» [23]. По сравнению с пафосом, фанатично провозглашающим однозначность морального смысла, ирония обладает существенными преимуществами в осмыслении богатства морального мира.

От цинизма же ирония отличается настолько сильно, что существование «циничной иронии» кажется оксюмороном. Циничный взгляд на вещи поверхностен, ирония же видит «слоистость» любого явления, движется в его глубину. У циника все отношения упрощены до вульгарного потребительства и манипуляторства, поскольку с людьми «все ясно»: они ничтожны. Для ироника подлинное всегда скрыто; любой человек, мотив, поступок имеет как минимум две интерпретации, а на любой вопрос есть по крайней мере три правильных ответа. Цинизм есть равнодушие к миру и его проблемам, ирония, как уже отмечалось, это обязательно ценностная ориентация, заинтересованность в том, чтобы добраться до «самой сути». Циник относится к миру как к бессмыслице, в которой глупо и невозможно совершать нравственные деяния, ироник же всю жизнь ведет борьбу за смысл, постоянно продолжая нравственные усилия именно в силу их относительности.

Почему смысл выявляется только в противоречии, в столкновении явного и скрытого смысла, мнимого и подлинного? Потому что смысл динамичен, процессуален, в то время как жесткая фиксация приводит к его рассеиванию. Важнейшая и знаковая категория этики – смысл жизни – лучшее тому подтверждение. Сообщение, декларация, вербальная формулировка ничего не дают вопрошающему и вопиющему о смысле. Только в противоречивом нравственном опыте, в деятельности по осмысливанию, в применении иронического отношения субъект обнаруживает смысл происходящего.

Конституирование коммуникативного иронического морального субъекта

Ироническое соотношение смыслов, характеризующее саму мораль, самовыявляется в коммуникации морального субъекта и побуждает его пользоваться ироническим отношением уже как инструментом познания и способом решения нравственных проблем. В человеческом общении соотношение явного и скрытого смыслов морали выявляется посредством месседжей, посылаемых коммуникативным ироническим моральным субъектом. Полноценная ирония предполагает зрителей – слушателей – читателей, к которым обращено ироническое послание по поводу морали (пусть это даже сам иронизирующий субъект). Общение с множеством разнообразных моральных субъектов создает пространство функционирования иронического отношения в дискурсивных практиках. В процессе коммуникации ироническое противоречие смыслов затрагивает экзистенциальную структуру субъекта, поэтому оно не только фиксируется в понятиях языка, но и переживается эмоционально. В контексте человеческой коммуникации моральный субъект осознает свое место среди других моральных субъектов, свой неабсолютный статус, двойственный смысл всех моральных феноменов. Объективная ирония морали, слои которой имеют постоянно меняющиеся и ускользающие смыслы, указывает любому субъекту на границу его нравственных возможностей и предполагает самоиронию как обязательную характеристику субъекта.

В структуре морального субъекта ироническое проявляется, например, как преодоление эгоизма, как способность дистанцироваться от своих интересов и страстей, от абсолютизации собственной позиции, значимость которой по большому счету мнимая. Большинство систем нравственности так или иначе содержат запрет на эгоистическое поведение. Но если подавление со стороны религиозной или общественной морали воспринимается индивидом негативно и вызывает протест, то добровольное следование нравственным установкам предполагает осознание относительности собственного «Я», возникающее в результате иронического соотнесения себя с другими, а также с абсолютным. В результате «ироник не цепляется за свое “Я”, которое мешало бы ему выйти на субъект-субъектный уровень» [13, с. 152]. «Ирония на свой лад предполагает ослабление чувства “я”: не идти до конца в своей правоте, обмениваться точками зрения со своим противником» [11, с. 61]. В этом процессе ирония выполняет коммуникативную функцию, ориентирует на уважение к статусу Другого, на толерантное взаимодействие с иным. В то же время такой иронический процесс не разрушает идентичность морального субъекта, но делает ее более устойчивой за счет способности удерживать различные возможности, не быть привязанным к «точечной» идентичности. В процессе иронического рассеяния «Я» эгоизм оказывается мнимым, страсти ослабляются, психологические механизмы, выступающие основой безнравственного поведения, утрачивают силу. Подлинной же оказывается общительность субъекта, конституирующего свое «Я» в процессе взаимодействия. Ирония, как и мораль, принадлежит социальной коммуникации [24, с. 480].

Ироническое отношение создает в моральном мире субъекта пространство безопасности. Понимание соотношения явного и скрытого смыслов морали вызывает усмешку, облегчающую серьезность ситуации. «Серьезность нагромождает безысходные ситуации» (М. М. Бахтин [25, с. 358]), ирония же показывает практический выход. Серьезное отношение к противоречиям явного и скрытого смыслов, к тому, что подлинные нравственные ценности всегда скрыты, – дорога к нравственному бессилию. Ироническое же отношение – шанс удержать противоречие и установить конкретность морального, шанс настаивать на возможности морального в относительном мире. Усмешка как завершающий элемент иронического отношения дает эмоционально-волевой импульс поведению, энергию «правильной жизни». Потому ирония оказывается не только способом познания, но и образом действия. Усмешка ироника фиксирует не только осознание собственного несовершенства по сравнению с идеалом, не только понимание относительности самого идеала, но и относительности своей иронической позиции на фоне вечных абсолютных ценностей морали. Иронический субъект выступает как носитель личностного знания, знания-понимания, способный осознать непостижимую сложность морали. Переход от непонимания к пониманию происходит внезапно и трансгрессивно и дарует познающему душевную радость. Так иронический моральный субъект возвышается над ситуацией благодаря способности понимать подлинное соотношение смыслов и подлинную иерархию моральных ценностей, утверждает смысл над бессмыслицей неироничной действительности.

Заключение

Ироническое отношение присуще самой морали, это отношение между ее противоречивыми слоями смысла, одни из которых – скрытые, а другие – явные. Самовывявление этого обстоятельства в ее функционировании образует феномен иронии морали.

Одновременно ироническое отношение – это способ познания объективной иронии морали, которое осуществляет коммуникативный моральный субъект в ходе практического освоения морали и самопознания. Ироническое отношение как способ познания позволяет выявить противоречивую смысловую глубину морали в контексте ком-

муникации. Субъект реализует ироническое отношение как элемент диалектического или синергетического метода постижения саморазвивающегося феномена, каковым и является мораль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева, Е. В. Структура иронического / Е. В. Беляева // *Философия и соц. науки*. – 2015. – № 1. – С. 47–52.
2. Шатуновский, И. Б. Ирония и ее виды / И. Б. Шатуновский // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 340–372.
3. Гейко, С. М. Иронія як культурна універсалія: філософський аналіз : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 09.00.04 / С. М. Гейко ; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. – Київ, 2007. – 17 с.
4. Бочина, Т. Г. Серьезное в смешном / Т. Г. Бочина, Р. Р. Залялова ; Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань : Изд-во ТГГПУ, 2008. – 208 с.
5. Мечковская, Н. Б. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы / Н. Б. Мечковская // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 140–153.
6. Воробьева, К. А. Специфика иронии среди других языковых средств комизма / К. А. Воробьева // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – С. 201–206.
7. Бакштановский, В. И. Социология морали: нормативно-ценностные системы / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов // *Социс*. – 2003. – № 5. – С. 8–20.
8. Беляева, Е. В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е. В. Беляева. – Минск : Экономпресс, 2007. – 464 с.
9. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: буржуазный век : в 3 т. / Э. Фукс ; пер. с нем. В. М. Фриче. – М. : Терра : Республика, 1996.
10. Зайчик, Х. В. Дело судьи Ди / Х. В. Зайчик. – М. : Азбука-классика, 2003. – 294 с.
11. Янкелевич, В. Я. Ирония. Прощение : пер. с фр. / В. Я. Янкелевич. – М. : Республика, 2004. – 335 с.
12. Андреев, Л. Н. Правила добра / Л. Н. Андреев. – М. : ЭКСМО, 2012. – 320 с.
13. Бралгин, Е. Ю. Этика смеха / Е. Ю. Бралгин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 225 с.
14. Рюмина, М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. – 2-е изд., испр. – М. : КомКнига, 2006. – 320 с.
15. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти ; пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. – М. : Рус. феноменол. о-во, 1996. – 280 с.
16. Коновалова, О. А. Функциональная трансформация иронии в эпоху постмодерна / О. А. Коновалова // *Грамота*. – 2011. – № 1 (7). – С. 120–122.
17. Фархитдинова, О. М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / О. М. Фархитдинова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.
18. Lear, J. Irony and identity : Tanner lectures on human values / J. Lear. – Chicago : Chicago Press, 2009. – 46 p.
19. Шрейдер, Ю. Смысл [Электронный ресурс] / Ю. Шрейдер // *Новая философская энциклопедия*. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e9048140abc94af2d6f1e8>. – Дата доступа: 07.10.2019.

20. Осиновская, И. А. Ирония и Эрос. Поэтика образного поля / И. А. Осиновская. – М. : Памятники ист. мысли : РОССПЭН, 2007. – 208 с.
21. Нибур, Р. Почему Церковь не стоит на позициях пацифизма? / Р. Нибур // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М. : Юристъ, 1996. – С. 514–534.
22. Свенсен, Л. Философия зла / Л. Свенсен. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 352 с.
23. Бадью, А. Этика. Очерк о сознании Зла : пер. фр. / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2006. – 126 с.
24. Дмитриев, А. В. Смех: социофилософский анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – М. : Альфа-М, 2005. – 592 с.
25. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2019

Belyaeva E. V. The Role of the Ironic Relation in Cognition of Morality

The article is devoted to the consideration of the role of the ironic relation in cognition, which goes beyond the boundaries of aesthetics and can be considered in relation to ethical issues. The relevance of this approach is determined by the features of the modern pluralistic world and the search the ways of right life in it. The ironic relation is inherent in morality itself; this is the relationship between its conflicting layers of meaning, some of which are hidden, while others are explicit. Self-explication of this circumstance in its functioning forms the phenomenon of the irony of morality. At the same time, an ironic relation is a way of knowing the objective irony of morality, which is carried out by a communicative moral subject in the course of the practical development of morality and self-knowledge. The ironic relation as a way of cognition reveals the conflicting semantic depth of morality in the context of communication.

УДК 316.4: 39

С. Г. Смоляк

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и политологии
Витебской государственной ордена «Знак Почета» академии ветеринарной медицины
e-mail: SSmoljak@tut.by*

КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Исследуется механизм взаимодействия этносов, их культур в глобализирующемся мире, показаны глубинные истоки и причины разрушения моральных норм, вековых традиций при одновременном формировании асоциальных ценностей, которые являются одной из причин краха построения мультикультурного общества в географическом пространстве Западной Европы. Раскрывается разрушительная роль абсолютизированного права личности на свободу «без ограничений» при отсутствии опоры этой свободы на нравственные основы. Показана проекция развития белорусского этноса и белорусской культуры. Демонстрируется особенность преломления механизма глобализации в Республике Беларусь, которая заключается в ориентации на сохранение вековых традиций народа в единстве с тенденцией на освоение мировых достижений культуры.

Введение

Динамизм современных глобальных этносоциальных, экономических, политических процессов вносит существенные коррективы в межгосударственные отношения, которые проявляются в формировании различного рода союзов, ориентированных в первую очередь на экономическое развитие входящих в них стран и устранение стоящих перед ними проблем. Однако иногда создание этих союзов обостряет существующие или создает новые проблемы глобального масштаба. В итоге эти динамично протекающие процессы стремительно изменяют стиль мышления людей, их уклад жизни, краткосрочные и долгосрочные цели; оказывают существенное воздействие на изменения в составе, структуре этносов и субэтносов всех регионов мира, на их образ жизни и характер взаимоотношений, приводят к непосредственному воздействию на их культуру. Следовательно, взаимодействие этносов является производной глобальных экономических, политических, иных процессов, но одновременно выступает сущностным фактором изменения культуры как этносов, так и цивилизации в целом.

Целью статьи является исследование механизма взаимодействия культур народов в условиях многообразных глобализационных процессов. Достижение этой цели осуществляется через решение задачи по раскрытию глубинных истоков и причин данного взаимодействия, определению горизонта и особенностей развития культуры белорусского этноса в условиях глобализации. Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегии развития культуры конкретных обществ, выявлении роли идеологии по выработке эффективных идейно-воспитательных и пропагандистских мер, блокирующих идеологические доктрины, которые ведут к хаосу и разрушению стабильности социальных систем.

Достижение цели определяется рядом факторов, к которым следует отнести выработку стратегии, определение методов решения задач, набор фактуального материала и ряд других. Важнейшим из них, с нашей точки зрения, является выработка стратегии. В контексте нашей темы стратегический путь берет свои истоки в категории «культура», через определение содержания которой мы будем приближаться к достижению цели исследования. Что касается определения, то в широком смысле своего содержания данная категория обозначает все, что создано человеком, противостоит природе и стало для него необходимой искусственной естественностью, а значит и ценностью. Именно

в контексте вышеприведенного суждения культуру чаще всего и определяют, разделяя ее на материальную и духовную. Данная интерпретация позволяет более адекватно выявлять характер изменений в культуре в условиях интенсивных глобализационных процессов взаимодействия этносов; находить в культурах разных эпох, регионов, этносов маркеры общего и особенного. Общее в культуре обозначает наличие в ней таких ценностей, которые носят универсальный характер: например, технические достижения, наличие способов коммуникации или трансляции культуры и др. Особенное же обозначает тот факт, что в любой культуре имеются ценности, которые в других культурах отсутствуют. Так проявляется уникальность ее и в этом контексте ценность, выступающая условием взаимообогащения культур, определяемого типом взаимодействия этносов – непосредственного или опосредованного. При опосредованном взаимодействии этносов изменения в их культуре – в обычаях, традициях, нормах морали, образе жизни, прочих ее элементах – происходят без резких скачков, постепенно. Эволюционный характер их изменений объясняется отсутствием причин конфронтации культур: если субъект данного этноса входит во взаимодействие с элементами культуры другого этноса, которые для него неприемлемы, чужды, но не насаждаются силой, он может их игнорировать: например, не покупать, если это относится к артефакту материального производства, какой-либо предмет (как товар), предназначенный для удовлетворения витальных потребностей, или не смотреть фильм, спектакль, выставку и проч., что относится к духовной культуре. Этот же эволюционный характер присущ взаимодействию культур этносов регионально-территориального пограничья, в котором закономерно происходит «диффузное» взаимопроникновение культур по причине длительного проживания этносов в одном географическом пространстве и контактирования в процессе жизнедеятельности.

Иной характер, как показывает опыт построения мультикультурного общества в Западной Европе, изменения культуры принимают при непосредственном взаимодействии этносов. В частности, в условиях глобализма при адаптации мигранта в социальную среду автохтонного этноса от него требуется адекватность реакций на нормы права и морали данной социальной среды. Однако эта адекватность как раз и не проявляется, т. к. мигрант не в состоянии быстро освоить те культурные ценности, с которыми он ранее не сталкивался. В этих условиях происходит «столкновение» культур и цивилизаций [1, с. 14, 17]. Одновременно мигрант сталкивается с единством противоположностей в себе, с противоречием, которое должно быть разрешено им самим и в данное время. Понимание этого противоречия в единстве с желанием субъекта его разрешать дает ему возможность успешной адаптации к новой для него социальной среде, адаптации в культурное пространство автохтонного субъекта (освоение элементарных знаний правовой культуры, традиций стран, например Евросоюза как социально-правового и политического гиперсубъекта).

Но часто мигрант осознанно не желает адаптироваться к социальной среде, обосновывая свое нежелание несколькими причинами. *Во-первых*, он ссылается на естественное право быть свободным и в этом аспекте придерживаться того уклада и образа жизни, которые принес с собой. В этом аспекте мигрант часто «решает» проблему адаптации эффектом обратного действия – осознанного расширения пространства своей культуры в пространстве культуры автохтонного этноса. *Во-вторых*, он не желает принимать навязываемые ему ценности, которые чужды не только для культуры его народа, но и для культуры человеческой цивилизации. Такие ценности по сути своей выступают антиценностями, разрушающими классические формы культуры цивилизации. Также следует подчеркнуть, что разрушение традиционных ценностей в условиях глобальных этносоциальных процессов происходит в различных формах. Но наиболее опасно для культуры ее разрушение под прикрытием правовой защиты свобод лично-

сти, предполагающей абсолютизацию ее свободы действий по удовлетворению желаний и интересов. Но абсолютизация права на свободу личности приводит к противоречию ее свободы в соотношении с принципом нравственности, т. к. предполагает возможность правового обоснования безнравственных поступков нравственными, а значит и ценностными. Но ценность есть то, что жизненно значимо для субъекта и без чего человек не может самосовершенствоваться и самореализовываться как личность. А именно таковыми не являются «антиценности», вступающие в противоречие с классическими постулатами из сферы этики и морали. И это не только законодательная практика однополых браков, разрушающая семью как социальный институт и основополагающую ячейку общества, но и практика абсолютизации некоторыми субъектами претензий на роль мирового зрителя за соблюдением и установлением в каждой стране конкретных формул демократии, а в сфере политики – двойных стандартов в оценке любых политических, социальных и иных явлений. Эти и другие примеры скорее указывают нам если не на закат человеческой цивилизации (и в первую очередь на закат Европы [2, с. 47, 56], на культурном пространстве которой были сформированы универсальные представления о демократии, о высоком предназначении человека, его правах и свободах, принципы высокой светской морали), то на исчерпание внутренних способностей саморазвития и внешних возможностей развития Западной цивилизации.

В связи с нашим видением механизма формирования антиценностей напомним, что в Европейскую Конвенцию о защите прав и свобод человека внесено положение о нравственности. Т. е. Конвенция указывает на тот факт, что свобода человека как свобода его деятельности может быть, но только при условии нравственности этой свободной деятельности [3, с. 8–12]. В ином же случае цели любой деятельности не будут достигнуты, что подтверждается неудавшейся попыткой формирования на пространстве западноевропейских государств мультикультурного общества. Хотя причина провала его создания не только в антиценностях. Этих причин гораздо больше, и одна из важнейших заключается в том, что в западноевропейских обществах не созданы условия для образования мультикультурных обществ, а надежды на ассимиляцию сотен тысяч мигрантов в современных условиях не оправдались.

Одновременно с такой констатацией закономерна постановка вопроса о предпосылках появления и распространения в условиях глобализма антиценностей, расшатывающих фундаментальные устои европейской культуры. С нашей точки зрения, предпосылки для их формирования лежат в плоскости великих социально-экономических и научно-промышленных преобразований, произошедших во второй половине XIX – XX в.

Во-первых, промышленно-научные революции XIX в. способствовали повышению производительности труда, интенсификации торговых отношений, формированию мирового рынка товаров, вместе с которым был заложен процесс глобализации.

Во-вторых, открытия в науке в единстве с принципом антропоцентризма вселяли человеку уверенность в их возможности изменять и социально-политическое, и природное пространство своего существования, и себя по своему желанию. Эта уверенность наиболее ярко проявилась в культуре, в первую очередь в искусстве – кубизме, сюрреализме, футуризме, других формах, в которых человек попытался изобразить увиденный и понятый им мир в ином измерении.

В-третьих, в последующем XX в. актуализировал проблему свободы народов, которая обостренно чувствовалась по причине существования колониальной системы в ее классической форме и рухнула в 40–60 гг. XX в. После крушения колониальной системы на фоне подъема национального самосознания актуализировалась задача формирования региональных культур. Особый оттенок приобрела проблема прав и свобод, поскольку метрополии не оставили идеи господства над освободившимися колониями.

Необходимо было найти новые формы господства, и они были найдены, но уже в сфере духовной, ядро которой составляло идеологическое обоснование ценностей Запада как единственно истинных, проявляющихся в демократических свободах и правах личности. Именно в контексте данной идеологической доктрины нормы и принципы морали стали активно замещаться понятиями демократии и свободы «без ограничений». Суть же замены заключалась в подавлении свобод не столько личности, сколько свободы народов (в границах государств) посредством навязывания политических, социальных, моральных и иных стандартов и ценностей одной политической группы стран (или страны) всему мировому сообществу. При этом проводилась эта концептуальная политическая линия путем целенаправленного разрушения традиций и классических ценностей под девизом «Хлеба и зрелищ!» и изменения парка развлечений для всех поколений, но прежде всего для молодежи, содержание которого составляло пресыщение комфортом. А на вершине этого комфорта господствовали ценностные ориентиры секса, а не любви или счастья материнства. Таким образом, пропаганда абсолютной свободы в единстве с изменением иерархии ценностей в массовой культуре создавали благоприятные условия для манипулирования сознанием личности, масс, превращая их в «одномерного человека» [4, с. 4–10], в толпу. Такой подход дополнялся активизацией широких масс населения с формальным предоставлением возможности каждому участвовать в управлении государством, что способствовало формированию убежденности в приоритете политической власти по отношению к другим формам разрешения проблем личностного бытия. Поэтому политика заменила нравственность везде.

В-четвертых, на рубеже тысячелетий весомый вклад в формирование антиценностей внес постмодернизм как новая мировоззренческая парадигма, сформировавшаяся во второй половине XX в. Именно в постмодернизме теоретически обосновывается релятивизм знаний, ценностей, все объявляется знаком, а знак представляется всемогущим языком, всеобщей субстанцией в форме симулякра. И именно в постмодернизме обосновывается принцип децентризма в культуре, что обозначает уравнивание и ценностей, и культур: нет высоких и низких культур, как нет высоких и плоских ценностей!

В-пятых, последним шагом в выход антиценностей на просторы культуры была идеологическая составляющая в форме «благотворительной» заботы о практическом применении теоретических разработок социальных наук. Первым шагом социального праксиса по воплощению в жизнь новых теоретических стандартов явилось движение хиппи. Потом последовало право свободной любви, приведшей в итоге к свободе любви всех со всеми и, наконец, праву браков между однополыми и уравниванием в правах во всех сферах физиологически разных, но однотипно размышляющих гендеров. Следовательно, понадобилось чуть больше полувека для того, чтобы в духовно-нравственные устои цивилизации внедрить вирус ее саморазложения с одной целью – колонизировать весь мир, сделать его податливым в управлении и способным считать разумным то, что кто-то это «ГО» признает разумным и действительным (или уже «неразумным, а значит и недействительным, требующим свержения в форме «цветной» революции).

Изложенное выше следует дополнить важным, как нам представляется, утверждением о том, что в условиях глобализации этносоциальных процессов к разрушению вековых ценностей этноса приводит не только формирование асоциальных ценностей, но и перенос ценностей в форме традиций из культуры одного этноса в культуру другого, где эти «инновационные» ценности принимают статус псевдоценностей. Проявлением такого процесса могут служить такие «инновационные» «традиции», неистово насаждаемые на постсоветском культурном пространстве, в том числе и белорусскому народу, как празднование дня Патрика, дня влюбленных (день святого Валентина), хэллоуина. Но в истории нашего народа нет таких праздников, ибо эти имена непосредственно не связаны с историей нашего этноса, нашей культуры. И если без оглядки

на нашу историю принимать и переносить празднования всего, что есть в культурах и истории других народов, то это приведет к массовой инволюции белорусского этноса, к «развоплощению» личности белоруса. Тем более что эти «праздники» нам навязываются с той же целью – разрушить основания классической культуры, дав взамен идеал сиюминутных удовольствий, превращающих человека в машину потребления этих удовольствий и зрелищ.

Заключение

XXI столетие характеризуется стремительным развитием науки и инженерной мысли, захватывающими дух проектами освоения космоса, не менее динамично протекающими социальными процессами, среди которых можно выделить стремление этносов к диалогу и тенденцию к этнической интеграции в попытке создать мультикультурное пространство в пределах эйкумены. Однако процессы эти влекут за собой не только потерю маркеров самоидентификации народов, главным из которых всегда была культура [5, с. 216–217], но и этноса. Вот почему сохранение культуры, в первую очередь традиций, обычаев предков, в современных условиях цивилизационного развития является одной из важнейших задач любого этноса (в том числе и белорусского) как неотъемлемой части мировой системы и по этой причине включенного в мировые торгово-экономические, коммуникативные, политические и другие виды связей и взаимодействий.

Глобализация уже привела к изменению этнического состава народонаселения нашей страны. И этот процесс в русле тенденции формирования общепланетарного культурного и информационного пространства не остановить. *Поэтому задача заключается в организации встраивания белорусского этноса в мировую цивилизацию с сохраненной аутентичной культурой, что последовательно и претворяется в жизнь.*

Во-первых, этот процесс направлен на укрепление единства белорусского народа и развитие культуры всех его этнических сообществ [6, ст. 14–15, 51], отношения между которыми характеризуются толерантностью, истинно братскими, проверенными на прочность не один раз в годы суровых испытаний.

Во-вторых, на всем территориально-культурном пространстве Республики Беларусь возрождаются и динамично развиваются традиционные ценности, дополняясь и обогащаясь новыми истинными ценностями. Например, гармонично влилась в корпус традиций акция «Бессмертный полк», дополняющая празднование Дня Победы. Наблюдается тенденция обращения к христианской морали, ценностям христианства в целом, которое является хранителем вековых обычаев нашего народа.

В-третьих, в контексте возрожденческих тенденций вырисовывается горизонт будущего Беларуси и ее культуры в границах истинных ценностей, возвышающих личность, ее помыслы и деяния во благо общества и государства [6, ст. 54].

В-четвертых, основанием сохранения культуры любого народа, особенно малых народов, является его теснейшая связь с более многочисленным и могучим, в широком смысле этого слова, этносом, близким в ментальном аспекте и исторически имеющим развитую государственность. Для белорусского народа таким государством является Россия, с которой у нас общая история – от истоков до современности и, как представляется автору, будущее.

Но будущее в контексте цивилизационном, когда белорусский этнос не будет ассимилирован, а составит сущностную часть «современной цивилизации», под которой Н. Я. Данилевский имел в виду цивилизацию славянскую [7, с. 124–125, 127], а С. Ф. Хантингтон – цивилизацию православную [1, с. 55].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хантингтон, С. Ф. Столкновение цивилизаций [Электронный ресурс] / С. Ф. Хантингтон. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=44377&p=11. – Дата доступа: 02.06.2019.
2. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – С. 5–146.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) : [подписана в г. Риме 4 ноября 1953 г.] // Права человека : междунар. прав. докл. и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 108–112.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек [Электронный ресурс] / Г. Маркузе. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/86627/Markuze_-_Odnomernyy_chelovek.html. – Дата доступа: 27.11.2016.
5. Смоляк, С. Г. К вопросу о государстве в контексте идентификации субъекта в условиях глобализации / С. Г. Смоляк // Историко-философские и социально-политические аспекты сохранения национальной идентичности белорусского общества. Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается : материалы Респ. науч.-практ. конф., Барановичи, 17 апр. 2015 г. – Барановичи : БарГУ, 2015. – С. 214–217.
6. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.
7. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; сост. С. А. Вайгачев. – М. : КНИГА, 1991. – 574 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.06.2019

Smoliak S. G. The Culture in the Context of Global Ethnosocial Processes

The mechanism of interaction between ethnic groups and their cultures in a globalizing world is studied in the article. The deep origins and causes of the destruction of moral norms and age-old traditions while simultaneously developing asocial values which are one of the reasons for the collapse of formation of a multicultural society in the geography of Western Europe are shown. The destructive role of the absolutized right of the individual to freedom without restriction in the absence of the support of this freedom on moral principles is revealed. The development of the Belarusian ethnos and the Belarusian culture is projected. In this context the peculiarity of the refraction of the globalization mechanism in the Republic of Belarus which consists in focusing on the preservation of the people age-old traditions in unity with the tendency to master the world cultural achievements is demonstrated.

УДК 14:378

А. В. Климович¹, С. А. Жук²

¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистрант исторического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИТОГОВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Г. ГЕГЕЛЯ И Ф. ФУКУЯМЫ: ИСТОРИКО-КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Исследуется историко-научный, социальный и иные контексты формирования идей Г. Гегеля и Ф. Фукуямы. Осмысливаются механизмы достижения «конца истории» и изучаются его парадоксы. Показано, какую роль в осмыслении всемирно-исторического процесса Гегелем и Фукуямой играют категории свободы и государства, и выявлено сходство и различие в интерпретации мыслителями этих категорий. Делается аргументированный вывод о том, что социально-политическая философия Фукуямы представляет собой по сути секулярный вариант гегельянства.

Человек задумывается о смысле и назначении истории уже на протяжении многих тысячелетий. За время донаучной и научной рефлексии данных проблем сформировалось два основных подхода, объясняющих закономерности развития истории: циклическая парадигма и парадигма «стрелы времени», между ними находится целый спектр синтетических теорий и концепций. Первые попытки рассмотрения истории как циклического процесса относятся, на наш взгляд, к незаслуженно забытому исследователями «Речению Ипувера» («Речению Ипусера»), в котором говорится как о народных восстаниях, вторжениях иноземцев, экономическом кризисе, природных катаклизмах, так и о восстановлении могущества Египетского государства. Подобные мысли о циклическости истории высказывались и в книге «Экклезиаста», правда, разбавленные размышлениями об экзистенциальном одиночестве человека в мире, покинутом Богом. Традиция «Экклезиаста» нашла свое отражение в философии Ф. Ницше, а значит, как непосредственно, так и опосредованно оказала значительное влияние на неклассическую европейскую философию. Несомненно, что и в рамках циклического подхода можно говорить о своеобразном «конце истории» – как окончании одного цикла. Например, в уже упомянутом «Речении Ипувера» значительное внимание уделено эсхатологической составляющей, связанной с кризисом, нарушающим устои жизни общества.

Формирование парадигмы «стрелы времени» связано с развитием великих монотеистических религий, где провиденциальная и телеологическая философия истории является частью своеобразной «великой мистерии» Бога-демиурга и созданного им мира. В рамках статьи мы не будем рассматривать мистериальные монотеистические культы Древнего Египта и Греции, учения орфиков, пифагорейцев и др. В иудео-христианской традиции именно в христианской философской мысли «стрела времени» была осмыслена наиболее системно. Напомним, что восточная христианская традиция испытала огромное влияние неоплатонизма. Как вторая «волна» (практически в тоффлеровском понимании) именно эта парадигма проявила себя в науке Нового времени, ее «фронтом» стали картезианство, эмпиризм, немецкая классическая философия и, на наш взгляд, в наибольшей степени позитивизм. Классическим примером реализации этого подхода (прежде всего, каким он воспринимается в научном сообществе) является концепция философии истории Г. Гегеля. В конце 1980-х гг. не без определенного влияния философии истории Г. Гегеля Ф. Фукуямой был провозглашен либерально-демократи-

ческий «конец истории». Добавим, что определенная актуализация идеи «конца истории» (необязательно с формулировкой стройной философско-исторической или богословско-теологической концепции) наблюдается в имперской парадигме, которая обычно выходит за пределы физического времени и пространства, становясь вневременной, универсальной, идеократической, мистически привлекательной и всепоглощающей силой, действующей по библейской формуле: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня... ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Матф. 11:28–30).

В рамках статьи мы осуществим попытку компаративного анализа идей «конца истории» в концепциях Г. Гегеля и Ф. Фукуямы. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить исторический контекст, повлиявший на восприятие этими философами всемирно-исторического процесса;

2) выявить особенности понимания Г. Гегелем и Ф. Фукуямой итогов и результатов всемирно-исторического процесса.

Исторический контекст формирования взглядов Г. Гегеля и Ф. Фукуямы на результаты и итоги всемирно-исторического процесса

Изучение исторического контекста для понимания специфики формирования тех или иных положений философии конкретного мыслителя не имеет эвристического потенциала до тех пор, пока не будет более или менее четко определено, каким образом и насколько они оказали влияние на восприятие мира, мировоззрение философа. Концепция философии истории Г. Гегеля была сформирована в рамках немецкой классической философии, что, несомненно, оказало определенное влияние на его умозаключение. Это дало возможность ряду авторов (например, А. В. Яцевич [1]) говорить о неоригинальности модели суждений Г. Гегеля, заимствовании философской концепции И. Фихте.

Молодость Г. Гегеля прошла не только в тиши университетских аудиторий и жарких академических спорах, но и под грохот Французской революции. Профессор Гегель стал не только человеком, жившим в эпоху Наполеоновских войн и установления и развития Венской системы международных отношений, но и их непосредственным свидетелем и участником. В 1806 г. война с «Корсиканским чудовищем» коснулась и его родной Пруссии. Во время войн IV Коалиции боевые действия докатились до Йены, где Г. Гегель дописывал и редактировал книгу «Феноменология духа». После победы в битве при Йене Наполеон вошел в город. Существует исторический или псевдоисторический факт встречи этих двух великих людей, которая в некотором роде подвинула Г. Гегеля провозгласить «конец истории». Отметим, что Г. Гегель избегает концепта «конец истории». Скорее мы можем говорить о «смысле истории» или о «результате истории». Тем не менее в научном дискурсе весьма распространено мнение о том, что в «Феноменологии духа» Гегель провозглашает «конец истории». Одна из побед Наполеона (не самая блестящая или эффектная) заставила философа говорить о фундаментальных изменениях во всемирно-историческом процессе. Впрочем, известные нам биографические работы, в силу внутренней противоречивости сведений о жизни философа, а следовательно наличия ряда историографических традиций, не позволяют сделать однозначные выводы о причинах подобного умозаключения.

Г. Гегель не внес коррективов в свою концепцию, несмотря на консервативный тренд во внутренней политике Наполеона, реставрацию монархий (режимы легитимизма), поражение от Российской империи, свержение, «100 дней», ссылку на остров Святой Елены.

Второй раз системно к философии истории Г. Гегель вернулся в 1820-х гг. во время чтения курса по философии истории в Берлинском университете (книга была издана посмертно). В условиях новой геополитической реальности Гегель одобряет именно Прусскую модель, которая в наибольшей степени не только может быть носителем «скипетра» истории (в оригинале: *Hertscherstab*), но и создает условия для реализации Абсолютного духа в истории. Гегелем даже половинчатые и непоследовательные реформы Гогенцоллернов воспринимаются в весьма позитивном ключе: доступ к государственным должностям открыт каждому гражданину, но умение и пригодность являются необходимыми условиями [2, с. 455].

Восприятие Гегелем исторических процессов начала XIX в., исходя из созданных им текстов, позволяет сделать вывод об их «отрефлексированности» через призму его объективно-идеалистического учения. Вместе с тем мы можем допустить, что Гегель воспринимает исторические процессы с позиции «пророка», чья миссия – растолковать истинный смысл истории и современности и быть «консультантом» личностей, через которые Абсолютный Дух воплощается в истории. Гегель охотно делал своеобразные «реверансы» в сторону ведущих геополитических акторов своего времени, одновременно выполняя роль «пророка».

Несколько по-иному исторические процессы воспринимаются Ф. Фукуямой. Напомним, что собственный взгляд на «конец истории» Ф. Фукуяма изложил в конце 1980-х гг., а уже спустя десятилетие начал проводить его ревизию. В рамках статьи целесообразно остановиться на исторических событиях, которые заставили Фукуяму «реанимировать» и развивать идеи Г. Гегеля. В той или иной степени на формирование идей Фукуямы оказали влияние следующие процессы и события, ставшие эмпирической основой аргументации провозглашения конца истории: «демократический транзит» начиная с середины 1970-х гг. в странах Южной Европы, Латинской Америки, Азии, Африки; уничтожение правой альтернативной магистрали глобального развития, причем как ее европейской, так и азиатской ветви; форсированное развитие стран Азии в 1970–1980 гг., что привело к появлению такого феномена, как «азиатские тигры»; экономические реформы в КНР в условиях существования рыночных механизмов; демократические революции в Центральной и Восточной Европе; перестройка в СССР и дезинтеграция советской мир-империи.

События на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. не упоминаются Ф. Фукуямой в статье «Конец истории?» [3], и это связано с тем, что текст был создан до вышеупомянутых событий. В книге «Конец истории и последний человек» философ отмечает: «Китай после площади Тяньаньмэнь далек сейчас от либеральной демократии, но по мере хода экономических реформ его внешняя политика становится все более, можно сказать, буржуазной. Похоже, что сегодняшнее руководство Китая понимает, что не может обратить экономические реформы вспять и что Китаю придется оставаться открытым для международной экономики» [4, с. 406]. Наибольшее влияние на формирование идей Фукуямы оказали революции в Центральной и Восточной Европе (возвращение региона на путь либерально-демократического развития) и процессы демократизации и либерализации в СССР (поражение коммунистической альтернативы развития). Дезинтеграция советской мир-империи, скорее, стала приятным «бонусом» для концепции Фукуямы, резко усиливая поток воды, льющийся на жернова «конца истории».

В целом политическую историю XX в. Ф. Фукуяма склонен интерпретировать как «соревнование» глобальных идей коммунизма, фашизма и либеральной демократии, в котором победа достается либерально-демократической идее, т. к. она наиболее комплементарна природе человека.

Очевидно, что довольно быстрый распад мировой системы социализма оказал на американского мыслителя значительное влияние: еще за десятилетие до этого ком-

мунистическая идея оставалась довольно привлекательной в Латинской Америке и странах Азии и Африки, советские войска стояли в Берлине, вся Центральная и Восточная Европа фактически развивалась в рамках советской парадигмы при «надзорной» функции войск Варшавского пакта и т. д. Сравнивая текст квалификационной работы Ф. Фукуямы на соискание степени доктора философии, посвященной проблемам советской геостратегии на Среднем Востоке (защищена в 1980 г.), и статьи «Конец истории?», опубликованной в журнале «National interest» летом 1989 г., можно отметить следующее [5]: как и большинство западных интеллектуалов, Ф. Фукуяма до периода явного кризиса в советской модели считал, что коммунизм – это «всерьез и надолго», а значит, СССР является геополитическим актором, с которым необходимо взаимодействовать хотя бы в интересах сохранения мира на земле. Более того, кризис советской системы вызвал у философа, привыкшего мыслить в парадигме биполярности, своего рода экзистенциальный, мировоззренческий кризис: великий противник повержен, но что дальше? Именно эйфория победы, с одной стороны, позволяет делать выводы и обобщения на высоком уровне абстракции, а с другой – уничтожает старые смыслы и заставляет находить новые. На наш взгляд, провозглашение Ф. Фукуямой конца истории (а заодно и конца философии и искусства) является примером этого явления.

Сопоставляя особенности восприятия исторического процесса Ф. Фукуямой и Г. Гегелем, мы можем найти как ряд сходств, так и несколько очевидных различий. Наиболее ярким сходством является «пропускание» («рефлексиование») процессов объективной реальности сквозь призму категории «свобода». И для Гегеля, и для Фукуямы этот концепт является краеугольным в системе их идей, т. к. стремление к свободе заложено, по их мнению, в самой природе человека. Также философы делают привязку провозглашения «конца истории» и определения ее результата к *конкретным* историческим (или геополитическим) процессам. Среди различий прежде всего необходимо упомянуть понимание Гегелем и Фукуямой роли и места себя самого во всемирно-историческом процессе. Если Г. Гегель позиционирует себя как «пророк» (на ум приходят аналогии с ветхозаветными библейскими пророками Исаяей, Иеремией, Иезекиилем, которые не только слышали и транслировали голос Высшего Существа, но и обладали изрядной толикой политического опыта), то Ф. Фукуяма не только провозглашает свои философские идеи, но и очень активно отстаивает необходимость их реализации в политическом процессе (мыслитель являлся одним из идеологов неоконсерватизма в 1990-е – начале 2000-х гг.). Таким образом, согласно Дженкинсу-Смиту [6, с. 256], Г. Гегель может быть определен как «адвокат идеи», а Ф. Фукуяма, по классификации З. Баумана [6, с. 257], – как «ученый-законодатель» и «ученый-переводчик».

Осмысление итогов и результатов всемирно-исторического процесса в контексте философии Г. Гегеля и Ф. Фукуямы

Механизмы достижения конца истории и его сущность

Гегель рассматривает всемирно-исторический процесс в контексте собственной философской системы. Для него история – это самостоятельная, но не самодостаточная сфера бытия, которую пронизывает Дух. Следовательно, всемирная история есть вообще проявление духа во времени [7, с. 119]. Существующий Субъективный Дух, совершая исход, разворачивает себя через Объективный Дух, который осуществляет процесс разворачивания и возвращения в себя через отчуждение. Исход создает предпосылки возврата, а возврат, пройдя весь цикл, возвращает самому себе Субъективный Дух, который становится Третьим Духом – Абсолютным Духом. Иначе говоря, весь всемирно-исторический процесс – это осознание Абсолютным Духом самого себя. Выходя за рамки человеческой истории, История представляет собой не поступательное движение

вверх, а прыжок с вершины в пропасть, чтобы затем забраться на бесконечно высокую вершину. В общем виде это может быть представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. – Воплощение Духа в мировой истории в концепции Г. Гегеля

Человек не только является инструментом Духа, но и выступает как полноправный субъект. Г. Гегель не очень высоко оценивает значение личности в истории: великая личность всегда действует под водительством Духа, и тогда и только тогда остается в истории. Более того, для каждого исторического народа у Духа есть свое предназначение, которое ему необходимо выполнить и остаться в истории или нет – и уйти в небытие (народы как индивидуумы растут, стареют, умирают, но самое важное – выполнение своей миссии). Именно этап, определенный нами как «человеческая история», создает возможности различных интерпретаций всемирно-исторического процесса как в рамках «стрелы времени», так и в циклической парадигме.

Человеческая история делится Г. Гегелем на два периода: доистория (предыстория) и собственно история [2, с. 107, 108, 111]. Начало истории связано с институционализацией государства. Только в условиях существования государства Дух может себя познать, «распространение языка и формирование племен лежат за пределами истории». Ниже в таблице рассмотрим механизм достижения «конца истории».

Таблица. – Этапы всемирно-исторического процесса в интерпретации Г. Гегеля

Этап	Периоды	«Этап жизни»	Государственное устройство	Особенности
Восточный мир	Государства Передней Азии	Детство	Патриархальная деспотия	Понимается цель истории, господствует непосредственное сознание, индивидуум находится в наивном согласии с общей целью, «пестрая мозаика». Персы являются первым историческим народом. Персия – первое исчезнувшее государство
	Государства Средней Азии и Дальнего Востока	Подростковый возраст		
Греческий мир	Нач. I тысячелетия до н. э. – 490-е гг. до н. э.	Юношеский возраст	Формирование демократии	Выработка реальной индивидуальности (субъективное и объективное художественное произведение)
	490–430-е гг. до н. э.		Расцвет демократии	Самостоятельность реальной индивидуальности, ее счастье в победе над внешним врагом при столкновении с предшествующим периодом

	430-е гг. до н.э. – 160-е гг. до н. э.		Кризис демократии	Период упадка и падения реальной индивидуальности при столкновении с последующим органом всемирной истории	
Римский мир	Первоначальная история Рима (до Пунических войн)	Взрослость	Борьба аристократии с царской властью	Царство абстрактной всеобщности	Противоположные определения еще почивают в спокойном единстве, пока противоположности не усилятся и государственное единство не окрепнет вследствие того, что оно породило из себя противоположность и содержит ее в себе как существующую
	Рим на арене мировой истории (от Пунических войн до кризиса III в.)		Триумф демократии, имперское правление		Расширение Рима, достижение наибольшего могущества, которое и предопределило его упадок
	Кризис и соприкосновение с Германским миром (III–V вв.)		Триумф аристократии, деспотизм		«Фасадная мощь», институционализация христианской идеи, взаимодействие с германским миром
Германский мир	От великого переселения народов до империи Карла Великого	Творческая зрелость	Раннефеодальная монархия	Синтез германского мира и христианства	
	От империи Карла Великого до империи Карла V		Феодальная монархия	Последовательная самостоятельность и противоположность – церкви для себя как теократии и государства для себя как феодальной монархии. Христианская свобода обратилась в свою собственную противоположность как в религиозном, так и в светском отношении	
	От Реформации до начала XIX в.		Абсолютная монархия, конституционная монархия	Политическая, экономическая и культурная модернизация, принцип свободного духа стали знаменем мира, и из этого принципа развиваются общие основные положения разума	

Так происходит, по Гегелю, восхождение Духа, и каждый новый исторический народ, выполняя свое предназначение, способствует его самопознанию. Так, например, римский народ наложил оковы на индивидуумов, собрал всех богов в пантеон мирового владычества, однако он сохранял всякую жизненность в человеке.

Ф. Фукуяма иначе интерпретирует всемирно-исторический процесс. Он не рассматривает категорию Духа, его идеализм не выходит за пределы человеческой истории и более активно, чем у Гегеля, осмысляет экономическую и социальную системы общества. Фукуяма предлагает свою универсальную историю человечества, в которой пытается найти осмысленную общую закономерность в развитии человеческих обществ в целом. Мыслитель отмечает: воистину циклическая история возможна только в том случае, если мы опустим, что существующая цивилизация может исчезнуть полностью, не оставив никаких следов тем, кто придет потом. Ниже предлагается модель, согласно Ф. Фукуяме, перехода к «концу истории» (рисунок 2).

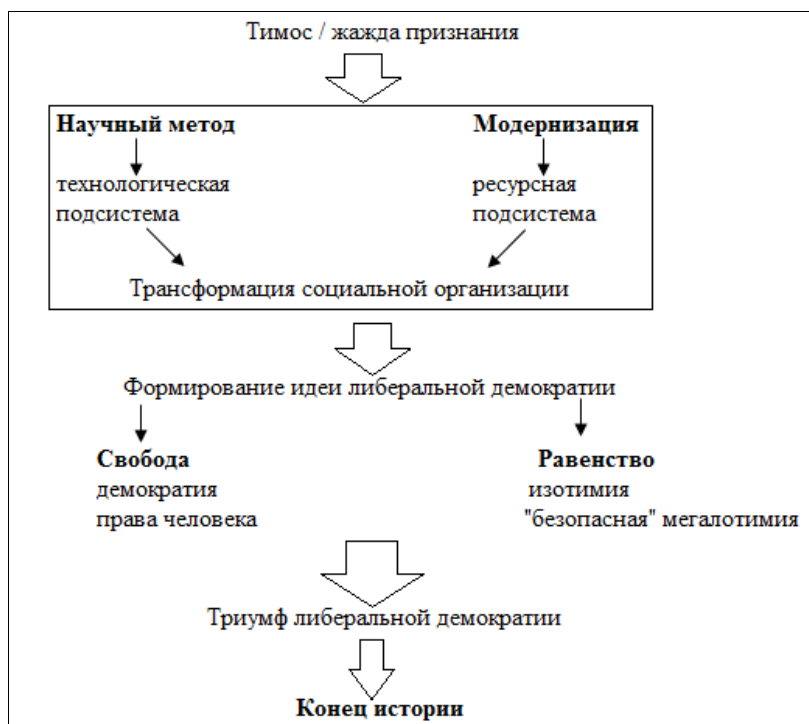

Рисунок 2. – Модель достижения «конца истории» в философии Ф. Фукуямы

Несомненно, что важнейшей категорией для понимания философии Фукуямы является категория «свобода». Именно она выступает ключевым аспектом тимоса и жажды признания. Как мы видим, все представленные здесь феномены имеют историческую природу. История в понимании американского философа начинается в момент появления раба и господина (это в целом соотносится со взглядами Гегеля с учетом вкладывания явления в процесс формирования государства с методологических позиций теории инвазии, которая является одной из ведущих в современном научном дискурсе).

Человек желает, чтобы его собраты признали его в качестве человека. И то, что составляет идентичность человека как человека, наиболее фундаментальное и присущее лишь человеку свойство, – это способность человека рисковать собственной жизнью. Играя в признание, человек неизбежно сталкивается с другими людьми, что ведет к беспощадной борьбе. Эта борьба может иметь три исхода: смерть противников; смерть одного из противников, что приводит к тому, что уцелевший по-прежнему не может удовлетворить свою жажду признания, т. к. нет более другого человеческого сознания, которое могло бы его признать; битва может закончиться отношениями господина и раба, когда один из противников решает принять рабскую жизнь, чтобы не рисковать насильственной смертью [4, с. 242–247].

Вся дальнейшая история – это борьба за освобождение. Важную роль в этом процессе сыграло христианство, которое уравнило раба и господина, но только в загробном мире. Исторический мир полон разнообразных битв, столкновений и т. п. Вместе с тем происходит и идеологическая эволюция человечества, в которой, с одной стороны, воплощается идея свободы, а с другой стороны, ищется оптимальный уровень соотношения мегалотимии и изотимии.

XX век в понимании Фукуямы – это столкновение и конкуренция глобальных идеологий коммунизма, фашизма и либеральной демократии [4]. В отличие от Гегеля Фукуяма настроен не так безапелляционно относительно правильности своего варианта понимания сути исторического процесса. Он не единожды подчеркивал своеобразную

случайность победы либеральной демократии, которая несколько раз находилась на волоске от гибели: во время Первой мировой войны, во время Второй мировой войны (вызов фашизма) и во время наибольшего могущества советской мир-империи (вызов коммунизма). К сожалению, в ранних работах Фукуяма только тезисно обращается к определению роли и места модернизационных изменений и развития науки в историческом процессе, что не дает нам возможности раскрыть специфику его аргументации, однако это является серьезным отличием от концепции Г. Гегеля, который такую проблему практически не замечает. Однако конец истории возможен тогда и только тогда, когда альтернативы мирового развития (фашизм и коммунизм), бросившие вызов либеральной демократии, будут повержены.

Триумф «конца истории» Ф. Фукуяма связывает с победой идеи либеральной демократии, что заключается в формуле «дух 1989». И здесь американский философ фактически идет за Гегелем: привязывает «конец истории» к событиям, пытаясь эмпирически его доказать. Однако, как и у Гегеля, «конец истории» определяется как то, что должно быть. И еще, может быть, не такое явное отличие: «конец истории» Гегеля совершен Духом, водительствовавшим Наполеоном или домом Гогенцоллернов – «конец истории» Фукуямы совершают народы, сбрасывая ненавистное ярмо несвободы, жертвуя своей жизнью ради возможности достичь ее в будущем. Но есть и несомненное сходство: «конец истории» рождается не на полях битв и не под лозунги революций, а в кабинетной тиши. Именно философ рефлексировал над историческим процессом, и именно он видит образ грядущего.

На наш взгляд, «конец истории» Ф. Фукуямы довольно печален в отличие от триумфального результата всемирно-исторического процесса Г. Гегеля. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной идеи, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма; вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Таким образом, «конец истории» Ф. Фукуямы может быть определен как завершение идеологической эволюции человечества.

Важную роль в аргументации «конца истории» Г. Гегелем и Ф. Фукуямой играет осмысление категорий свободы и государства. Исследование текстов философов позволяет сделать вывод о предельно схожей оценке роли свободы во всемирно-историческом процессе, который по сути и представляет собой воплощение этой идеи, только для Фукуямы это одна из целей, а для Гегеля – один из аспектов самопознания Духа. Также разнится и понимание воплощения свободы в истории. Г. Гегель отмечает: «Всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы. Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны» [2, с. 148]. Ф. Фукуяма, соглашаясь с первыми двумя тезисами, считает, что все могут быть свободны только в либерально-демократическом мире [4, с. 303]. Исходя из этого, для Гегеля первая форма государственного устройства – деспотизм, вторая – демократия и аристократия, третья – монархия (в современном понимании – конституционная монархия. – А. К., С. Ж.). Для Фукуямы последней формой государственного устройства является демократия. Философы соглашаются, что принципы частной собственности и прав человека необходимо реализовывать в целях укрепления конца истории. Однако Гегель фактически приравнивает категории «общество» и «государство», и одно из проявлений самопознания Духа – это построение идеального государства, которое ограничивает произвол, а не свободу. Ниже представле-

ны модели соотношения категорий «свобода» и «государство» в философиях Гегеля и Фукуямы.

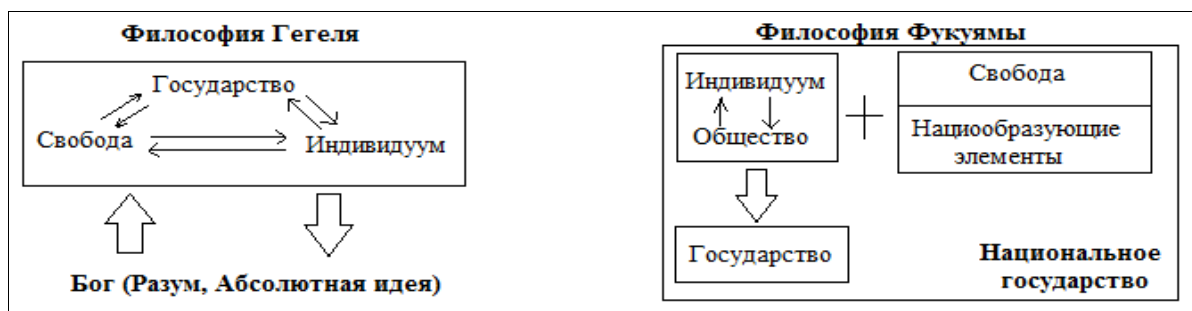

Рисунок 3. – Соотношение категорий «свобода» и «государство» в философии Г. Гегеля и Ф. Фукуямы

Парадоксы «конца истории»

Восприятие философий Г. Гегеля и Ф. Фукуямы научным сообществом попало в целый спектр герменевтических ловушек, который, на наш взгляд, в постмодернистском, постструктуралистском, фукольдианском и т. д. дискурсах может быть обозначен формулой «дискурс определяет сознание». Так, например, возникает описанная Х.-Г. Гадамером [8] ловушка «слияния горизонтов»: процесс опосредования прошлого к современности, а также текста, созданного в иной культурной или научной традиции.

Обычно в философском дискурсе и Г. Гегеля и Ф. Фукуяму определяют как последователей парадигмы «стрелы времени». И если идеи американского философа в целом вкладываются в этот подход, то философско-историческая система Гегеля в силу своей сложности, многоаспектности, своеобразной дискретности может восприниматься несколько шире. Позволим себе сделать две оговорки. Во-первых, известный комментатор Гегеля А. Кожев, который в ряде работ сводил весь всемирно-исторический процесс после битвы при Йене к «подчистке периферии» [9], в монографии «Идея смерти в философии Гегеля» фактически интерпретирует философскую систему Гегеля как циклическую парадигму философии истории [10]. Общая формула такова: человек – это жажда признания, которая может быть реализована только во всеобщем и гомогенном государстве [10, с. 247]. По какому праву можно утверждать, что это Государство не породит в человеке нового Желания, отличного от желания Признания, и что оно не будет, следовательно, однажды подвергнуто отрицанию через отрицающее или созидающее Действие, отличное от Борьбы и Труда? Подобный вывод о «конце истории» допустимо сделать, если известно, что желание признания исчерпывает все человеческие возможности. Но оно истинно только в том случае, когда знание о человеке абсолютно истинно, что может быть достигнуто только в «конце истории» [10, с. 249]. Итак, мы попадаем в своеобразный цикл. По мнению А. Кожева, Гегель приходит в конце концов к точке, которая является не чем иным, как его отправным пунктом: конечный синтез есть также и начальный тезис. Таким образом, он констатирует, что прошел, описал круг и что если он захочет продолжить, то ему придется возвращаться по кругу. Его описание нельзя расширить; можно лишь повторять его таким, каким оно однажды было произведено. Таким образом, под «концом истории» в данной системе координат понимается окончание одного цикла. Во-вторых, в «Лекциях по философии истории» Г. Гегель кратко определяет роль Нового света во всемирно-историческом процессе: «Америка есть страна будущего, в которой впоследствии, может быть в борьбе между Северной и Южной Америкой, обнаружится всемирно-историческое значение; в эту страну стремятся все те, кому наскучил исторический музей старой Европы» [2, с. 58].

Так почему же Абсолютный дух не последует в этот регион и не продолжит там воплощаться в истории?

Ф. Фукуяма также не говорит предельно однозначно о неизбежности «конца истории». Мы уже достаточно подробно рассматривали структуру и специфику вызовов «постисторической цивилизации» [11], поэтому в рамках данной статьи не будем на них обстоятельно останавливаться. Однако Фукуяма еще в 1989 г. писал: «Это (конец истории) ни в коем случае не означает, что международные конфликты вообще исчезнут. Ибо и в это время мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая – постистории. Конфликт между государствами, принадлежащими постистории, и государствами, принадлежащими вышеупомянутым частям мира, будет по-прежнему возможен» [4, с. 148]. По мнению философа, постисторическая цивилизация должна перебороть ещё ряд «суррогатов» цивилизационного развития: национализм и религиозный фундаментализм.

Заключение

Таким образом, рассмотренные версии осмысления всемирно-исторического процесса, несмотря на значительные сходства (ряд исследователей вообще считают Ф. Фукуяму комментатором Г. Гегеля), имеют и ряд различий, которые могут быть объяснены следующими причинами: различными научными дискурсами (не только в философии, но и в исторических науках), в рамках которых работали философы; различным позиционированием социальной роли философа; различными историческими и геополитическими контекстами; различной научной рефлексией роли государства как института.

Обобщая, можно сделать следующие выводы:

1. «Конец истории» Гегеля и Фукуямы скорее номинативен, чем эмпиричен.
2. Идея свободы является ключевой категорией для понимания специфики «конца истории» Гегеля и Фукуямы.
3. «Конец истории» и Гегеля, и Фукуямы, является вариацией европоцентричной (для Ф. Фукуямы в контексте Атлантической цивилизации) парадигмы в политической философии.
4. «Конец истории» Ф. Фукуямы допустимо определить как секуляризованный вариант историко-философской концепции Г. Гегеля.
5. Для Г. Гегеля «конец истории» – триумф Духа, для Ф. Фукуямы он печален и имеет значительный «привкус» постмодернистской скуки и отсутствия глобальных нарративов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яцевич, А. В. Философия истории Г. В. Ф. Гегеля / А. В. Яцевич. – М., 1994. – 248 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 480 с.
3. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // *Вопр. философии*. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
4. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
5. Francis Fukuyama [Electronic resource] // *Encyclopedia Britannica*. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Francis-Fukuyama>. – Date of access: 12.11.2018.
6. Юревич, А. В. Психологи тоже шутят / А. В. Юревич. – М., 2005. – 342 с.

7. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель ; вступ. ст. и комент. Ю. Р. Селиванова. – М. : Акад. Проект, 2008. – 767 с.
8. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
9. Кожев, А. В. Введение в чтение Гегеля / А. В. Кожев. – СПб. : Наука, 2013. – 792 с.
10. Кожев, А. В. Идея смерти в философии Гегеля / А. В. Кожев ; пер. с фр. и послесл. И. Фомина. – М. : Логос : Прогресс-Традиция, 1998. – 504 с.
11. Жук, С. А. Вызовы постисторической цивилизации в конце 1980-х – середине 2010-х годов: видение Ф. Фукуямы / С. А. Жук // Беларус. думка. – 2019. – № 5 – С. 54–61.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.09.2019

Klimovich A. V., Zhuk S. A. Interpretation of the Results and Outcomes of the World Historical Process in the Philosophy of History of G. Hegel and F. Fukuyama: a Historical-Comparative Analysis

The article provides a historical and comparative analysis of the views of G. Hegel and F. Fukuyama on the results and outcomes of the world historical process. The historical-scientific, social and other contexts of formation of ideas of these thinkers are investigated. The mechanisms of achieving the «end of history» are comprehended and its paradoxes are studied. It is shown what role in the understanding of the world-historical process by Hegel and Fukuyama play the categories of freedom and the state and revealed the similarities and differences in the interpretation of these categories by thinkers. A reasoned conclusion is made that Fukuyama's socio-political philosophy is essentially a secular version of Hegelianism.

УДК 316.614

А. А. Габинская

канд. филос. наук, зав. каф. психолого-педагогического образования
Гродненского областного института развития образования
e-mail: alla.gabinskaya@mail.ru

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Представлены основные векторы киберсоциализации цифрового поколения. Предпринята попытка составить психологию цифрового поколения в контексте теории поколений. С одной стороны, с помощью данной психологии можно понять причины десоциализации подрастающего поколения, с другой стороны, данная психология дает возможность построения прикладной модели успешной социализации личности в киберпространстве.

Введение

Социализация представляет собой многогранный, многоаспектный процесс очеловечивания человека, включающий в себя как биологические предпосылки, так и непосредственно само вхождение индивида в социальную среду. Являясь диалектическим процессом, социализация позволяет человечеству переходить на новую, качественную ступень развития. Это механизм вхождения субъекта в мир конкретных социальных связей и его интеграция в различные типы социальных общностей через культуру, ценности и нормы, на основе которых формируются социально значимые черты и закладываются разнообразные социальные роли.

Что касается понятия «киберсоциализация», то данный феномен обратил на себя широкое внимание исследователей после очередной «волны» информационного научно-технического развития, связанного с появлением и быстрым распространением информационных технологий. По этому поводу А. И. Ракитов отмечает, что «информационно-компьютерная революция трансформирует все средства обработки, передачи и производства информации и опосредованно оказывает возрастающее влияние на ход исторических событий, постепенно меняя систему ценностей, мировоззрение и представления людей о самом человеке, смысле его бытия и предназначения. Поэтому философская рефлексия над компьютерной революцией перерастает в задачу осмысления социально-исторической судьбы человечества» [1, с. 14].

Термин «киберсоциализация» ввел в начале XXI в. В. А. Плешаков, понимает киберсоциализацию как процесс качественных изменений структуры сознания личности под воздействием современных интернет-технологий, имеющих колоссальное влияние на социализацию детей – на формирование определенных мировоззренческих установок, ценностей, норм, моделей поведения. В процессе киберсоциализации у личности появляются новые потребности, мотивы, интересы, цели, установки, а также новые формы взаимодействия, виды деятельности, непосредственно связанные с интернет-средой [2].

Интернет-среда – это не просто совокупность разбросанных по всему миру хостов, соединенных между собой; способ хранения и распространения знаний и информации. Это новое измерение культуры, новый способ существования самого человечества. По мнению А. В. Мудрика, глобальная сеть Интернет является непрерывно уточняемой моделью совокупного духовного и материализованного информационного потенциала общества и в этом качестве выступает мощным информационным базисом для самых различных видов и направлений человеческой деятельности – мегафактором

развития общества. Одновременно с этим Интернет как часть средств массовой коммуникации может рассматриваться в качестве одного из мезофакторов социализации человека. А. В. Мудрик пишет: «Ресурсы Интернета представляют собой новые культурные средства, опосредствующие жизнедеятельность современного человека и способные оказать влияние на формирование не только личности, но и его высших психических функций» [3, с. 78].

В настоящее время происходит формирование нового культурно-информационного пространства, которое отражает эволюцию способов и форм информационных коммуникаций, а также обуславливает приоритеты социодинамики. «На основе новейших технических и технологических достижений, мультимедийных технологий и технологий виртуальной реальности, глобальных сетей и телекоммуникаций приближается эпоха нового коммуникативного формата – трехмерная виртуальная реальность. Этот формат в отличие от вербальных коммуникаций способен соединить в себе максимум возможного в приеме и передаче от человека к человеку многообразия содержания естественного человеческого интеллекта. То есть на сегодняшний день мы имеем дело с еще одной тенденцией, присущей глобализации, – коммуникационной “революцией”», – отмечает М. Кастельс [4, с. 20].

Можно сказать, что наряду со СМИ использование интернет-технологий дает в руки человечеству невиданные ранее возможности, но одновременно с этим порождает новые, недостаточно изученные грани проблемы социальных трансформаций, в частности последствий социализации цифрового поколения в киберпространстве. (По-другому, цифровое поколение называют поколение «Z», миллениалы, поколение Сети, поколение next, поколение ЯЯЯ, поколение хай-тек.)

Понятие «цифровое поколение» апеллирует к теории поколений Штрауса и Хоува. Напомним, что в 1991 г. Уильям Штраус (демограф) и Нил Хоув (историк) на основе долгосрочных междисциплинарных исследований экономики, политики, социологии, психологии опубликовали ставшую классической работу «Поколения. История Американского будущего. 1584–2069» [5]. В исследовании авторы определили поколение как совокупность всех людей, рожденных в определенный промежуток времени (примерно 20 лет) или проживающих в один исторический период как минимум одну фазу жизни: детство, молодость, средний возраст или старость. В конкретных жизненных фазах представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху, сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями, придерживаются определенных общих убеждений и моделей поведения.

Нил Хоув и Уильям Штраус разработали классификацию основных поколений XX и XXI вв.: 1) поколение «G1», или поколение победителей и строителей, рожденных в период с 1900 по 1921 г.); 2) молчаливое поколение (1923–1943 гг.); 3) поколение «Y» – беби-бумеры (1943–1963 гг.); 4) поколение X, или неизвестное поколение (1963–1983 гг.); 5) поколение «Z» – цифровое (с 1983 по 2003 г.) [5].

Несмотря на то, что эти труды авторов получили широкое распространение и признание, в академических кругах теорию встретили по-разному: одни восхищались, другие ее критиковали. Тем не менее выдвинутая американскими исследователями теория поколений работает в каждой стране, разумеется с поправкой на ее социокультурную специфику, поэтому в целом ее можно принять как условно универсальную.

Рассмотрим основные векторы киберсоциализации цифрового поколения. Цифровое поколение, бесспорно, включено в процесс социализации в киберпространстве. С раннего возраста новое поколение взаимодействует с различной электроникой, является активным потребителем высоких технологий и гаджетов. У цифрового поколения Интернет – источник значимой информации, способ постижения реальности, а также неотъемлемый атрибут коммуникаций в социальных сетях.

В настоящее время коммуникативное пространство социальных сетей действительно превратилось не просто в неотъемлемый атрибут жизни современного общества, а стало фактором, изменяющим ментальные структуры подрастающего поколения. С одной стороны, группы, сформировавшиеся в интернет-пространстве, способствуют укреплению коллективных интересов, что приводит к появлению так называемой «принадлежности к кругу». Во многих интернет-сообществах складываются даже собственные традиции. Но, с другой стороны, информационные технологии, трансформируя социальную реальность, влекут за собой трансформации человеческой психологии. Так, у цифрового поколения с помощью интернет-технологий можно наблюдать новый стиль самопрезентации, гарантирующий публичность при соблюдении ее анонимности в киберпространстве. Благодаря анонимности искусственно созданная личность – виртуальная личность – имеет возможность одновременно занимать разные виртуально пространственные и личностные позиции, т. е. может одновременно участвовать в разных сетевых сообществах, форумах, порой отстаивая разные Я-образы, в том числе и противоположные тезисы.

Представителям нового поколения свойственно демонстрировать себя не такими, какими они являются на самом деле. Здесь нет никаких ограничений в создании собственного «Я», что дает подросткам возможность реализации лучшего представления о себе самом. По этому поводу В. А. Солодовник отмечает, что существует две причины для конструирования желаемого образа виртуальной личности. Первая заключается в мотивационном аспекте, когда создание виртуального образа несет в себе компенсаторную функцию и удовлетворяет уже существующие желания индивида. Вторая же является поисковой, что отражается в желании приобрести новый опыт и расширить уже имеющиеся возможности реальной социализации [6].

Вхождение в виртуальное пространство осуществляется в процессе интернет-социализации, когда человек может расширять свои социальные связи, «проигрывать» различные социальные роли, которые являются для него недоступными в реальном пространстве. «Процесс интернет-социализации приводит к осознанию личностью того, что ее социальный опыт неполон, а творческий потенциал не реализован до конца, но вместе с тем он предоставляет все необходимые ресурсы для решения данной проблемы», – замечает Р. И. Зекерьяев [7, с. 32].

Между тем, цифровое поколение – ленивые визуалы. Они лучше понимают образ, чем слова. Взрослеют в условиях демотиваторов, инфографиков, фото сверстников. Они не помнят номера телефонов друзей, родственников; практически не пользуются городским телефоном. Телефонным разговорам предпочитают геймифицированные сообщения, юморобмен SMS, электронные письма, ведение блогов в социальных сетях типа «ВКонтакте». Представители поколения «Z» практически не пишут от руки, а привычно набирают тексты на клавиатуре («синдром большого пальца»). Они запоминают не содержание информации, а места, где она находится. Модальность визуального восприятия у них высокая, но поверхностная (на одном объекте удерживают внимание не более 8 секунд). Кроме того, они плохо воспринимают текстовые сообщения, которые не являются письмами в традиционном их понимании; «это некая сигнатура, общепринятая в данном формате информационного взаимодействия; это не мышление в традиционном его понимании, а скорее какие-то черновики мысли с различными отсылками к текстам или гипертексту» [8, с. 69].

Разрозненные фрагменты информации, отсутствие общего контекста в сознании цифрового поколения не позволяют ему сконструировать целостную картину мира. Мышление нового поколения отличается фрагментарностью, а суждения – поверхностностью, так называемое клиповое мышление – процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся полной

разнородностью и высокой скоростью поступающей информации при частых переключениях между частями, фрагментами информации. Несмотря на то, что сведения подаются маленькими дозами, короткими новостями, в целом они представляют калейдоскоп чередующейся информации, переварить, систематизировать, а тем более осознать которую подрастающему поколению становится все труднее.

Клиповое мышление вырабатывается в виде навыка к быстрому перелистыванию сайтов, клипов – серфинг в киберпространстве, цель которого не фильтрация и осмысление информации, а получение новой информации. В свою очередь, освоение новой информации в киберпространстве осуществляется, как правило, не вглубь, а поверхностно. Последнее ведет к тому, что человеческий мозг в известной степени находится в угнетенном состоянии. Ведь у человека задействуются только те области головного мозга, которые отвечают за краткосрочную память, принятие быстрых решений. По-другому данный феномен называют «цифровое слабоумие» – нарушение работы функций мозга, потеря у личности способности к системному и углубленному мышлению и познанию.

Поколение «Z» отводит видеоиграм важное место в своей жизни. Компьютерная игра для представителей данного поколения – это особый виртуальный мир, где они чувствуют себя героями, способными совершить очень многое из того, что запрещено в реальном мире. Как всякий наркотик, виртуальный мир создает яркие и привлекательные образы, которые все больше втягивают человека в киберпространство. Благодаря сконструированной реальности человек получает возможность уйти от рутинности существования и погрузиться в виртуальный мир, в котором с помощью игры можно без существенных усилий воплощать в реальность собственные иллюзии и мечты, – «виртуальный эскапизм».

Цифровое поколение быстро обрабатывает информацию, мгновенно может переключаться с одного вида деятельности на другой, а также действовать в условиях многозадачности. Сидя за компьютером, ребенок одновременно контактирует в чате, занимается поисками в Интернете, скачивает музыку, пытается делать домашнее задание и при этом пьет сок или жуёт бутерброд. В свою очередь, многозадачность личности может привести к смешению ролей, психическим нарушениям, например расщепленности сознания личности – «искусственной шизофрении», выражающейся в зомбировании сознания людей, которые оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения и не могут их критически осмысливать. Отсутствие критического мышления не позволяет человеку делать собственные выводы, извлекать уроки из прошлого жизненного опыта, строить реалистичные планы, ставить адекватные цели и достигать их.

У цифрового поколения можно наблюдать снижение эмпатии. Привлекательность онлайн-общения вытесняет у них живое общение со сверстниками. В гаджетах они разбираются лучше, чем в проявлениях эмоций других людей. Увеличение доли виртуального общения по сравнению с общением реальным приводит к нарушению естественной биологической коммуникации.

Во время общения в Интернете утрачивает значение целый ряд традиционных барьеров коммуникации, таких как пол, возраст, социальный статус человека. А невербальная часть взаимодействия – мимика и жесты – исчезает. Кроме того, несмотря на то что сейчас все чаще доступны «анкетные данные» собеседников, сведения о личности могут быть ложными или не предоставляться вовсе. «Вследствие анонимности психологические и социальные риски в сетевом общении снижаются, у пользователей проявляются *“особая” раскрепощенность, ненормативность* и некоторая безответственность», – полагает психолог Л. П. Шевякова [9].

Таким образом, непосредственный живой контакт человека с человеком, развивающий эмоциональную сферу, все чаще стал заменяться на некое механическое взаимодействие, создающее лишь иллюзию общения среди подростков.

Отличительной чертой нового поколения можно назвать склонность к аутизации, по сути являющейся способом десоциализации личности. Речь идет о доклинической гипертрофированной форме аутизма: тотальная погруженность индивида в собственный мир, его отгороженность, изолированность, неспособность общаться с окружающим миром. С одной стороны, представители цифрового поколения становятся все более интровертированными. С другой стороны, акцентирование на собственном «Я», концепция «Я» формирует у них мнение о собственной исключительности. Дети «Z» характеризуются высоким уровнем принятия себя, они «довольны собой». Часто они не критичны к своим действиям и жаждут социальной популярности. В то же время они хотят похвалы в ответ на любое действие. Самое главное слово для них – «лайк», выражающий признание в Сети. Ради этого признания и социальной популярности они готовы пойти на многое. Причем иногда такие действия носят асоциальный или даже радикальный характер, например: интернет-зависимость как навязчивое желание постоянного времяпрепровождения в Сети или различного рода интернет-фобии: номофобия (боязнь остаться без мобильной связи), игнорофобия (боязнь быть неправильно понятым), имоджефобия (боязнь поставить неправильный смайл), пунктофобия (боязнь получить сообщение с точкой в конце), реттерофобия (боязнь ошибиться в слове или не заметить автозамену), селфифобия (боязнь сделать плохое селфи) и т. д. Последнее приводит к потере у них ценностных ориентиров.

Цифровое поколение живет в бесконечном и быстро меняющемся потоке информации, в окружении социальных сетей и рекламы, которые и культивируют жизнь по принципу «здесь и сейчас». Отдаленное будущее кажется подросткам непонятным и пугающим. Они строят планы на день, неделю или месяц. Долгосрочную цель ставят только в том случае, если она понятна. Дети «Z» боятся однообразия, им хочется драйва, впечатлений, спонтанности, какой-то яркости. Иначе – жизнь скучна. У многих подростков наблюдается повышенная склонность к неоправданному риску и недооценке возможностей негативных последствий на фоне перспектив обретения сиюминутных удовольствий. Этим обусловлена любовь к экстремальным развлечениям, опасным формам времяпрепровождения.

По наблюдениям исследователей, главная цель жизни у современных подростков – потреблять и получать удовольствие. Уже сегодня подростки составляют отдельную потребительскую и социально-психологическую группу, описанную маркетологами как кидалты, или «взрослые дети», воспринимающие жизнь в целом как развлечение как игру. И в этой игре главным является потребление информации, товаров, услуг, развлечений. В конечном итоге все это приводит к инфантилизации поведения. В большинстве случаев у цифрового поколения *можно наблюдать «синдром Питера Пэна»* – психологическое расстройство, которое характеризуется нежеланием индивида взрослеть и брать на себя ответственность. В связи с этим социальная зрелость у нового поколения наступает в 25–26 лет (у предыдущих поколений социальная зрелость наступала в 21 год).

Можно констатировать, что у детей «Z» возникает размывание жизненных принципов и жизненных ориентиров и, как итог, десоциализация личности.

Резюмируя, психографику цифрового поколения можно представить следующим образом: мировоззренческий конфликт, завышенная самооценка, выраженная тенденция индивидуализации, экспериментирование с идентичностью, «клиповое мышление», нарушение уровня самосознания, инфантилизация поведения, снижение эмпатии, нарушение биологической коммуникации, многозадачность, «синдром большого пальца»,

ненормативное поведение, склонность к аутизации, «искусственная шизофрения», частичная утрата традиционных социальных связей.

Заклучение

С одной стороны, киберсоциализацию как неотъемлемую часть социализации подрастающего поколения можно назвать инновационным социальным феноменом, а с другой стороны, необходимо отметить, что данное явление имеет принципиальное отличие от первичной социализации, обусловленной традиционным воспитанием, принятым в обществе. Традиционный процесс социализации является в достаточной степени регулируемым и упорядоченным процессом, а киберсоциализация обладает свойством стихийности, т. к. личность сама выбирает способы своего взаимодействия в киберпространстве, определяет свое время пребывания в ней, выбирает интернет-сообщество. В процессе киберсоциализации личность принимает новые правила и нормы, принятые в определенном интернет-сообществе.

Опираясь на предпринятую попытку составить психологию цифрового поколения, современные исследователи решают проблему: как возможна успешная киберсоциализация подрастающего поколения? С нашей точки зрения, факторами успешной социализации цифрового поколения являются: социальная адаптация (эффективное приспособление индивидуума к условиям, требованиям социокультурной среды, в том числе киберсреды), формирование информационной культуры, саморегуляция (осознанное и системно организованное воздействие индивида на физическое и психическое состояние с целью изменения ее характеристик в желаемом направлении), а также продуктивное взаимодействие с другими людьми (совместные действия и взаимные переживания). Необходимо также учитывать влияние киберпространства на психические и физические особенности данного поколения, исходя из социокультурных, психовозрастных, личностных и индивидуальных особенностей человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М., 1991. – 287 с.
2. Плешаков, В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a : монография / В. А. Плешаков. – М. : Прометей : МПГУ, 2012. – 213 с.
3. Мудрик, А. В. Введение в социальную педагогику / А. В. Мудрик. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2009. – 568 с.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс // Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. – New York : William Morrow & Company, 1991. – 554 p.
6. Солодовник, В. А. Влияние интернет-коммуникаций на личность пользователя [Электронный ресурс] / В. А. Солодовник. – Режим доступа: http://ruseberpsy.blogspot.com/2011/01/blog-post_03.html. – Дата доступа: 17.04.2019.
7. Зекерьяев, Р. И. Психологические особенности виртуальной личности пользователя и ее типы / Р. И. Зекерьяев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2019. – № 1. – С. 31–37.
8. Курбатов, В. И. Символическое виртуальное сетевое мышление: новая эпоха или эпоха новостей / В. И. Курбатов // Гуманитарий юга России. – 2013. – № 1. – С. 64–74.

9. Шевякова, Л. П. Основные формы общения в Интернете и их особенности [Электронный ресурс] / Л. П. Шевякова. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/shevyakova/educval_05.html. – Дата доступа: 23.02.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.09.2019

Habinskaya A. A. Cybersocialization: Socio-Cultural Development of the Digital Generation in the Context of Internet Technologies

With the advent of Internet technologies, the formation of personality in cyberspace has become not only relevant, but also real. Increasingly, one can hear the opinion that the Internet has created the conditions for spontaneous socialization of the younger generation, determined by the context of cyberspace. Today, the Internet is not only a new technology, characterized by numerous and diverse resources, services, but also a new specific factor of socio – cultural development of the younger generation-cybersocialization. The article presents the main vectors of cybersocialization of the digital generation. The author made an attempt to make a psychographic digital generation in the context of the theory of generations. With the help of this psychography, on the one hand, it is possible to understand the reasons for the desocialization of the younger generation, and, on the other hand, this psychography makes it possible to build an applied model of successful socialization of the individual in cyberspace.

УДК 796.032:341.1

У. П. Люкевіч

канд. філас. навук,

дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

e-mail: lucul@brsu.brest.by

ФІЛАСОФІЯ АЛІМПІЗМУ. ХУАН АНТОНІА САМАРАНЧ: ПАЧАТАК НОВАЙ ЭПОХІ СПОРТУ

Разглядаюцца сацыяльна-філасофскія аспекты станаўлення і развіцця алімпійскага руху ў апошняй чвэрці XX стагоддзя на падставе аналізу дзейнасці тагачаснага прэзідэнта Міжнароднага Алімпійскага камітэта Хуана Антонія Самаранча. Менавіта ў гэты перыяд адбыліся глабальныя змены філасофскай дактрыны алімпізму, змяніліся ўнутраныя і знешнія дамінанты функцыянавання дадзенага віду чалавечай актыўнасці, што дазваляе зрабіць выснову пра пачатак новай эпохі спорту. Прафесіяналізацыя і камерцыялізацыя алімпійскага руху сталі неад'емнымі яго атрыбутамі. Такое становішча дазволіла трактаваць гэты феномен у якасці аднаго з найважнейшых фактараў інтэграцыі грамадства, разрадкі напружанасці паміж дзяржавамі і стабілізацыі адносінаў паміж людзьмі ў іх імкненні да мірнага суіснавання. Ключавая роля ў гэтым працэсе належала Хуану Антоніа Самаранчу.

Уводзіны

Апошнія дваццаць гадоў мінулага стагоддзя выдаліся досыць няпростымі для міжнароднага алімпійскага руху. Яго філасофскія падставы, выпрацаваныя і генерыраваныя заснавальнікам Міжнароднага Алімпійскага камітэта (МАК) (ІОС, International Olympic Committee) П'ерам дэ Кубертэнам (Pierre de Coubertin), прыйшлі да стану канфрантацыі з падзеямі сацыяльнай рэальнасці, што ў высокай ступені выявілася падчас правядзення летніх Алімпійскіх гульняў 1980 г. у Маскве і 1984 г. у Лос-Анджэлесе. Ідэалы спорту апынуліся пад цяжарам выпрабаванняў з боку палітыкі, якая, нягледзячы на ўсе дэкларацыі, згрупаваныя ў шырокавядомым слогане «спорт па-за палітыкай», і неўмяшанне яе ў гэты від дзейнасці, працягвала ва ўсё большай ступені дамінаваць у спорце. Такая сітуацыя шмат у чым паўстала па прычыне шырокага распаўсюджвання спорту ў якасці сацыякультурнага феномена, яго татальнай здольнасці эластычнага дапасавання да іншых грамадскіх структур, што немагчыма было ігнараваць з прычыны маштабнай зацікаўленасці шырокіх колаў публічнасці без падзелу па крытэрыях полу, расавай прыналежнасці, нацыянальнага паходжання, веравызнання, адукаванасці, эканамічнага становішча, лакалізацыі насельніцтва і г. д. Таму зусім натуральна, што як толькі палітычныя эліты зразумелі моц і ўплыў спорту на разнастайныя іншыя структурныя кампаненты соцыуму, а таксама эканамічныя перспектывы такога становішча, палітыка сталася неад'емным атрыбутам спартыўнай дзейнасці і адным з галоўных фактараў дамінавання напрыканцы XX ст.

Алімпійскі рух, які аб'яднаў міжнародны спорт у самых разнастайных фармацыях, пасля заканчэння Другой сусветнай вайны знаходзіўся ў няпэўным становішчы, на якое ўплывалі пераважна два наступныя фактары: падзел свету на дзве антаганістычныя сацыяльна-эканамічныя сістэмы і недахоп фінансавых сродкаў для новага якаснага развіцця. Першы фактар, несумненна, быў найважнейшым паказальнікам у саборніцтве паміж так званымі «лагерамі» сацыялізму і капіталізму за сусветнае дамінаванне. І таму агульная колькасць залатых алімпійскіх медалёў як мага лепш, на думку ідэолагаў з абодвух бакоў, давала адказ на пытанне аб паспяховасці таго ці іншага сацыяльна-эканамічнага праекта. Другі фактар, які істотна стрымліваў алімпійскі прагрэс, быў звязаны з банальным хранічным недахопам грашовых сродкаў, што, зрэшты, мела дачыненне да філасофскай дактрыны самога алімпійскага руху. Зразумела, што можна было б

вызначыць яшчэ некалькі аспектаў крызіснага ўплыву на міжнародны спорт таго часу, але галоўная мэта дадзенага артыкула заключана ў тым, каб акцэнтаваць увагу на дзейнасці чарговага прэзідэнта МАК Хуана Антонія Самаранча (Juan Antonio Samaranch), высветліць значнасць ролі асобы ў кіраванні міжнароднай надурадавай арганізацыяй.

Сёмы прэзідэнт МАК Хуан Антонія Самаранч, маркіз Самаранч, нарадзіўся 17 ліпеня 1920 г. у Барселоне і займаў свой пост з 1980 па 2001 г. Гэта другі па працягласці тэрмін знаходжання на дадзенай пасадзе пасля П'ера дэ Кубертэна, які кіраваў гэтай арганізацыяй 29 гадоў. Самаранч атрымаў дыплом IESE (Instituto de Estudios Superiores de la Empresa) Business School у Барселоне, прычым частку вучобы праходзіў у Англіі і ЗША. Як паказвае далейшае развіццё падзей, атрыманая спецыялізацыя спатрэбілася яму на працягу наступнай дзейнасці.

Актуальнасць. На прыкладзе дзейнасці сёмага прэзідэнта МАК Хуана Антонія Самаранча прааналізаваны некалькі вызначальных тэндэнцыяй, якія ў значнай ступені паўплывалі на функцыянаванне, развіццё і распаўсюджванне алімпійскага спорту напрыканцы XX ст. Перад усім – гэта канцэптуальныя змены ў філасофіі алімпізму, якія пацягнулі за сабой адпаведную змястоўную рэструктурызацыю спорту ў цэлым. Алімпійскі рух пасля дзесяцігоддзяў праблемнага існавання ў пошуках фінансавай падтрымкі перайшоў на якасна іншы ўзровень свайго забеспячэння на падставе камерцыялізацыі. МАК на чале з Самаранчам дастаткова ўдала выхапіў навейшыя трэнды тэхнікатэхналагічнага развіцця грамадства ў сістэме дасягненняў і развіцця сродкаў масавай інфармацыі, а таксама ў развіцці рынку масавага спажывання і фарміравання спартыўнай інфраструктуры з улікам патрэбы грамадства ў задавальненні попыту на правядзенне вольнага часу. Статус МАК і яго прэзідэнта неймаверна павялічыўся да такога ўзроўню, што кіраўнікі найбуйнейшых краін свету лічылі за гонар адмысловыя сустрэчы з Самаранчам, якога прымалі з усімі дакладнасцямі міжнароднага пратакола.

Мэта працы. Галоўная мэта працы заключаецца ў тым, каб ахарактарызаваць найбольш важныя тактычныя і стратэгічныя падыходы ў дзейнасці МАК у перыяд кіравання гэтай арганізацыяй Хуанам Антонія Самаранчам, якія прывялі да кардынальных змяненняў ідэалагічнага і праксеалагічнага парадку, а таксама падкрэсліць важнасць ролі асобы ў вызначэнні дамінантных накірункаў развіцця гэтай структуры.

Метады і арганізацыя даследавання. Падчас падрыхтоўкі матэрыялу выкарыстоўваліся такія метады даследавання, як апісанне, параўнанне, а таксама аналіз літаратурных крыніц і інфармацыі, што была размешчана ў шэрагу інтэрнэт-рэсурсаў. Арганізацыя даследавання ажыццяўлялася шляхам збору матэрыялаў, якія больш дакладна дазвалялі ахарактарызаваць асобу сёмага прэзідэнта МАК Хуана Антонія Самаранча, у тым ліку на падставе суб'ектыўнай перцэпцыі і аўтарскага бачання тых грамадсканамічных і палітычных працэсаў, што адбываліся ў сацыякультурнай прасторы апошняй чвэрці XX ст.

Пасля актыўнага ўдзелу ў Грамадзянскай вайне ў Іспаніі Самаранч сканцэнтравалася на атрыманні эканамічнай адукацыі. Затым нядоўгі час спрабаваў свае сілы ў якасці спартыўнага журналіста ў газеце «La Prensa», але потым ён аддаў перавагу працы ў сямейным бізнесе. У далейшым ён стаў супрацоўнічаць з буйнейшым ашчадным банкам Іспаніі «La Caixa» і ў перыяд з 1987 па 1999 г. нават займаў там пасаду прэзідэнта праўлення.

Трэба адназначна падкрэсліць той момант, што на пачатку станаўлення ўласнай кар'еры Самаранч скарыстаўся багаццем сваёй сям'і (яна трымала бізнес у тэкстыльнай прамысловасці), каб рэалізаваць спартыўныя інтарэсы. На пачатку са спортам яго звязваў такі даволі экзатычны від, як хакей на роліках, і ў спартыўнае асяроддзе ён прыйшоў не як спартсмен, а як менеджар каманды, якая ў сярэдзіне мінулага стагоддзя

мела дастаткова высокія вынікі на міжнароднай арэне. Неўзабаве ён становіцца дарадцам па пытаннях спорту ў савеце Барселоны, а потым з'яўляецца дэлегатам па фізічным выхаванні і спорце ў іспанскім парламенце. У Іспаніі часоў дыктатара Францыска Франка (Francisco Franco) спорт знаходзіўся пад кантролем дзяржавы, і добра зразумела, што атрымаць адпаведную пасаду ў сістэме дзяржаўнага кіраўніцтва магла толькі тая асоба, якая падзяляла погляды ўлады. Таму, калі характарызаваць менавіта Хуана Антонія Самаранча і ягоныя палітычныя погляды, то нельга выкрэсліваць з біяграфіі той факт, што ён далучыўся да фашысцкага руху яшчэ ў падлеткавым узросце, на працягу значнага перыяду быў прыхільнікам дыктатарскага рэжыму Франка, і няма ніводнага фактычнага доказу таго, каб ён адрокся ад сваёй мінулай прыналежнасці [9]. Пасля смерці Франка ў 1975 г., здавалася, палітычная кар'ера Самаранча не мела далейшых шансаў, але яго сяброўскія адносіны з каралём Хуанам Карласам дазволілі яму атрымаць у 1977 г. пасаду амбасадара ў СССР і Манголіі.

Якасна новы этап працы ў сістэме спартыўнага менеджменту пачаўся пасля абрання ў 1956 г. Самаранча членам Іспанскага Нацыянальнага алімпійскага камітэта. Пазней, з 1967 г., ён становіцца прэзідэнтам НАК Іспаніі і выконвае свае абавязкі па 1970 г. Разам з тым неабходна заўважыць, што Хуан Антонія Самаранч далучыўся да міжнароднага спартыўнага руху яшчэ ў 1955 г., калі быў выбраны віцэ-прэзідэнтам Камітэта па правядзенні Міжземнаморскіх гульняў, якія адбыліся ў Барселоне. Затым ён некалькі разоў знаходзіўся ў кіраўніцтве іспанскіх алімпійскіх дэлегацый 1956, 1960 і 1964 гг. Непасрэдна ў міжнародны алімпійскі рух Самаранч трапіла ў 1966 г., калі абіраецца членам МАК. Там ён на пачатку ўзначальвае камісію па прэсе, пазней кіруе службай пратакола, што дазволіла пазнаёміцца практычна з усімі ўплывовымі асобамі ў сістэме міжнароднага алімпійскага руху, і гэтак, зразумела, мела велізарнае значэнне для станаўлення ягонай будучай кар'еры. Затым ён становіцца членам Выканкама МАК. Урэшце, на 83-й сесіі гэтай арганізацыі ў Маскве 16 ліпеня 1980 г. у першым туры галасавання Хуан Антонія Самаранч быў абраны на прэзідэнцкую пасаду.

Неабходна заўважыць, што на прэзідэнцкіх выбарах 1980 г. ён здолеў атрымаць падтрымку так званага «ўсходняга блоку», які быў прадстаўлены краінамі «сацыялістычнага лагера» на чале з СССР. Гэта яскравая канстатацыя таго факта, што тры гады, праведзеныя ў Маскве, не прайшлі дарэмна. З іншага боку, даволі дзіўна, як прыхільнік фашысцкай ідэалогіі так хутка змог знайсці паразуменне з савецкімі ўладамі. На яго карысць «паўплываў» яшчэ адзін фактар. Галоўны фаварыт на прэзідэнцкае крэсла немец Вілі Даўме (Willi Daume) стаў закладнікам тагачаснай палітычнай сітуацыі: Заходняя Германія байкатавала Гульні ў Маскве ў знак пратэсту супраць уварвання савецкіх войскаў у Афганістан. У выніку Самаранч атрымаў абсалютную большасць галасоў ужо ў першым туры. Прэтэндэнтамі на пасаду тады з'яўляліся яшчэ чатыры кандыдаты: акрамя ўжо згаданага Вілі Даўме, гэта Джэймс Ворал (James Worrall) з Канады, Марк Ходлер (Marc Hodler) са Швейцарыі і Лэнс Крос (Lance Cross) з Новай Зеландыі. Апошні, праўда, неўзабаве зняў сваю кандыдатуру. Некаторыя крыніцы сведчаць, што галасаванне было закрытым і ніякія лічбы не былі апублікаваныя [11]. Але аўтары некаторых выданняў сцвярджаюць, што галасы размеркаваліся наступным чынам: Хуан Антонія Самаранч – 44, Марк Ходлер – 21, Джэймс Ворал – 7, Вілі Даўме – 5 [3].

Самаранч адразу змяніў ролю і стыль прэзідэнцтва. Ён пераехаў у пяцізоркавы «Palace Hotel» у Лазане, дзе пражываў шмат гадоў. Ён практычна аднаасобна ўзяў на сябе кіраванне МАК. Самаранч у высокай ступені скарыстаўся сваімі дыпламатычнымі навыкамі, асабліва ў часы неспрыяльнай палітычнай кан'юнктуры. Падчас сваіх сусветных турнэ ён змог пазнаёміцца са многімі ўплывовымі людзьмі, і пазней менавіта гэтая акалічнасць дазваляла яму мець з імі беспасрэдня кантакты, калі ўзнікалі разнастайныя праблемы. Стратэгічна вельмі важным было прызнанне МАК надурадавай арга-

нізацыяй з боку Арганізацыі Аб'яднаных Нацый, што прынесла вялікія дывідэнды ў выглядзе вызвалення ад падаткаў. Алімпійскія гульні сталі ўспрымацца не толькі як спартыўнае мерапрыемства, але таксама як эканамічная і палітычная сіла [11].

Знешне Хуан Антонія Самаранч нічым не нагадваў рашучую і валявую асобу, якая магла б дзякуючы толькі свайму знешняму выглядзе паўплываць на патэнцыяльных апанентаў. Хутчэй наадварот: невысокага росту і сарамлівы ад прыроды, ён, здавалася, часам адчуваў сябе няёмка, калі яму прыходзілася выступаць публічна. Менавіта такім ён падаўся аўтару дадзенага артыкула падчас выступлення перад удзельнікамі Міжнароднага навуковага форуму «Моладзь – Навука – Алімпізм», што быў прысвечаны правядзенню Юнацкіх Алімпійскіх гуляняў у Маскве 1998 г. Магчыма, з гэтай прычыны большасць найважнейшых рашэнняў старанна рыхтавалася загадзя і без залішняга ажыятажу. Стварыць кола прыхільнікаў у асяродку членаў МАК заўсёды было складанай задачай, але аналіз шэрага самых разнастайных падзеяў сведчыць, што яго сустрэчы і размовы сам-насам з вялікай колькасцю ўплывовых асоб прыносілі поспех.

Адной з самых складаных задач алімпійскага руху было пераасэнсаванне яго ідэалагічнай падставы, якая ад часоў П'ера дэ Кубертэна заставалася нязменнай, калі найбольшыя спрэчкі выклікаў традыцыйны падзел на аматараў і прафесіяналаў. Усе папярэднікі Самаранча строга прытрымліваліся той філасофскай дактрыны, якая брала свой пачатак яшчэ з часоў Старажытнай Грэцыі [1]. Аднак ва ўмовах новых сацыяльна-палітычных і эканамічных рэалій з улікам глабалізацыйных працэсаў і дамінавання тэндэнцый дэмакратызацыі, лібералізацыі, гуманізацыі, эмансіпацыі, міграцыі і г. д. па ўсім свеце неабходна было праводзіць адпаведныя арганізацыйныя рэформы, каб стварыць новыя маркетынговыя і менеджменцкія перспектывы для далейшага пашырэння ў часе і прасторы.

Хуан Антонія Самаранч з апантанасцю працаваў на карысць развіцця і распаўсюджвання алімпійскага руху. Яшчэ раз неабходна падкрэсліць, што на 80-я гг. мінулага стагоддзя прыйшліся два самыя буйныя байкоты Алімпіяд – 1980 г. у Маскве і 1984 г. у Лос-Анджэлесе. Самаранч вельмі добра зразумеў той факт, што непасрэдня асабістыя кантакты з кіраўнікамі краін, уплывовымі асобамі сусветнай палітыкі і лідарамі міжнароднага спорту могуць прынесці менавіта той эфект, які спрацаваў бы на карысць умацавання алімпізму і пашырэння яго ўплыву на ўсе магчымыя сферы сацыяльнага жыцця. У 1981 г. гэтыя намаганні прывялі да таго, што МАК атрымаў статус няўрадавай міжнароднай арганізацыі са штаб-кватэрай у Лазане.

Стратэгічна важным было таксама рашэнне пра пашырэнне ўдзелу жанчын у сістэме алімпійскага руху, што было замацавана ў пастанове XI Алімпійскага кангрэса ў 1981 г. у Бадэн-Бадэне, дзе афіцыйна было зафіксавана права на іх магчымасць стаць членамі МАК, што пазней садзейнічала больш актыўнаму ўдзелу іх у разнастайных спартыўных праграмах.

Хуан Антонія Самаранч таксама ўсяляк праводзіў у жыццё адну з галоўных старажытнагрэчаскіх ідэй – ідэю спалучэння алімпійскага руху з усталяваннем міру. Неўзабаве яму ўдалося давесці да кампраміснай згоды ўключэнне ў алімпійскія спаборніцтвы як НАК Кітайскай Народнай Рэспублікі, так і НАК Кітайскага Тайбэя, садзейнічаць вяртанню спартсменаў Паўднёва-Афрыканскай Рэспублікі да ўдзелу ў Алімпіядах пасля ліквідацыі палітыкі апартэіду, вырашыць пытанне выхаду на цырымоніі адкрыцця XXVII летніх Алімпійскіх гуляняў у Сіднеі 2000 г. пад адным сцягам дэлегацый Паўднёвай і Паўночнай Карэі. Нарэшце, дзеля падтрымкі алімпійскай салідарнасці ён падчас грамадзянскай вайны ў былой Югаславіі наведваў Сараева ў 1994 г. і заклікаў абвясціць перамір'е на тэрмін правядзення зімовай Алімпіяды ў Лілехамеры (Нарвегія), а праз чатыры гады МАК прадпрымаў значныя намаганні ў перакананні ЗША, каб тыя не бамбілі Ірак.

Хуан Антонія Самаранч узмацніў падтрымку МАК у справе арганізацыі Паралімпійскіх гульняў з часу правядзення зімовай Алімпіяды 1984 г. у Сараеве. Яму таксама належыць ідэя аддаць прыярытэт у распрацоўцы праграм па барацьбе з допінгам.

Павелічэнне папулярнасці Алімпійскіх гульняў патрабавала вызначыцца з крытэрыямі допуску да ўдзелу ў спаборніцтвах. Шырока распаўсюджаная крывадушнасць прывяла да фарміравання практыкі «шаматарызму», якая праяўлялася ў тым, што статус спартсменаў фармальна трактаваўся як аматарскі, але ў той самы час для іх у значнай колькасці выдаткоўваліся нелегальныя грашовыя выплаты. Такая сітуацыя ўзнікла з-за таго, што правілы шмат якіх міжнародных спаборніцтваў патрабавалі, каб удзельнікі былі аматарамі і іх спартыўная дзейнасць дадаткова не фінансавалася. Каб фармальна пазбегнуць нараканняў, ствараліся стыпендыяльныя фонды атлетаў альбо фінансаванне адбывалася як кампенсацыя панесеных выдаткаў. Тэрмін «шаматарызм» узнік ад словазлучэння «sham» (ілжывы, фальшывы) і «amateurism» (аматарства, непрафесіяналізм) [14].

Несумненна, усё гэта паўплывала на рэфармаванне сучаснага алімпійскага руху, да чаго належыць аднесці вырашэнне пытання трактавання паняцця «аматарства» ў яго ранейшай рэдакцыі Алімпійскай хартыі, добра вядомага як «правіла 26» [4, с. 20, 60–62]. У выніку прафесійныя атлеты легальна атрымалі права далучыцца да алімпійскага руху, што істотна паўплывала на павелічэнне зацікаўленасці да Гульняў з боку шырокіх колаў публічнасці: ад часу XXIV летняй Алімпіяды ў Сеуле 1988 г. удзел у Гульнях сталі прымаць прафесіяналы. Вельмі важным з пункту гледжання тактыкі і стратэгіі функцыянавання МАК у накірунку развіцця менеджменту і маркетынгу з'яўляецца і размежаванне правядзення зімовых і летніх Гульняў праз кожныя два гады, але часавы інтэрвал у чатыры гады паміж адпаведнымі спаборніцтвамі застаўся нязменным.

Пад непасрэдным кіраўніцтвам Самаранча адбылася рэформа кіравання МАК, калі прыярытэтай стала новая фінансавая палітыка, якая дазволіла рэзка павялічыць прыбыткі і дыверсіфікаваць рэсурсы. На практыцы гэта азначала пранікненне ў іншыя галіны і сферы сацыяльнай дзейнасці ў выглядзе такога маркетынгавага рашэння, якое выводзіла ў вытворчую праграму прадукты і паслугі, што раней не мелі непасрэднай сувязі з папярэдняй структурай працы. Прыбыткі, што былі атрыманыя ў выніку дасягнутых пагадненняў, былі інвеставаны ў фонд «Алімпійская салідарнасць», а таксама выдаткаваны на дапамогу Нацыянальным алімпійскім камітэтам і на распрацоўку стратэгіі далейшай універсалізацыі Гульняў. Шмат намаганняў было таксама прыкладзена на заснаванне Алімпійскага музея, які пазней быў названы ў яго гонар. У 2001 г. Хуан Антонія Самаранч пакінуў сваю пасаду. За свае заслугі ён атрымаў залаты алімпійскі ордэн і застаўся ганаровым пажыццёвым прэзідэнтам МАК.

Тэндэнцыі гуманізацыі чалавечай жыццёвай дзейнасці з неабходнасцю знайшлі сваё ўвасабленне ў спорце. У пэўнай ступені асноўныя з іх былі замацаваны ў Алімпійскай хартыі [5, с. 10–11]. Таму аб'яднанне спорту з такімі паняццямі, як «мір», «адукацыя», «роўнасць», дае магчымасць разглядаць алімпізм нашмат шырэй, чым звычайнае спаборніцтва. Аднак трэба заўважыць, што сам алімпійскі рух напрыканцы ХХ – пачатку ХХІ ст. знаходзіўся пад цяжарам шэрага сур'ёзных праблем, якія маглі б быць сведчаннем крызісу. Тая ж самая тэндэнцыя камерцыялізацыі спорту паказвае, што імкненне да атрымання максімальных прыбыткаў ад спартыўнай дзейнасці пэўным чынам нівеліруе гуманістычныя каштоўнасці, прапісаныя ў Алімпійскай хартыі. У прыватнасці, тэарэтычныя падставы алімпізму патрабуюць адпаведнай дапрацоўкі ў сваім канцэптuallyным увасабленні адносна такіх паняццяў, як «алімпійская ідэя», «алімпійская ідэалогія», «алімпійская філасофія». Дынаміка развіцця чалавечага грамадства ў цэлым штараз часцей сутыкаецца са старадаўняй дyleмай паміж тэарэтычнымі канструктамі, якія могуць існаваць у віртуальнай прасторы, і суровымі рэаліямі чалавечага жыцця. Як

падкрэсліваюць некаторыя навукоўцы, існуе па меншай меры два падыходы да сучаснай інтэрпрэтацыі філасофскай падставы алімпізму. З аднаго боку, магчымая так званая «прагматызацыя» гуманістычных каштоўнасцей спорту, які ў такім разе ператвараецца ў тавар своеасаблівай якасці, а з другога – гуманістычная накіраванасць алімпійскай філасофіі, наадварот, павінна ўзмацняцца, асабліва з пункту гледжання свайго этычнага складніка, які арыентаваны на агульначалавечыя ідэалы [6].

Дарэчы, МАК у сваёй дзейнасці спрабуе праводзіць гібкую палітыку і ў лавіраванні паміж дзвюма крайнімі пазіцыямі: найбольшыя фінансавыя прыбыткі па-ранейшаму атрымліваюцца ад камерцыйных праектаў, але ў той жа час важная роля адводзіцца новым пастаянным камісіям, такім як камісія па этыцы, камісія атлетаў, камісія па спорце для ўсіх, камісія «Апартэйд і алімпізм». У гэтай сувязі, безумоўна, заслугоўваюць увагі намаганні МАК у падтрымку міру. З гэтай нагоды влімпійскі рух звярнуўся з заклікам захаваць «алімпійскае перамір'е», што і было падтрымана ў рэзалюцыі A/RES/48/11, якая была прынята Генеральнай Асамблеяй Арганізацыі Аб'яднаных Нацый 25 кастрычніка 1993 г. У прыватнасці, Хуан Антонія Самаранч адзначаў: «За стагоддзе свет, безумоўна, змяніўся. У галінах навукі і тэхнікі быў дасягнуты велізарны прагрэс. Аднак гэта, на жаль, не скараціла адрыў паміж прамыслова развітымі краінамі і тымі, якія развіваюцца, і гэты адрыў працягвае павялічвацца. Узрастае колькасць узброеных канфліктаў і ачагоў вайны» [7]. І алімпійскі спорт у дадзеным выпадку паўстае як адзін з важнейшых інструментаў інтэграцыі сусветнага грамадства ў яго імкненні да спакойнага жыцця. У 1995 г. падчас 50-й сесіі ААН Хуан Антонія Самаранч у якасці першай асобы ў гісторыі, якая прадстаўляла няўрадавую арганізацыю, выступіў з прамовай. Гэта падзея стала сведчаннем прэстыжу і павагі да алімпійскага руху, які ён сабе здабыў, а таксама пацвярджэннем сваёй важнай палітычнай ролі на карысць дзейнасці ў справе стварэння міру на свеце [12, с. 67–68].

Самаранч значна актывізаваў дзейнасць МАК у накірунку супрацоўніцтва з найбольш уплывовымі міжнароднымі арганізацыямі, у тым ліку і з ААН, да якой звярнуўся са спецыяльным лістом аб прызнанні ролі і наданні незалежнасці МАК, а таксама з тым, каб бесперашкодна праводзіць Алімпійскія гульні ў кожнай частцы свету без аніякага палітычнага ўмяшання з якога-небудзь боку. Дзякуючы гэтаму МАК атрымаў статус міжнароднай няўрадавай арганізацыі. Ён сфармуляваў прынцыпова новае абгрунтаванне суадносін спорту і палітыкі ў сучасных умовах: узмацненне алімпійскага руху можа ўздзейнічаць на вырашэнне палітычных праблем, што стала надзвычай актуальным пасля крызісных Алімпіяд 1980 г. у Маскве і 1984 г. у Лос-Анджэлесе.

Па ініцыятыве Самаранча адбылася якасная змена структуры фінансавання. На рахунак МАК сталі паступаць сродкі ад продажу тэлевізійных правоў, ажыццяўлення спонсарскіх праграм, заключэння кантрактаў на правядзенне разнастайнай камерцыйнай дзейнасці ў сістэме алімпійскага руху. Зараз уявіць алімпійскі спорт без камерцыялізацыі ўжо проста немагчыма.

Яшчэ адным дальнабачным крокам Самаранча было тое, што ён усталяваў трывалыя сувязі з Міжнароднай асацыяцыяй спартыўнай інфармацыі (IASI, International Assotiation Sports Information). У выніку тэлетрансляцыі Алімпійскіх гуляў сталі праводзіць буйнейшыя тэлекампаніі свету. Такім чынам, маштабы трансляцыі нашмат павялічыліся, дзеля гэтага прымяняліся ультрасучасныя сродкі масавай інфармацыі, а з далучэннем інтэрнэт-трансляцый больш за палову насельніцтва планеты можа назіраць за спартыўнымі спаборніцтвамі.

Чарговым важным рашэннем на карысць МАК стала «развядзенне» па тэрмінах правядзення зімовых і летніх Алімпіяд. На 91-й сесіі гэтай арганізацыі ў 1986 г. у Лазане было прапанавана захаваць чатырохгадовы інтэрвал паміж адпаведнымі Гульнямі,

але з 1994 г. зімовыя Алімпійскія гульні праходзяць у гады, што прыпадаюць на сярэдзіну паміж гадамі правядзення летніх, якія, як і раней, адбываюцца ў высакосныя гады.

Самаранч быў аўтарам яшчэ адной ідэі, паводле якой у 1982 г. была ўтворана Міжнародная федэрацыя алімпійскай філатэліі (FIPO, Federation Internationale des Philatelie Olympiques), галоўнай мэтай якой з'яўляецца прапаганда алімпійскага руху, калекцыяніраванне паштовых марак, прысвечаных алімпійскаму руху і Алімпійскім гульням, павелічэнне ролі філатэліі ў справе адукацыі і выхавання маладога пакалення ў духу алімпійскіх ідэалаў, ва ўмацаванні ўзаемаразумення і супрацоўніцтва паміж народамі.

Зразумела, што кіраўніцтва алімпійскім рухам прыносіла не толькі дывідэнды. Некаторыя з членаў МАК трапілі пад падазрэнні ў злоўжываннях. Самаранч павінен быў адназначна адрэагаваць на абвінавачванні, і таму ён правёў рэформы па змяненні структуры арганізацыі. Так, на 108-й сесіі МАК у сакавіку 1999 г. у Лазане быў прыняты шэраг важных рашэнняў, якія найперш былі накіраваны на выкараненне злоўжыванняў у сістэме алімпійскага руху. Прычым Самаранч прызнаў сваю ўласную адказнасць за тое, што крызіс набыў такі маштаб і пра яго стала шырока вядома. Але, як пазначыў віцэ-прэзідэнт МАК Рычард Паўнд (Richard Pound), справа не тычылася карупцыі ці іншых крымінальных аспектаў, а толькі парушэнняў этычнага кодэксу, якім павінны былі кіравацца члены МАК у сваёй штодзённай дзейнасці. У выніку шасцёра членаў МАК былі выключаны з Выканкама, тры асобы выйшлі з гэтай арганізацыі па ўласным жаданні, каб пазбегнуць публічнага выкрыцця, а яшчэ дванаццаць чалавек атрымалі спагнанні.

Спецыяльна створаная дзеля разбору гэтай надзвычайнай сітуацыі камісія на чале з Рычардам Паўндам выпрацавала каля пяцідзiesiąці рэкамендацый, каб па магчымасці выключыць падобныя непаразуменні ў будучым. Трэба заўважыць, што іх прыняцце ў немалой ступені адбылося пад ціскам Кангрэса ЗША, які пагражаў ануляваць падатковыя льготы на тэрыторыі краіны ў тым выпадку, калі Хуан Антонія Самаранч не рэфармуе сваёй арганізацыі. Найважнейшыя рашэнні заключаліся ў тым, што членам МАК забаранілі інспекцыйныя паездкі ў гарады – кандыдаты на правядзенне Гульняў, больш жорсткімі сталі патрабаванні да падрыхтоўкі заяўкі на правядзенне Алімпіяды, уведзены абмежаванні на рэкламныя бюджэты аргкамітэтаў. Таксама да 70 гадоў быў паніжаны максімальны ўзрост членаў МАК, і іх колькасць была паменшана, прычым асобную краіну мог прадстаўляць толькі адзін чалавек. Адносна пасады прэзідэнта МАК было вырашана, што яе нельга займаць больш за 12 гадоў. А яшчэ члены МАК і іх сваякі не маюць права прымаць ад арганізатараў падарункі коштам вышэй за 150 долараў.

У адрас Самаранча у гэты перыяд было шмат крытыкі як за стыль кіраўніцтва, так і за прынятую сістэму ўласных паводзін. Напрыклад, пасля атрымання тытула маркіза ён патрабаваў, каб да яго звярталіся не інакш, як «Ваша сіяцельства». Ад яго таксама не дачакаліся выразнага тлумачэння адносна падарунка ў выглядзе зброі коштам каля дзвюх тысяч долараў з боку арганізатараў Гульняў у Солт-Лэйк-Сіці, ён працягваў сцвярджаць, што нічога не ведаў пра карупцыю, а адносна ліміту абмежавання кошту падарункаў гаварыў наступнае: ліміт мае дачыненне толькі да тых членаў МАК, што прымаюць удзел у галасаванні. Сыходзіць у адстаўку ён катэгарычна адмовіўся.

Пазней, калі Самаранч выйшаў на пенсію, стала вядома, што, напрыклад, толькі ў 1998 г. рахункі на яго пражыванне ў атэлі «Palace» ў Лазане дасягалі 200 тысяч долараў [8]. Даводзіцца толькі здзіўляцца, што ён не зважаў на свой сталы ўзрост і праблемы са здароўем, а працягваў паездкі па ўсім свеце. Праўда, у апошнія гады яго прэзідэнцтва яму актыўна дапамагалі [10].

Заклучэнне

У большасці самых разнастайных публіцыстычных і навуковых крыніц постаць Хуана Антонія Самаранча характарызуецца пераважна станоўча. Увага перш за ўсё ак-

цэнтруецца на тым, што створаны ім «феномен МАК» паўстаў як наднацыянальная і над-урадавая арганізацыя з выключнымі правамі на сваё функцыянаванне, а сам Самаранч у вачах шырокіх сацыяльных колаў успрымаўся як надзвычайная асоба. Фінансавы эфект яго кіраўніцтва перавысіў усе спадзяванні. «Алімпійская імперыя» дзякуючы глабалізацыі ахапіла ўвесь свет. Сапраўды, талент топ-менеджара ператварыў алімпійскі рух у адзін з найважнейшых фактараў інтэграцыі чалавечага грамадства. На гэтым фоне яго ўласныя палітычныя погляды застаюцца па-за ўвагай.

Згодна з рэформамі Самаранча ў 1980-я гг. у МАК былі абраныя жанчыны, некаторыя з іх раней самі непасрэдна ўдзельнічалі ў Алімпійскіх гульнях. Лазана была абвешчана алімпійскай сталіцай, і зараз там знаходзіцца штаб-кватэра МАК. На якасна новы ўзровень выйшлі Паралімпійскія гульні, якія з 1992 г. праводзяцца ў тых самых гарадах, што прымалі Алімпіяды. Правядзенне Сусветных юнацкіх гульняў таксама належыць ініцыятыве Самаранча, пазней яны набылі фармат Юнацкіх Алімпійскіх гульняў для атлетаў ва ўзросце ад 15 да 18 гадоў. Значна павялічылася колькасць Нацыянальных алімпійскіх камітэтаў, былі арганізаваныя курсы «Алімпійская салідарнасць» з мэтай перападрыхтоўкі трэнераў і спартоўцаў, прызначаныя алімпійскія стыпендыі для атлетаў з менш развітых краінаў для паляпшэння іх майстэрства, а таксама аказвалася дапамога ў будаўніцтве спартыўных цэнтраў [2].

Самаранч, які атрымаў падтрымку пераважна ад прадстаўнікоў Нацыянальных алімпійскіх камітэтаў сацыялістычных краінаў, Паўднёвай Амерыкі, раманскай Еўропы і франкамоўнай Афрыкі, арганізаваў сваю дзейнасць на прыкладзе сучаснага прадпрыемства і, каб забяспечыць адэкватнае фінансаванне дзейнасці на карысць алімпійскага руху, пашырыў кантакты з галоўнымі вытворцамі спартыўнага абсталявання і інвентару, пераважна з Adidas, пачаў маркетынговую кампанію пад назвай The Olympic Program (TOP), якая базіравалася на аплаце спонсарскіх кампаній за выкарыстанне алімпійскай сімволікі. Пры яго непасрэдным удзеле МАК пачаў арганізавана змагацца з допінгам у спорце, у выніку чаго было ўтворана Сусветнае антыдопінгавае агенцтва (WADA) [13, с. 63–67].

Самаранч сканцэнтраванна свае намаганні на павелічэнні эфектыўнасці МАК, ягонай стабільнасці і аўтарытэту ў алімпійскім руху. Гэты падыход базіраваўся на некалькіх наступных палажэннях: узаемакарысным супрацоўніцтве Міжнароднага алімпійскага камітэта, Нацыянальных алімпійскіх камітэтаў і Міжнародных спартыўных федэрацый; актуалізацыі нарматыўнай базы МАК з патрабаваннямі сучаснай рэчаіснасці; камерцыялізацыі алімпійскага руху; прафесіяналізацыі алімпійскага руху; далучэнні да алімпійскага руху масавага спорту, спорту для ўсіх, інваспорту і г. д.; ўзмацненні барацьбы з допінгам; развіцці алімпійскай салідарнасці; пашырэнні супрацоўніцтва з урадавымі і няўрадавымі арганізацыямі; супрацоўніцтве са сродкамі масавай інфармацыі; актывізацыі маркетынгаваі і менеджарскай дзейнасці.

Ён неаднойчы знаходзіўся пад знішчальнай крытыкай, яго папракалі за супрацоўніцтва з рэжымам генерала Францыска Франка, аўтарытарны стыль кіраўніцтва, удзел МАК у карупцыйным скандале ў Солт-Лэйк-Сіці. Увогуле, перыяд знаходжання Самаранча на чале МАК праз палітычныя байкоты, змены філасофскай дактрыны алімпізму, далучэнне да Алімпіяд спартсменаў-прафесіяналаў, працэсы камерцыялізацыі, беспрэцэдэнтнае павелічэнне папулярнасці Гульняў, праблемы допінгу і г. д. можа быць ахарактарызаваны як найбольш насычаны з пункту гледжання інфармацыі [10].

За гады знаходжання Самаранча на пасадзе прэзідэнта МАК фінансавое становішча гэтай арганізацыі рэзка палепшылася дзякуючы таму, што былі заключаныя буйныя тэлевізійныя і спонсарскія пагадненні з сусветна вядомымі кампаніямі. Пасля 1984 г. колькасць краін – удзельніц Алімпіяд нязменна павялічвалася, чаму, несумненна, садзейнічала лібералізацыя сістэмы допуску атлетаў. Фінансавое выратаванне МАК з'яў-

ляецца адным з найважнейшых дасягненняў Хуана Антонія Самаранча. Крызіс гэтай арганізацыі ў 70-я гг. мінулага стагоддзя прывёў да таго, што жадання прымаць Гульні станаўлілася ўсё менш, яны былі сапраўдным цяжарам для гарадоў-гаспадароў.

У 1991 г. за вялікі ўклад у развіццё алімпійскага руху кароль Іспаніі Хуан Карлас удастоіў Самаранча звання маркіза, якое перадаецца ў спадчыну.

Хуан Антонія Самаранч пайшоў з жыцця 21 красавіка 2010 г. На цырымоніі пахавання прысутнічалі прадстаўнікі іспанскай каралеўскай сям'і і міжнароднага спартыўнага руху. Пахаваны на Мантжуіцкіх могілках (Cementiri de Montjuic) у Барселоне.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Люкевіч, У. П. Філасофія алімпізму: феномен Старажытнай Грэцыі / У. П. Люкевіч // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2019. – № 1 (53). – С. 77–85.

2. 10 решений Хуана Самаранча, которые изменили олимпийское движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20100421/225174236.html>. – Дата доступа: 03.06.2019.

3. КГБ играет в шахматы / Б. Гулько [и др.]. – М. : Книж. клуб «Книговек», 2010. – 210 с.

4. Олимпийская хартия. – М., 1990. – 87 с.

5. Олимпийская хартия (в действии с 15 сентября 2017 г.) / Междунар. Олимп. ком. – Lausanne : International Olympic Committee, 2017. – 57 с.

6. Роль МОК в решении гуманитарных проблем современности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/119976/turizm/rol_reshenii_gumanitarnyh_problem_sovremennosti. – Дата доступа: 08.07.2019.

7. Утверждение мира и построение более счастливой жизни на планете посредством спорта [Электронный ресурс] / Генеральная ассамблея ООН. Сорок девятая сессия, пункт 156 повестки дня. – Режим доступа: https://digital-library.un.org/record/198-174/files/A_49_720-RU.pdf?version=1. – Дата доступа: 08.07.2019.

8. Факел олимпийской коррупции: из Солт-Лейк-Сити вышел, в Сочи замечен не был [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://easily.com/ru/news/2016/07/25/-fakel-olimpiyskoj-korruptcii-iz-solt-leyk-siti-vyshel-v-sochi-zamechen-ne-byt>]. – Дата доступа: 08.07.2019.

9. Fascist Photos of Former IOC President Juan Samaranch [Electronic resource]. – Mode of access: <http://themoryhole2.org/blog/samaranch-photos>. – Date of access: 13.05.2019.

10. Juan Antonio Samaranch, former IOC president, dies at 89 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/sport/2010/apr/21/juan-antonio-samaranch-ioc-president-dies>. – Date of access: 13.05.2019.

11. Juan Antonio Samaranch obituary 89 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/sport/2010/apr/21/juan-antonio-samaranch-obituary>. – Date of access: 13.05.2019.

12. Jung, R. Od Seulu do Sydney – polityczny wymiar Igrzysk Olimpijskich 1988–2000 / R. Jung // Zeszyty Naukowe KUL. – 2017. – № 2 (238). – S. 161–174.

13. Słoniewski, M. Wpływ przewodniczących Międzynarodowego Komitetu Olimpijskiego na przemiany w międzynarodowym ruchu olimpijskim po II wojnie światowej / M. Słoniewski // Kultura fizyczna : pr. nauk. Akad. im. Jana Długosza w Częstochowie. – 2017. – T. XVI, № 1. – S. 47–74.

14. The Olympics after Samaranch [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/sport/2001/jul/15/olympicgames.world>. – Date of access: 13.05.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2019

Lukievich U. P. The Philosophy of Olympism. Juan Antonio Samaranch: the Beginning of a New Era of Sports

The author of the article focuses on the socio-philosophical aspects of the formation and development of the Olympic movement in the last quarter of the twentieth century, based on the analysis of the activities of the then President of the International Olympic Committee Juan Antonio Samaranch. It was during this period that global changes in the philosophical doctrine of Olympism took place, the internal and external dominants of the functioning of this type of human activity changed, which makes it possible to come to the conclusion about the beginning of a new sport era. Professionalization and commercialization of the Olympic movement became its integral attributes. Such a situation made it possible to treat this phenomenon as one of the most important factors for integrating society, defusing tensions between states and stabilizing relations between people in their quest for peaceful coexistence. The key role in this process belonged to Juan Antonio Samaranch.

УДК 1+574

П. П. Крусь

канд. филос. наук, доц., зав. каф. философии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: krusPP@tut.by

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОПУЛЯЦИОННОГО ПОДХОДА В КОМПЛЕКСНОМ РАССМОТРЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Экологическая культура отражает содержание и потенциал экзистенциальной перспективы человеческого общества. Высказывается мысль о необходимости изменения ценностного отношения к природе. Рассматриваются основные научные подходы к определению понятия «экологическая культура». Подчеркивается сложный комплексный характер экологического сознания. Особое внимание уделяется проблеме взаимодействия естественных и гуманитарных наук при изучении экологических проблем. Отмечен значительный прогресс в познании сущности экологических проблем в рамках популяционного подхода, разработанного в современной эволюционной теории. Популяционный подход позволил интегрировать теоретический и методологический потенциал естественных и гуманитарных наук и получить комплексный образ современного человека. Раскрывается также содержание понятия «популяция человека».

Введение

Ввиду исключительной жизненной важности гармонизации отношений между человечеством и окружающей его природной средой, частью которой, хотя и обособившейся, оно само является, равно как и природа, выступающая также неотъемлемой частью и самого общества, и отдельного человеческого существа, неуклонно возрастает значение экологического сознания как элемента общей культуры мирового социума.

Экологическая культура в значительной степени выражает содержание и потенциал экзистенциальной перспективы как цивилизации в целом, так и каждого конкретного, т. е. размещенного в определенном времени и пространстве сообщества.

По мере расширения антропогенного фактора как действительной геологической преобразовательной силы экологические проблемы приобретают глобальный размах и универсальную значимость, принуждая нас пристальнее всматриваться в суть указанных проблем и искать все более оригинальные и эффективные пути их разрешения.

Становится все более очевидным, что решение экологических проблем не только не может быть найдено в рамках отдельных научных дисциплин, но и требует самой тесной солидарности всего мирового сообщества.

Констатация международного интегративного характера экологического знания и попытки организовать соответствующую систему познания экологических проблем является необходимым, но совершенно недостаточным предприятием. Все более четко высказывается и необходимость пересмотра основных концептуальных подходов и мировоззренческих принципов по отношению к природе. Как справедливо отмечает П. М. Бурак, уже давно созрела необходимость «смены антропоцентристски-потребительского проекта жизнеустройства общества на более безопасный и сбалансированный на основе регулируемой коэволюции в отношениях человека, общества и биосферы» [1, с. 51]. Речь, следовательно, идет о необходимости существенного изменения мировоззренческих оснований экологической культуры, ее перепрограммирования.

Для достижения поставленных задач необходимо изменить устоявшееся понимание мира, в котором человек противопоставлял себя природе и ценностно возвышался над ней. Все с большей силой звучат голоса мыслителей, призывающих и обосновыва-

ющих значимость коэволюционного стратегического поведения и коэволюционного стиля мышления как действенных факторов устойчивого развития современного мира.

По сути, решение поставленной грандиозной задачи означает новый революционный этап в развитии экологической культуры. В науке на данный момент нет общепринятого понимания экологической культуры, равно как и не существует единого понимания культуры в целом. Предлагаемые подходы разнообразны и иногда противоречат друг другу, выдвигая на передний план те признаки, которые ближе всего расположены к предметному полю конкретного исследования. Тем не менее в них содержится и много общего. В указанном контексте нельзя не согласиться с мнением Т. Г. Калениковой, что ядром экологической культуры выступают «совокупность знаний, убеждений, психических состояний человека, отражающих проблемы соотношения общества и природы» [2, с. 16], т. е. все то, что мы обобщенно называем экологическим сознанием.

Сложная многоуровневая структура этого сознания вместе с факторами его становления и развития требует самого пристального изучения. Речь идет, следовательно, о необходимости такой системы интегративного познания, которая в сочетании с соответствующим образованием и воспитанием обеспечила бы коренное переосмысление «антропоцентрической ориентации по отношению к природе, на основе утверждения нового гуманизма, включающего “благоговение перед жизнью” (А. Швейцер), по отношению ко всему живому на нашей планете» [3, с. 80].

В настоящее время действительно заметно углубление содержания понятия «экологическая культура», постоянно расширяется диапазон его отличительных и существенных признаков, что свидетельствует об исключительно жесткой привязанности трактовки этого термина к мировоззрению и ценностным подходам тех или иных исследователей и научных школ. Очевидно, что подлинное научное рассмотрение данного понятия предполагает обязательный учет сложного взаимодействия различных дисциплин: от молекулярной биологии до экологической педагогики, социальной педагогики, экологии культуры и многих других, составляющих проблемное поле комплексного философского анализа экологической проблематики с позиций концепций устойчивого ноосферного развития в условиях глобализации всех сторон деятельности современного человечества.

Несмотря на то что многие составляющие комплексный подход дисциплины сами находятся в стадии становления и, соответственно, формирования своего методологического и понятийного инструментария, с полным правом можно утверждать, что поиск механизма их эффективного взаимодействия можно уже сейчас признать в качестве основной методологической проблемы становления рассматриваемого подхода.

Это в равной мере относится и к другим сопряженным понятиям, например: «глобализация», «устойчивое развитие», «ноосферное мышление» и т. д. Комплексный характер явлений, обозначаемый данными терминами, не позволяет их однозначно интерпретировать даже в рамках отдельных научных отраслей. Здесь, по-видимому, требуется сложный поэтапный перевод понятийного аппарата специальных наук к совершенно иной терминологической системе, учитывающей специфику их комплексного междисциплинарного рассмотрения. Так, например, среди множества заслуживающих внимания толкований глобализации можно выделить определение, максимально учитывающее на данный момент интегративную сущность этого явления, предложенное академиком Е. М. Бабосовым: «Глобализация – это постепенное преобразование разнородного социального пространства в единую глобальную систему, в которой беспрепятственно перемещаются информационные потоки, идеи, ценности и их носители, капиталы, товары и услуги, стандарты поведения и моды, видоизменяя миропредставле-

ние, деятельность социальных институтов, общностей и индивидов, механизмы их взаимодействия» [4, с. 3].

Все сказанное убедительно не только свидетельствует о тесной взаимосвязи социальных и естественных процессов на земле, но и постулирует их зависимость от духовно-нравственных характеристик современного человечества. В этой связи становится понятным обращение все большего числа исследователей к комплексным и интегративным подходам по их рассмотрению с позиций определенной философской методологии. Экологическая проблема как производное явление глобализма вообще, безусловно, является прямым результатом мировоззрения людей, их ценностного отношения к своим мыслям и действиям в условиях все более решительного реагирования на них окружающей природной среды.

Ученые всего мира выступают за необходимость нравственного пересмотра основ культуры, ее гуманизации и экологизации. Среди белорусских исследователей, работающих в этом направлении, можно выделить П. А. Водопьянова, П. М. Бурака, А. И. Зеленкова, Е. М. Бабосова, В. С. Степина и многих других. Вместе со своими зарубежными коллегами они ратуют за экоцентрический гармонизирующий тип сознания, отражающий диалектическое единство человека и природы. Это единство может быть глубоко и всесторонне изучено только в рамках комплексного подхода. Результаты такого подхода в сочетании с доброй волей всех прогрессивных сил, без сомнения, позволят выработать эффективную, соответствующую духу времени стратегию и тактику поведения человека, которое обеспечивает гармоничное взаимодействие с окружающей его природой. Разумеется, это станет возможным при учреждении соответствующей системы экологического образования как наиболее важного фактора формирования и развития экологической культуры.

Ядром любой формы культуры, как известно, выступает мировоззрение. Экологическая культура здесь не исключение, и по этой причине «формирование мировоззрения, которое позволило бы строить отношения с другими жителями Земли на основании современного понимания природы, является актуальной задачей, тесно связанной с сознанием людей, уровнем их образованности и воспитанности, с приоритетами их нравственных ценностей» [5, с. 6].

Мировоззрение, какой бы формой оно ни было представлено, характеризуется определенными принципами и положениями. Одним из ключевых принципов современного экологического мировоззрения, на наш взгляд, может стать так называемый экологический императив, предложенный Н. Н. Моисеевым. Указанное понятие сразу получило широкое признание и распространение в самых различных интерпретациях. Суть его заключается в признании динамической зависимости некоторого диапазона природных свойств от цивилизации, который эта цивилизация не имеет права изменять. Разумеется, способность выбирать указанные свойства зависит напрямую от особенностей культуры, от содержания и уровня образованности и нравственности общества. При этом Н. Н. Моисеев особо подчеркивал объективный характер выдвинутого понятия, который «не зависит от воли отдельного человека, а определяется соотношением свойств природной среды и физиологических, и общественных особенностей всего вида. Но реализация этого соотношения зависит от воли человека!» [6, с. 4].

Для успешного воплощения сказанного выше нужна не просто воля человека, но разумная воля, опирающаяся на глубокие истинные знания законов природы и общества. Эти знания есть результат сложного исторического взаимодействия жизненного опыта человечества с достижениями каждого значимого этапа духовного познания самого себя и окружающей его природы. Здесь в равной степени важны и научные открытия, и этнокультурные завоевания по освоению природного ландшафта, составля-

ющие богатое полифоническое содержание и универсальные функциональные формы экологической культуры.

Органическое выражение приведенного взаимодействия должно найти свое место не только в научной и политической, но и в соответствующей образовательной интеграции. Мы в полной мере солидарны с А. А. Габинской, утверждающей, что одним из важнейших связующих звеньев между различными культурами выступает диалог и интеграция национальных систем образования в единое мировое образовательное пространство, широкий критический анализ прежних и нынешних теорий и практик организации обучения и воспитания, включая разработку проекта для экологически безопасного развития [7; 8]. При этом среди важнейших принципов перехода на такой путь развития провозглашается системный подход, суть которого заключается в представлении об органичной тесной взаимообусловленности отношений общества и природы.

Построение систем образования предполагает строгую ориентацию на проверенные современные научные знания. Сложность заключается не только в том, что научные данные динамично обновляются, но прежде всего в том, что эти данные могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от методологии каждой отдельной науки и степени ее интегрированности в систему междисциплинарного знания.

Ярким примером в данном случае выступает экология. Особое место в ней занимает проблема взаимодействия различных наук как естественного, так и гуманитарного характера. Так, в частности, своей растущей «гуманизацией» экология обязана прежде всего чикагской социологической школе, представители которой уже в 20-е гг. прошлого столетия разрабатывали основы гармоничных отношений человека и городской (урбанистической) среды обитания. Именно отсюда, скорее всего, берет свое начало собственно социальная составляющая экологии как междисциплинарного знания. Вместе с тем не следует забывать о таком важном обстоятельстве, как степень готовности отдельных научных дисциплин к интеграции, хотя бы в рамках взаимодействия самых близких отраслей, в частности в биологии.

Выдвинутый еще в XIX в. Э. Геккелем термин «экология» оказался не только плодотворным, но и чрезвычайно многозначным. До сих пор не утихают споры относительно понимания предмета и границ экологического познания, его места в системе междисциплинарных знаний. Сложна и запутанна классификация экологических дисциплин, в которой постоянно возникают все новые и новые виды. Выделяют экологию человека и экологию животных, экологию вида и экологию души, и этот список легко продолжить. Подобное расширение объема понятия вызывает затруднения при систематизации и обобщении данных, используемых для создания целостных экологических картин природных и человеческих сообществ.

За уже немалый период своего существования экология претерпела сложный путь развития и достигла такого состояния, когда самым серьезным образом обсуждается возможность существования самостоятельного экологического мировоззрения. В этой связи вполне понятен накал полемики о наиболее значимых проблемах становления и развития экологического сознания.

Нельзя забывать, что значительную часть своего исторического пути экология функционирует в рамках биологического знания, т. е. теоретическая биология определяет суть и методологическое основание всей совокупности отраслей, составляющих ее проблемное поле. Ядром биологических дисциплин, как известно, выступает эволюционная теория, выдвинутая Ч. Дарвином. Сейчас, после ряда революционных открытий, приведших к решительной перестройке структуры всей биологии, эта теория приобрела статус интегративного знания и справедливо называется синтетической теорией эволюции. Это не механическое соединение, но действительный диалектический синтез эволюционной теории, молекулярной биологии, популяционной генетики и еще це-

лого ряда смежных научных дисциплин, предпринятый плеядой талантливых последователей Ч. Дарвина как западного, так и восточного полушария нашей планеты еще в первой четверти XX в. [9]. Проблема синтеза этих наук существенно обострилась тем, что в поле их зрения попал человек.

Подлинная интеграция современных биологических и экологических дисциплин оказалась в прямой зависимости от решения вопроса о применимости вообще биологических и эволюционистских подходов к человеку, а также о степени их применимости. Экологические перспективы человечества не просматриваются вне поэтапного, блокового интегрирования естественно-научного и гуманитарного знания. О крайней необходимости «междисциплинарного взаимодействия естественно-научного и гуманитарного знания свидетельствуют и теоретико-содержательные трансформации к сближению естественных, технических и гуманитарных наук в современной философии и методологии науки», решительно заявляет авторитетный белорусский ученый Я. С. Яскевич [10, с. 5].

Хорошо известно, что биологические подходы к изучению человека в определенной мере ограничены и применять их нужно очень деликатно уже хотя бы потому, что человек по своей специфике является существом социальным. С другой стороны, также было бы совсем неправомерным игнорировать или недооценивать биологическую природу человека. Здесь вполне уместно сослаться на мнение авторитетных зарубежных генетиков-эволюционистов Ф. Фогеля и А. Мотульски: «Человек с его мозгом – это звено непрерывной эволюционной цепи. Поэтому полная независимость признаков, опосредованных центральной нервной системой, от каких-либо биологических ограничений представляется маловероятной» [11, с. 31]. Тем не менее история свидетельствует о многочисленных примерах односторонних подходов к человеку, воплотившихся в различных биологизаторских и социологизаторских концепциях, которые периодически становились весьма популярными, но так и не смогли преодолеть метафизической антиномичности и разобщенности создаваемого ими образа человека. Указанному обстоятельству способствовал, среди прочего, уже показавший на заре эволюционизма свою ограниченность организмоцентрический стиль мышления. Организмоцентризм методологически, с одной стороны, не позволил раскрыть сущность биологически значимых видовых изменений, а с другой – стал камнем преткновения на пути комплексного рассмотрения человека.

Приемлемое решение проблемы было найдено в рамках разработанного позднее популяционного подхода как нового универсального метода изучения всех форм и степеней жизни. Популяционизм как стиль мышления позволил интегрировать теоретический и методологический потенциал биологических наук и системно взглянуть на эволюционные процессы живой природы. Популяционный стиль мышления позволил по-иному рассмотреть человека и его отношения с природой. В рамках популяционного подхода возник ряд терминов, сыгравших важную методологическую роль в комплексном познании человека. Среди них, в первую очередь, можно выделить понятие «популяция человека».

Перенесение биологических по своему существу терминов на человека вызывает до сих пор острые дискуссии и требует очень осторожного отношения к этой проблеме.

Теоретические проблемы исследований биологических изменений современного человека в этом отношении прямо связаны с методологией научного познания и с философской рефлексией.

Сложная система субъектно-объектных отношений, в форме которой моделируется структура биологических процессов применительно к человеку, требует для своего отображения глубокого методологического анализа.

В качестве начала подобного рода анализа как раз наиболее эффективно использовать понятие «популяция человека», которое несет в себе поистине огромный объем знания и которое при определенных условиях может послужить основанием комплексных теоретических систем. Подходы подобного рода уже давно практикуются и демонстрируют в целом свою плодотворность. В первую очередь это относится к исследованиям экологических и медицинских проблем современного человека [12].

Популяцию человека можно определить как конкретно-историческую систему отношений между индивидами, существенно детерминированную типом способа общественного производства, в рамках которого осуществляется вся совокупность биологически значимой деятельности людей. Популяция является мобильной и динамичной структурной единицей вида *Homo sapiens*, отличающейся отсутствием четких границ и ареалов обитания.

Популяционный подход позволил не просто связать все перечисленные проблемы, но и подвести под них соответствующий методологический и мировоззренческий фундамент. Он потребовал корректировки всей системы ценностей, сложившейся в современной науке, преодоления той узкой ориентации на жизнедеятельность отдельного единичного индивида, которая значительно ограничивала познание природы, человека.

Популяционный подход составляет прочный фундамент комплексного познания самого эволюционного процесса и его факторов. Эволюционная теория в ее современном синтетическом варианте выступает сейчас именно такой системообразующей концепцией не только теоретической биологии, но и экологии.

Одним из важнейших достижений популяционизма в комплексном рассмотрении человека можно признать пересмотр понимания специфики и роли важнейших эволюционных факторов в популяциях современного человека.

Относительно биологических изменений, существенно влияющих на экологию человека, можно на данный момент выделить следующие положения.

Во-первых, многочисленные сведения, говорящие о закономерных сдвигах в различных качественных и количественных признаках современного человека под влиянием целого комплекса генетических, географических, биотических, абиотических и социальных факторов, не позволяют отнести эти сдвиги к направленным эволюционным процессам.

Во-вторых, морфологические и генетические изменения протекают внутри видовой адаптивной нормы и не имеют линейного характера.

В-третьих, социальные и природные факторы воздействуют друг на друга в опосредованной форме, т. е. социал-дарвинистские подходы к человеку совершенно беспочвенны и неприменимы.

Вместе с тем нет никаких оснований говорить о полном отрыве человека как социального существа от эволюционных аспектов своего существования. Речь в данном случае нужно вести не об ослаблении или даже исчезновении действия эволюционных факторов, а об ослаблении негативных для человечества последствий (например, снижение детской смертности, ослабление влияния инфекционных заболеваний). Сами же эти факторы, включая и пресловутый естественный отбор, как атрибуты эволюционного развития всех биологических систем, в том числе человека, продолжают действовать, однако это действие направлено не на социальную, а на биологическую природу человека. Конечно, эти уровни в определенной степени взаимосвязаны, и одним из основных механизмов, с помощью которого осуществляется некоторое влияние биологических закономерностей на общественного человека, является процесс развития и изменения содержания и структуры человеческих заболеваний.

Заклучение

Каждому историческому этапу в развитии общества, как правило, соответствует конкретная структура патологических отклонений. Происходит это потому, что, вмешиваясь в действие природных факторов, которые прежде всего ориентированы на усовершенствование или сохранение видовой адаптивной нормы, человечество, чаще всего неосознанно, может изменять их направление, что нередко ведет к серьезным и непредсказуемым последствиям.

Таким образом, стоит еще раз отметить, что стратегия научного поиска должна быть направлена не на иллюзию о якобы затухающем действии природных эволюционных факторов у человека (ведь избавиться от них можно лишь в случае избавления от своей биологической природы), а на изучение и управление ими. Только такой путь в конечном счете может привести к действительному контролю над наследственными заболеваниями, устранению негативных последствий многих из них и позволит сделать еще один решительный шаг в направлении управляемого устойчивого равновесия человеческого общества с природой – равновесия, достижимого также при условии перенесения и закрепления подлинных комплексных научных знаний в структуру современной экологической культуры. Это перенесение и закрепление в значительной степени может быть осуществлено соответствующей системой образования. «Поиск условий синтеза знаний о человеке как части природы и, как бы мы сейчас сказали, “социальном существе” обозначает начало формирования не только собственной научной (“истинной”) антропологии и предметного самоопределения корпуса социогуманитарных наук, но и развития основных направлений исследования в области современной философии образования», – подчеркнул известный российский философ В. И. Стрельченко [13, с. 21–22].

Таким образом, популяционный подход и корпус разработанных в его рамках понятий, среди которых мы в первую очередь выделили понятие «популяция человека», можно рассматривать в качестве незаменимого методологического средства понимания системного взаимодействия природных и социальных факторов в мировоззрении и экологической культуре современного человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурак, П. М. Инварианты коэволюции и их взаимосвязь в природе социокультурной реальности / П. М. Бурак // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2017. – № 2 (205). – С. 51–56.
2. Каленникова, Т. Г. Формирование экологической культуры у обучающейся молодежи / Т. Г. Каленникова // Тр. БГТУ. Сер. 5, Политология, философия, история. – 2008. – Вып. XV. – С. 15–16.
3. Водопьянов, П. А. Пути преодоления вызовов и рисков в жизни общества / П. А. Водопьянов // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2017. – № 1. – С. 77–80.
4. Бабосов, Е. М. Глобализация как предмет социологического анализа / Е. М. Бабосов // Социология. – 2000. – № 4. – С. 3–9.
5. Степанюк, А. В. Мировоззренческие ориентиры современной молодежи / А. В. Степанюк // Путь образования. – 2002. – № 1. – С. 6–9.
6. Моисеев, Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы / Н. Н. Моисеев // Вопр. философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
7. Габинская, А. А. Современное образование: тенденции и проблемы роста / А. А. Габинская // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2013. – № 3 (162). – С. 107–113.

8. Габинская, А. А. Гуманитарный смысл образования / А. А. Габинская // Диалог поколений и культур в контексте глобализации : материалы Междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации», Санкт-Петербург, апрель 2007 г. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена ; редкол.: К. В. Султанов [и др.]. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2007. – С. 134–137.

9. Четвериков, С. С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Журн. эксперим. биологии. Сер. А. – 1926. – Т. 2, вып. 1. – С. 3–54.

10. Яскевич, Я. С. Формирование экологического сознания: междисциплинарное взаимодействие социально-гуманитарного и естественнонаучного знания / Я. С. Яскевич // Философия и наука на современном этапе развития экологического мировоззрения (аспекты междисциплинарного взаимодействия) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 16–17 апр. 2003 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. П. П. Круся. – Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2003. – 178 с.

11. Фогель, Ф. Генетика человека : в 3 т. : пер. с англ. / Ф. Фогель, А. Мотульски. – М. : Мир, 1989–1990. – Т. 3. – 1990. – 366 с.

12. Дубинин, Н. П. Что такое человек / Н. П. Дубинин. – М. : Мысль, 1983. – 334 с.

13. Стрельченко, В. И. Антропологический синтез в философии образования / В. И. Стрельченко // Антропологический синтез: религия, философия, образование / сост., предисл. А. А. Королькова. – СПб. : РХГИ, 2001. – 352 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2019

Krus P. P. On the Methodological Significance of the Population Approach in the Complex Consideration of Ecological Culture at the Present Stage Social Development

Ecological culture reflects the content and potential of the existential perspective of human society. The article expresses the idea of the necessity of changes of values related to nature. The main scientific approaches to the definition of «ecological culture» are considered. The complex nature of ecological consciousness is emphasized. Special attention is paid to the problem of interaction of natural Sciences and Humanities in the study of environmental problems. The author sees significant progress in understanding the essence of environmental problems in the framework of the population approach developed in the modern evolutionary theory. The population approach made it possible to integrate the theoretical and methodological potential of natural Sciences and Humanities and to obtain a comprehensive image of modern man. The article also reveals the content of the concept of «human population».

УДК 316.752

В. Н. Варич

канд. филос. наук, доц., доц. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета
e-mail: vari61@list.ru

ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проведен анализ ценностно-смысловых оснований социального действия исходя из его различных теоретических моделей. Рассмотрены взгляды на природу социального действия Э. Дюркгейма, М. Вебера, Ю. Хабермаса, Т. Парсонса и М. Шелера. Выделена общая для них идея о том, что ценности являются важнейшим компонентом социального действия. Межкультурная коммуникация во всех ее формах рассматривается как ценностно обусловленное социальное взаимодействие, в котором прослеживаются два взаимосвязанных уровня. Осознаваемая коммуникация затрагивает принятые в разных культурах установки, нормы и стереотипы поведения. ИмPLICITная коммуникация происходит во взаимодействии тех ценностей и норм, которые обуславливают поведение ее участников.

Введение

В первые десятилетия XXI в. вопрос о статусе ценностей как предпосылки, условия и смысловой основы взаимодействия культур приобрел особую значимость как в силу тех социальных и культурных процессов, которые происходят внутри отдельных социокультурных общностей, так и вследствие интенсификации межкультурного взаимодействия. Выявление их роли в культурно-коммуникативных процессах является актуальной проблемой современного социально-гуманитарного знания.

Ценностные аспекты социального действия

Между человеком и окружающим миром существуют разнообразные отношения: онтологические, познавательные, деятельностные, ценностные, коммуникационные. Содержание этих отношений определяется не только условиями природного и социального бытия человека, но и его собственными целями и стремлениями, которые, в свою очередь, формируются под влиянием различных факторов. Среди них особую роль играют коллективные формы сознания и деятельности, участником которых он является. По мысли Э. Дюркгейма, не существует общества, которое «не чувствовало бы потребности поддерживать и периодически обновлять коллективные чувства и коллективные идеи, создающие единство и индивидуальность этого общества» [1, с. 135]. Они возникают во время переживания социальной группой «коллективного экстаза», подчиняются собственным законам и не могут быть редуцированы ни к индивидуальному опыту, ни к материальным условиям человеческой жизни. Сам опыт переживания ценности также не является чисто субъективным. Субъект индивидуального опыта – это человек, который сформировался в социальном окружении и разделяет его ценности. Но вместе с тем его ценностное сознание не является некоей обобщенной характеристикой множества «средних» индивидов. Поэтому «существует огромная разница между тем, как в действительности оцениваются ценности обыкновенным индивидом, и этой объективной шкалой человеческих ценностей, на которой в принципе должны основываться наши суждения» [2, с. 288]. Данная объективная шкала не является результатом собственных усилий человека и не сводится к его личным ощущениям и переживаниям, однако те ценности, из которых она состоит, определяют мотивацию его действий. Таким образом, социальное действие (и взаимодействие) в интерпретации Дюркгейма всегда являет собой единство субъективно-личностного и объективно-социального, существующее благодаря коллективным идеалам и ценностям, возникаю-

щим в ходе переживания принадлежности к обществу как к такой реальности, которая онтологически и аксиологически превосходит любую индивидуальность.

М. Вебер также указывает на субъективно-объективный характер социального действия, отличительными признаками которого являются, с одной стороны, субъективный смысл, который мотивирует личность на совершение действия, а с другой стороны, «ожидание», т. е. ориентация на то, каким образом действие будет воспринято социальным окружением. Разрабатывая концепцию социального действия, Вебер выделил четыре типа социальных действий: традиционные, аффективные, ценностно-рациональные и целерациональные. Данные типы действия располагаются в порядке возрастания рациональности: традиционное и аффективное действия имеют субъективно-иррациональный характер, а ценностно ориентированное действие содержит рациональный момент – постольку, поскольку его субъект сознательно соотносит свою деятельность с какой-либо ценностью, которая понимается им как цель. Еще более рациональный характер имеет, безусловно, целерациональное действие, в котором индивид сознательно ставит практически значимую цель и предпринимает продуманные действия для ее реализации. Однако любая значимая для личности цель обладает для нее и ценностным статусом: «Мы ощущаем как нечто объективно ценностное именно те глубочайшие пласты “личности”, те высшие, последние, оценочные суждения, которые определяют наше поведение, придают смысл и значение нашей жизни» [3, с. 350].

В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса представлена несколько иная типология социального действия. Он выделяет действия телеологические, нормативные, драматургические и коммуникативные, рационализация которых коррелирует с диалектическим взаимодействием двух составляющих современной социальной жизни – «системы» и «жизненного мира». Оставив за скобками содержательный анализ данных понятий, можно отметить, что типология Хабермаса отчасти перекликается с выделением социальных действий у Вебера: телеологическое действие соответствует целерациональному, нормативное – ценностно-рациональному. Драматургическое действие направлено на то, чтобы убедить возможного партнера в необходимости сотрудничества и завоевать его доверие, а коммуникативное действие имеет своей целью достижение согласия относительно той ситуации, в которой оно совершается. «Жизненный мир» как та социальная среда, в которой проходит частная жизнь человека и осуществляется взаимодействие участников гражданского общества, «всегда конституируется в форме глобального знания, intersubjectively разделенного между членами общества» [4, с. 135].

Хабермас показывает, что в обществе модерна, когда общественные идеологии утратили силу, да и сами попытки создать целостную идеологическую интерпретацию подавляются в зародыше, повседневное сознание людей «лишается своей способности к синтезированию, становится *фрагментированным*» [4, с. 135]. Если в традиционных обществах «мотивы и ценностные ориентации, ненасильственно сформированные в коллективных убеждениях, были защищены от влияния противоречащего им опыта и рационализма повседневной жизни», то в современном обществе эта связующая сила исчезает, по словам Хабермаса, «испаряется субстанция фундаментальных утверждений, которая была освящена культурой и не требовала объяснений» [4, с. 134]. Культурное обнищание и фрагментация повседневного сознания, о которых говорит немецкий философ, не означают вместе с тем, что в социальном действии отсутствует ценностная мотивация, – речь идет лишь о «механизмах» формирования ценностей и о степени их обоснованности в сознании действующего субъекта.

В интерпретации Т. Парсонса социальное действие представляет собой диалектическое единство действующего субъекта (актора), цели действия и социальной ситуации его совершения. К социальной ситуации Парсонс относит не только объективные

факторы, но и те ценности и нормы, исходя из которых актер выбирает цель действия и средства ее достижения. В качестве сложной динамичной системы социальное действие включает четыре взаимодействующие подсистемы: личностную, биологическую, социальную и культурную. Личностная подсистема определяется потребностями действующего субъекта и его ориентацией в ситуации; социальная подсистема представляет собой комплекс взаимных ожиданий акторов и норм, по которым они действуют; культурная подсистема включает ценностные ориентации личности и их символическую реализацию. Таким образом, в социальном действии органически переплетаются индивидуальные установки, взаимные ожидания и ценностно-нормативные эталоны.

Общество как коллективный субъект также содержит взаимосвязанные подсистемы, каждая из которых выполняет функцию, необходимую для его жизнедеятельности, – адаптацию (экономическая система), целеполагание (социетальное сообщество), интеграцию (политическая система) и латентность (система культуры). Все подсистемы, дополняя друг друга, позволяют участникам общественного процесса соизмерять свои действия с помощью символических «посредников». В подсистеме, обеспечивающей латентность, т. е. воспроизводство социальной структуры и снятие возможных напряжений, таким опосредующим звеном является, по Парсонсу, приверженность к определенным ценностям, которая обеспечивает и удовлетворение от собственной деятельности, и признание со стороны сообщества. «Культурная система, соотносясь с высшей реальностью, формирует ценностные ориентации, относящиеся к остальному окружению и системе действия, в том числе физическому миру, организмам, личностям и социальным системам» [5, с. 101].

Крупнейший представитель философской антропологии XX в. М. Шелер считает, что отношение между личностью и ценностями возникает еще до того, как человек начинает действовать. По замечанию Х. Йоаса, даже в неосознанных стремлениях Шелер видит определенную ориентацию на ценности, которая предшествует целевым представлениям и конкретным волевым целям [6, с. 135]. Их дорефлексивный характер никоим образом не исключает того, что эмоциональная жизнь человека открывает доступ к целому классу идеальных объектов – миру ценностей, по отношению к которому у него есть не только «чувство ценности», но и чувство их иерархии – «чувство предпочтения», позволяющее ранжировать их по высоте. Ценности занимают тем более высокое положение в иерархии, чем они долговечнее, чем менее делимы, чем менее обоснованы другими ценностями, чем более глубокое удовлетворение связано с их переживанием и чем менее они «привязаны» к определенным носителям [7, с. 308].

По отношению к высшим ценностям все остальные их виды образуют определенный порядок, в котором Шелер выделяет группы взаимосвязанных ценностей. К ним относятся: личностные и предметные ценности; собственные и чужие ценности; ценности актов, функций и реакций; ценности убеждения, действий и успеха; ценности интенции и состояния; ценности оснований, форм и отношений; индивидуальные и коллективные ценности; самостоятельные и производные ценности. Носителем ценностей, по Шелеру, является не только сама личность, но и форма ее связи с другими, а также переживаемое отношение в рамках этой формы, – будь то семья, община или народ. Находящиеся в отношениях личности образуют некоторое сообщество, воспринимаемое ими как целое и ценностно значимое. От ценностей сообщества отличаются коллективные ценности, которые не образуют целостность, переживаемую всеми членами коллектива, а относятся к фактически существующему объединению людей, взаимодействующих друг с другом, и соответственно имеют менее высокий статус. В обоих случаях социально значимые ценности могут сохранять свой характер независимо от остальных ценностей либо быть таковыми лишь в соотносительности с ними. Производные ценности Шелер подразделяет на «технические» и «символические». Так, денеж-

ные купюры, помимо обозначения номинала валюты не имеют никакой ценности, но знамя полка как символ его истории и доблести является ценностью для всех служащих этого полка.

Резюмируя, можно отметить, что во взглядах на природу социального действия Дюркгейма, Вебера, Хабермаса, Парсонса и Шелера прослеживается идея, что ценности составляют его неотъемлемый компонент: не только придают смысл действию, определяют его цель и влияют на средства ее реализации, но образуют духовную основу коммуникации субъектов социального взаимодействия.

Ценности в культурной коммуникации

Понятие культуры полисеманлично, в силу чего дать ее единственное определение не представляется возможным. Однако очевидно, что данное понятие можно рассматривать в узком и в широком смысле. Л. В. Куликова, ссылаясь на современных немецких исследователей в области этнологии и межкультурной коммуникации, определяет культуру в широком смысле как «совокупность субъективаций (*Subjektivationen*) – ценностей, норм, представлений, мировоззренческих установок – и объективаций (*Objektivationen*) – деятельности, способов поведения, языка, артефактов, которые люди усваивают в процессе инкультурации и которые используются ими для освоения жизненного пространства и повседневной ориентации в нем» [8, с. 12]. В широком понимании культура включает в себя все то, что было создано и создается людьми, т. е. она представляет собой и процесс человеческой деятельности и коммуникации, и их способы и формы, и получаемые в этом процессе результаты – от материальных артефактов до ценностей, смыслов, норм поведения и убеждений. Все это не может быть передано генетическим путем, но усваивается человеком по мере его воспитания и образования в определенной культурной среде. Культурные программы играют в жизни человека еще большую роль, нежели генетические программы поведения у животных, поскольку в своих социальных действиях и в общении с другими людьми человек реализует усвоенные программы познания, поведения и деятельности, зачастую даже не осознавая этого обстоятельства. Вместе с тем культурная обусловленность социального поведения личности не является жесткой детерминацией, подобной реализации инстинктивных образцов поведения у животных. Каждый человек в неповторимом личностном бытии воспроизводит культурные образцы индивидуальным образом, опираясь на разделяемые группой (обществом) ценности, нормы и регулятивы.

Процесс приобщения ребенка к ценностям и нормам своей культуры, происходящий в ходе его первичной социализации, а затем и в процессе накопления и обогащения собственного жизненного опыта, называется инкультурацией. В результате инкультурации человек усваивает культурно обусловленные модели поведения и мышления своей культурной группы, которые могут оказаться неприемлемыми для представителей другой культуры. В ходе межкультурной коммуникации обнаруживается специфичность собственных ценностных ориентаций или (как вариант) несовпадение иерархии ценностей у партнеров по коммуникации. Культурная идентичность формируется в ходе множественной межличностной коммуникации и нормативно поддерживается социальными системами, выполняющими функции целеполагания, интеграции и латентности: «Ценности как “имплицитные теории” и нормы как конкретные поведенческие рекомендации по реализации определенных принципов представляют собой базис, ядро культурной общности людей» [8, с. 16].

При рассмотрении культуры в широком смысле слова оказывается, таким образом, что наглядные проявления межкультурного взаимодействия могут получить репрезентативное понимание только в том случае, если соотносить их с культурно обусловленными ценностями и нормами. В таком случае и анализ межкультурной коммуника-

ции как таковой невозможен без включения в него понятий аксиологии. Само словосочетание «межкультурная коммуникация» в настоящее время применяется в различных научных дисциплинах, в научно-публицистической литературе, в политических дискуссиях и в сообщениях СМИ. Все это свидетельствует о том, что понятие межкультурной коммуникации не только не имеет однозначной дефиниции, но и имеет множество родственных наименований. Так, для анализа взаимоотношений между различными этническими или расовыми группами внутри одного общества применяется понятие «межэтническая» или «межрасовая коммуникация»; при изучении контактов между этническими или национальными культурами в сфере политики применяется термин «интернациональная коммуникация». И в том, и в другом случае коммуникация осуществляется между представителями разных национальностей, в то время как межкультурная коммуникация осуществляется между представителями культур, которые не обязательно различаются именно по национальному признаку.

Если рассматривать межкультурное взаимодействие не на уровне межличностных контактов, а в плане информационно-технической коммуникации, то можно применять также термин «транскультурная коммуникация» [8, с. 21]. П. Н. Донец указывает еще целый ряд терминов, различающихся приставкой перед словосочетанием «культурная коммуникация»: не только меж- и интер-, но и мультикультурная, панккультурная, транскультурная, кросс-культурная и контракультурная коммуникация [9, с. 26]. Межкультурная (интеркультурная в зарубежной литературе) коммуникация – это понятие, в объем которого входят не только перечисленные виды культурных контактов, но и вообще все возможные варианты культурного взаимодействия. Любой из них означает общение конкретных людей как представителей двух культур, в ходе которого возникает единое культурное пространство – своего рода «межкультура», или «интеркультура». Участники культурного контакта с обеих сторон ориентируются на ценности и нормы, принятые в их родной культуре, но сталкиваются с ценностями и нормами, принятыми в другой культуре. При этом межкультурной коммуникацией являются и контакты с представителями «чужих» культур (иностранных, национальных, религиозных), и контакты между субкультурами в рамках одного общества, и взаимодействие между культурами и обществами.

Согласно модели Г. Хофстеде, любая культура – это целостность символов, героев, ритуалов и ценностей. Поверхностный слой культуры составляют символы, значение и смысл которых воспринимаются сходным образом только в рамках определенной социальной группы. Герои представляют в культуре те качества, которые большинством ее носителей считаются достойными уважения и подражания.

Ритуалы – это культурно-исторически закрепленные последовательности символических действий, благодаря которым возможно физическое существование и трансляция культуры. Символы, герои и ритуалы образуют те слои культуры, которые наглядно обнаруживаются в процессе коммуникации и могут оцениваться (позитивно, негативно или нейтрально) представителями другой культуры. Однако внутреннее обоснование культуры, ее ценности и нормы, определяющие реальное поведение людей, остаются скрытыми от внешнего наблюдателя. Именно ценности и нормы обнаруживают себя в символах, героях и ритуалах культуры, образующих ее эксплицитную часть [10, с. 73–74]. Взаимодействие с ней происходит осознанно, в то время как коммуникация на уровне специфических для каждой культуры ценностей и норм (ее имплицитной части) происходит, как правило, неосознанно, но именно взаимодействие на этом уровне обуславливает принятие (непринятие) иной культуры, возникновение общего культурного пространства или межкультурный конфликт.

Заклучение

Социальные действия (взаимодействия) образуют живую «ткань» социального и личностного бытия. Каждое из них обусловлено как ценностными ориентациями конкретного человека, так и ценностями того общества, в котором произошло формирование его личности. Разновидностью социального действия является коммуникация, в том числе и межкультурная, к ходе которой взаимодействуют личности с ценностно обусловленными установками общения и поведения. Рассматриваемая и на микроуровне (как межличностное взаимодействие), и на макроуровне (как взаимодействие народов и культур), она протекает и как непосредственное общение представителей двух культур, и как сложный и зачастую неосознаваемый процесс восприятия ценностей и норм иной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм. – М. : Дело, 2018. – 736 с.
2. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М. : ТЕТРА, 2008. – С. 288.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // THESIS. – 1993. – Т. 1, вып. 2. – С. 122–136.
5. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS. – 1993. – Т. 1, вып. 2. – С. 94–122.
6. Йоас, Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас. – СПб. : Алетейя, 2013. – 312 с.
7. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / М. Шелер // Избр. произведения. – М. : Гнозис, 1994. – С. 259–339.
8. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур / Л. В. Куликова. – Красноярск : РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
9. Донец, П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : дис. ... д-ра филол. наук / П. Н. Донец. – Харьков : Харьков. нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2003. – 368 л.
10. Куликова, Л. В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению / Л. В. Куликова. – Красноярск : СФУ, 2011. – 268 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2019

Varich V. N. Values in Cultural and Communicative Space

The article analyzes the value-semantic foundations of social action based on its various theoretical models. The views on the nature of the social action of Durkheim, Weber, Habermas, Parsons and Scheler are examined. The general idea for them that values are the most important component of social action is highlighted. Intercultural communication in all its forms is seen as a value-based social interaction in which two interrelated levels are traced. Conscious communication affects the attitudes, norms and stereotypes of behavior accepted in both cultures. Implicit communication occurs in the interaction of those values and norms that determine the behavior of its participants.

УДК:101.8:316.3(043.3)

Ю. Л. Баньковская

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. социально-гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного аграрного технического университета
e: mail: ulia_bank@tut.by*

СЕТЕВОЙ ПОДХОД: СУЩНОСТЬ И БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ

Подчеркивается, что исследование и понимание сущности современных технологических процессов, происходящих в обществе, приводит к возникновению нового теоретического подхода. Отмечается, что сетевой подход опирается на комплекс различных социально-теоретических и прикладных разработок, изучающих сети и сетевые структуры, особенности их функционирования в социальной системе посредством широкого спектра аналитических средств. В основании сетевого подхода находятся такие базовые понятия, как «система», «сеть», «элемент», «узел», «актор», что определяет необходимость раскрытия их сущности. Выявляются особенности функционирования сетевых структур, задающих поливероятность, нелинейность, противоречивость и динамичность социального развития.

Введение

Процессы компьютеризации и глобализации содействовали возникновению качественно нового типа общественного развития. Сетевизация общества становится неотъемлемым его фактором. Социальные сети представляют собой особый способ конструирования реальности. Как их следствие, происходят изменения в сфере производства материальных ценностей, трансформация сферы занятости и труда, транснационализация капитала, усиление иммиграционных процессов. Сетевое общество приводит к модификации институтов политики, культуры, образования, экономики и сферы занятости. Знания и информация становятся основными ресурсами, влияющими на все сферы жизнедеятельности человека. Создание международного образовательного пространства, расширение сферы межкультурного взаимодействия актуализируют необходимость активизации информационной поддержки со стороны различных организаций. Развитие информационно-коммуникационных технологий способствует расширению пространства воздействия сетевых структур на жизнедеятельность людей. Следовательно, необходимо прояснение методологии исследования сетевых процессов в ракурсе происходящих изменений в современном обществе.

Целью работы является раскрытие сущности сетевого подхода для прояснения специфики функционирования и развития современного общества. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, выявить и осуществить комплексный анализ базовых категорий сетевого подхода и, во-вторых, осуществить вычленение его специфических признаков и принципов.

Теоретико-методологические основания сетевого подхода к исследованию общества

Сети все чаще становятся объектом исследования. Для раскрытия сущности сетевого подхода необходимо прояснить значение таких понятий, как «сеть», «сетевая структура», «актор», «узел», «клик», которые широко применяются в рамках данного анализа.

Сеть представляет собой совокупность объектов или субъектов, обладающих определенными структурными особенностями, взаимодействующими на основании наличия между ними формальных или неформальных связей. А. Мартин и Б. Веллман рассматривают сеть как «ряд социально релевантных узлов, связанных одним или более типом отношений. Узлы, или участники сети, являются единицами, которые связаны отношениями, паттерны которых мы изучаем. Эти единицы – обычно люди или организации, но и в принципе любые единицы, которые могут быть связаны с другими едини-

цами» [1, с. 11]. Следовательно, структуру сети можно отобразить следующим образом: ее содержательные элементы, или акторы, представляют собой точки или вершины, связи между ними фиксируются посредством линий или ребер. Данная схема ориентирована на отображение структурных свойств объектов, механизмов их взаимодействия. Н. И. Бритвин полагает, что социальная сеть – это «социальная структура, состоящая из узлов/акторов (примерами узлов могут быть отдельные люди, группы людей или общества), связанных между собой одним или несколькими способами (главным образом нецентрализованного типа) посредством социальных взаимоотношений» [2, с. 46].

Итак, для функционирования сетей необходимы узлы или звенья, в качестве которых выступают объекты, субъекты или акторы, взаимодействующие между собой вследствие наличия взаимосвязи, характеризующей специфику и принципы их существования. Сетевые элементы дифференцируются в зависимости от степени их взаимосвязанности и структурного положения. Степень – это количественный показатель, выражающий уровень взаимосвязи конкретного узла с соседними узлами. Чем выше степень связи элементов, тем сильнее проявляется центральность каждого из них. Центральность выражает уровень влияния элемента, его значимость, способность к управлению информацией.

Сетевая структура является многоуровневым образованием, основанным на поливариативном, многофункциональном, коммуникативном взаимодействии акторов. По мнению Р. Хаггинса, под сетевой структурой следует понимать «структуру, которая содержит две или более компании, которые преследуют общие цели или работают над решением общих проблем, взаимодействуя на протяжении длительного периода времени» [3, с. 112]. Мы рассматриваем сетевую структуру в качестве сложного многокомпонентного полифункционального образования, функционирующего на основании взаимосвязи, взаимозависимости и кооперативного взаимодействия равнозначных акторов, содействующего решению общих задач.

Элементами сетевой структуры являются акторы. Их взаимодействие в социальной сети обуславливается объединением в ней атрибутов индивидуальности и социальнойности. В сетях отражается все многообразие человеческих отношений, на которые воздействуют индивидуальные качества субъекта, особенности восприятия им тех или иных феноменов. Данные атрибуты влияют на качественную характеристику сетевой структуры, ее содержание и модель функционирования. Личностные качества акторов, такие как коммуникабельность, стремление к принадлежности к определенной группе и ряд иных черт, их социальные роли оказывают непосредственное воздействие на специфику выстраиваемых ими сетей. С. Вассерман и К. Фауст утверждают, что, «помещая человека в определенную структурную позицию, можно с достаточной долей вероятности предсказать его возможные связи и поведение. Однако и он привнесет в организацию структуры что-то новое, тем самым изменив ее» [4, с. 476]. Однако социальные сети отображают прежде всего взаимосвязи между людьми и социальными группами. «Я использую термин “актор” безо всякой задней мысли о том, что они могут быть, или о том, какие свойства могут быть им присущи» [5, с. 39]. Б. Латур также вводит понятие «актант» для обозначения любого действующего участника, организации и других объектов, оказывающих влияние на функционирование и деятельность сети.

В процессе взаимодействия акторы объединяются в клики или узлы, характеризующие основные признаки их взаимосвязи. В рамках одной сетевой структуры может возникнуть множество кликов. «Это крепко спаянные небольшие группы друзей, которые могут поручиться друг за друга. В клике каждая точка (человек) связаны с каждой другой точкой» [6, с. 161]. Они создаются на основании наличия общих признаков, таких как единые социальные нормы и ценности, образование и ряд других факторов, приводящих к возникновению тесных личных контактов. Клики воздействуют на фор-

мирование внутреннего мира человека, его убеждения и потребности, содействуют поддержанию социальных связей между отдельными представителями разных кликов. Основными параметрами, описывающими связи между кликами в границах функционирования ценностей, способа деятельности, распространения сетевых структур, являются их сплоченность и занимаемое положение. С одной стороны, они могут стать определенным социальным механизмом, оказывающим давление на своих членов, выработавшим у них единое видение ситуации. С другой стороны, клики создают условия для поддержания целостности сетевой структуры.

Современная глобальная культура выстраивается на основании сетевых принципов. Ей присущи нелинейность, ценностный и знаковый плюрализм, комбинация и артикуляция смыслов, их зависимость от аудитории, снижение значимости индивидуальности и увеличение значения принадлежности к социальной общности, утрата ценности личной жизни. Специфику сети задает объединение таких ее составляющих, как позиции акторов, их взаимосвязь, взаимодействие на основании имеющихся ресурсов. Потоки капитала, информации, технологий, содействующие обмену ресурсами, отображающие сущность социальных процессов, которые происходят в системе, целенаправленно программируют позиционное взаимодействие акторов. Ю. Хабермас полагал, что основным признаком сети является ее открытость, проявляющаяся в существовании многомерных взаимосвязей акторов коммуникации. Сеть представляет собой открытое образование, в рамках которого возможен взаимообмен между всеми ее элементами, кроме того, она направлена на формирование новых связей, обмен информацией с внешней средой [7, с. 183–196].

Процессу сетевого взаимодействия присущи как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, сеть содействует повышению качества и эффективности деятельности субъектов хозяйствования, является технологическим инструментом, оказывающим воздействие на степень доступности информации. Сетевые структуры способствуют возникновению новых форм организации, развитию креативности личности, возникновению диалогового сотрудничества. С другой стороны, отсутствие единых ценностно-нормативных стандартов ее функционирования, изменчивость и непостоянство структуры приводят к появлению множества противоречий. Так, например, отсутствие сетевых границ, возможность взаимодействия с элементами других сетей могут иметь как позитивные, так и негативные последствия для функционирования системы. Эти факторы содействуют ее обогащению посредством включения новых ресурсов, но и становятся источником противоречий, манипуляции и деструктивного воздействия.

Привлекательность сети обуславливается ее динамичностью, свободой входа и выхода ее членов. Акторы присоединяются к ней в соответствии со своими интересами и потребностями. Однако в том случае, если другая сеть оказывается предпочтительнее по сравнению с предыдущим объединением, актер ее покидает. Распространение сетевых организаций содействует формированию случайных, неустойчивых, скоротечных и непостоянных контактов. Быстрая смена социальных сетей, одновременная принадлежность ко множеству таких объединений приводит к нарушению целостности личности. Большинству функционирующих сегодня сетей присуще формирование своих моделей поведения акторов, принципов и норм их взаимодействия. Ж. Бодрийар полагал, что распавшееся на отдельные фрагменты общество утрачивает свою нормативность, становясь символической реальностью. Данные фрагменты актуализируются посредством передачи информации. Следовательно, формируется гиперреальность. По его мнению, это «бесконечная репродукция, микродетализация объектов, превращение их в модельные серии – вот определение “реального” как гиперреальности... Реального как системы координат больше нет, оно живет жизнью модели» [8, с. 25–27].

Исходя из сказанного, можно выделить следующие преимущества сети. Во-первых, она легко адаптируется к изменяемым условиям функционирования, динамично реагируя на преобразования системы. Во-вторых, ее открытость, доступность предоставляет широкие возможности для привлечения новых элементов. В-третьих, быстрый обмен ресурсами, отсутствие традиционных издержек способствуют более динамичному развитию экономики, технологических средств. В-четвертых, увеличение степени синергии от совместной деятельности благодаря быстрому обмену информацией содействует усовершенствованию коммуникации.

Вместе с тем сетевым структурам присущи следующие недостатки. Во-первых, отсутствие сетевых границ и взаимодействие с внесетевыми элементами приводит к множеству проблем, связанных с конфиденциальностью информации. Во-вторых, тенденция к постоянному включению в наличное сетевое образование новых элементов и материальных ресурсов содействует возникновению ряда противоречий. Более того, отсутствие централизованного контроля над расходованием ресурсов приводит к ряду махинаций с ними. В-третьих, децентрализованным сетевым структурам в сравнении с централизованными присуща худшая управляемость происходящими в системе процессами, недостаточная планомерность развития. Кроме того, они медленнее решают рутинные проблемы вследствие стремления к выработке более нестандартного, творческого подхода к исследуемой задаче. В-четвертых, отсутствие выработанных ценностно-нормативных стандартов во взаимодействиях сетевых и иерархических структур, стремление к постоянному перераспределению наличных функций приводят к их дестабилизации. В-пятых, широкое распространение сетевых структур содействует утрате индивидуальности, замещению традиционных ценностей сетевыми символами. В. Г. Подлесная отмечает, что «сетевое сознание человека ведет к распаду его личности. Сеть не должна посягать на внутренний мир человека и вторгаться в сферы, где традиционно царят институты морали, религии, законодательства» [9, с. 57]. Данные негативные факторы содействуют привлечению человека в террористические сети, различные секты и другие организации, деструктивно воздействующие на систему ценностей личности.

Канадский исследователь Б. Уэллман выявил следующие принципы сетевого анализа. Во-первых, исследование социальных отношений более значимо в сравнении с изучением личных качеств человека. Следовательно, социальная структура представляет собой не множество отдельных акторов, а совокупность отношений, сформированных между ними. Во-вторых, результатом наличных структурных взаимодействий является формирование норм. В-третьих, на основании взаимосвязей между элементами осуществляется прямой или опосредованный (при помощи других субъектов) обмен ресурсами. В-четвертых, социальная реальность представляет собой не множество отдельных групп, а совокупность сетей. В-пятых, социальные процессы требуют разработки новой структурной методологии [10, с. 30–40].

Таким образом, сетевой подход характеризуется следующими признаками. Во-первых, сущностной характеристикой сетевого общества становится формирование новой модели взаимозависимости акторов, в рамках которой превалируют горизонтальные связи и существует возможность непосредственного взаимодействия и деятельности множества субъектов. Сеть способствует установлению множества контактов, облегчающих поиск и возможность нахождения взаимосвязи с различными субъектами, базирующейся на наличии у них знания некоторого кода, в котором проявляется специфика сети. Во-вторых, социальной сети присущи следующие черты: взаимозаменяемость, взаимозависимость, нелинейность и полицентричность. В-третьих, человек взаимодействует со множеством сетевых структур как на уровне межличностных отношений, так и в рамках различных видов деятельности. Сети являются одним из источни-

ков получения дополнительной информации о процессах, значимых для его жизнедеятельности. Взаимодействующим элементам сетевых структур присуще наличие неустойчивых и постоянно изменяемых связей. Взаимосвязи между акторами, их сопряженность составляют основание для функционирования сети. В-четвертых, сетевые структуры можно рассматривать в качестве многоузловых образований, которым присуще множество центров управления и координации действий, отсутствие жесткой иерархии вследствие многоначалия, наличие взаимопересекающихся интересов, содействующих формированию неформальных взаимоотношений. В-пятых, акторы рассматриваются как взаимозависимые элементы, взаимодействующие на основании наличия общих материальных и нематериальных ресурсов, основным средством выявления, реализации и трансляции которых выступает информация.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, сетевые подходы охватывают все формы социального взаимодействия на микро- и макроуровне. Это универсальное направление в области исследования сетей, специфика которого заключается в том, что объектом исследования являются не индивиды или социальные группы, а связи между ними. Характер взаимоотношений и взаимосвязей определяет их качественные признаки. Связи задают такие характеристики сети, как ее плотность или количество акторов, их однородность или однотипность, сила или степень близости, устойчивость и интенсивность контактов, транзитивность, уровень централизации или степень кластеризации элементов вокруг единого центра, замкнутость или открытость для включения новых акторов, эквивалентность. Сетевой подход ориентирован на исследование ценностей, наличных ресурсов и интересов всех субъектов взаимодействия.

Во-вторых, сетевой подход становится универсальным, полифункциональным направлением исследования, характеризующим специфику функционирования информационно-коммуникационных и технологических процессов, происходящих в современном обществе. Динамика развития и распространения сетевых структур содействует трансформации сферы социального взаимодействия. Необходимость снижения степени негативного воздействия сети на социальную реальность обуславливает практическую значимость проводимого исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Martin, A. Social Network Analysis: An Introduction / A. Martin, B. Wellman // Handbook of Social Network Analysis / ed. by P. Carrington, J. Scott. – London : Sage, 2011. – P. 11–25.

2. Бритвин, Н. И. Социальные сети как прообраз общественного устройства / Н. И. Бритвин // Власть. – 2008. – № 1. – С. 45–49.

3. Haggins, R. The Success and Failure of Policy-Implanted Iner Firm. Network Initiatives: Motivations, Processes and Structure / R. Haggins // Entrepreneurship & Regional Development. – 2000. – № 12. – P. 111–135.

4. Wasserman, S. Social Network Analysis : Methods of Applications / S. Wasserman, K. Faust. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 857 p.

5. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.

6. Сейджман, М. Сетевые структуры терроризма / М. Сейджман. – М. : Идея-Пресс, 2008. – 216 с.

7. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2003. – 414 с.

8. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 32 с.

9. Подлесная, В. Г. Сетевые структуры: сущность и роль в социально-экономическом развитии общества / В. Г. Подлесная // Механизм регулирования экономики. – 2010. – № 3. – Т. 1. – С. 55–62.

10. Wellman, B. Network Analysis: from Method and Metaphor to Theory and Substance / B. Wellman // Social Structures: a Network Approach / ed. by B. Wellman, S. D. Berkowitz. – New York : Lang, 1988. – P. 19–61.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.06.2019

Bankovskaya Yu. L. The Network Approach: Essence and Basic Concepts

It is indicated, that the study and understanding of the modern technological process essence, taking place in society, leads to the emergence of a new theoretical approach. It is noted, that the network approach is based on a set of different socio-theoretical and applied developments that study networks and network structures, especially their functioning in the social system through a wide range of analytical tools. The basis of the network approach are such basic concepts as «system», «network», «element», «node», «actor», which contributes to the need to disclose their essence. Features of functioning of the network structures defining multiprobability, nonlinearity, inconsistency and dynamism of social development are revealed.

УДК 147.7:323.1(476)

Т. И. Предко

канд. филос. наук, доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: newgift1@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дана характеристика философских аспектов процесса глобализации и трансформации белорусского общества, а также условий, в которых формируется национальная идея суверенной Беларуси. Освещены проблемы генезиса и развития национального самосознания белорусов, ядром которого становится национальная идея. Выделены три этапа данного процесса, указывается, что только на третьем этапе складывается политическая культура нации, которая призвана определить национальную идею. В Беларуси национальная идея впервые была сформулирована в XIX в. Она выражалась в лозунгах «Государственность! Язык! Достоинство!». Ныне объективно назрела необходимость определения новой идеи. Она должна выразить самобытность нашего народа, единство титульной нации и национальных меньшинств, а также служить ориентиром прогрессивного развития. В ее задачу входит сплочение всех слоев белорусского общества. Сделан вывод о том, что национальная белорусская идея должна иметь социально-философский смысл и выражаться следующим образом: «Суверенитет! Патриотизм! Справедливость!».

Введение

В современных условиях вопрос о содержании национальной идеи становится весьма актуальным. К сожалению, он до сих пор не решен и в суверенной Беларуси. Поэтому целью данного исследования стало уточнение современного смысла белорусской национальной идеи под влиянием глобализации и трансформации. В процессе ее достижения требуется решение следующих задач. Во-первых, необходимо охарактеризовать влияние процесса глобализации на формирование белорусской национальной идеи. В условиях глобализации происходит системная трансформация белорусского общества. Во-вторых, следует определить степень этой трансформации, оказывающей определенное воздействие на национальное самосознание белорусов. В-третьих, логика данного исследования требует раскрытия исторических корней формирования национального сознания белорусов, а также освещения его современного состояния. Решив эти задачи, можно достичь поставленной цели. В свою очередь, их решение стало возможным благодаря применению диалектического метода и принципа историзма.

Глобализация представляет собой многофакторный синергетический процесс образования экономических, финансовых, коммуникационных и информационных сетей, охватывающих всю планету и интегрирующих ее в единую целостную систему. Этот процесс набирает силу методом создания и упрочения транснациональных структур, ныне сосредоточивающих огромные ресурсы, а также образования международных финансовых корпораций, контролирующих финансовые потоки. Несомненно, в процессе глобализации создается определенное единство мира. Однако в нем нет равноправия, ибо формируется не только иерархическая общность развитых стран, но одновременно увеличивается диспропорция между ними и остальным миром. «Так, – пишет известный болгарский философ Петко Ганчев, – с одной стороны, мы наблюдаем сегодня огромные возможности экономической теории и социальной практики решить проблемы бедных сообществ, а с другой, в силу политической инерции прошлого, эти проблемы углубляются» [1, с. 12]. «Золотой миллиард» населения земного шара чувствует себя комфортно во всех сферах жизнедеятельности за счет усиления эксплуатации

трудящихся менее развитых стран. А если в этих странах избирают президентами тех людей, которые затем стремятся осуществлять государственную деятельность в интересах своих народов, то они попадают под сильное давление со стороны западных спецслужб и официальных СМИ. Примером этому может служить государственная деятельность Президента Беларуси А. Г. Лукашенко, Президента Венесуэлы У. Чавеса и т. д.

Глобализация, по мнению Ч. С. Кирвеля, «это не только объективное следствие техноэкономического развития, но и политическое явление», поскольку ее осуществляют «транснациональные круги США, Западной Европы и Японии, реализующие в этом процессе свои экономические и геополитические интересы, отнюдь не совпадающие с национальными интересами других народов и государств» [2, с. 174]. Например, по подсчетам российского исследователя А. Уткина, во второй половине XX столетия диспропорция в уровне жизни между пятью богатейшими и пятью беднейшими государствами увеличилась с 30:1 до 74:1. А в конце XX в. доход на душу населения существенно уменьшился более чем в 100 странах нашей планеты [3, с. 43–44].

В сферу своего влияния транснациональные корпорации стремятся вовлечь Беларусь, сделав ее источником дешевой рабочей силы и объектом приложения капитала в собственных интересах. Как отмечает белорусский философ Я. С. Яскевич, «современная Беларусь представляет собой трансформирующееся или транзитивное общество, в котором пока еще не сформирована аксиологически ориентированная государственность, целостная система мировоззренческих ценностей, приемлемых для людей, познавших горечь и разочарование крушения кумиров и иллюзий, тяжелое испытание Чернобыльской трагедией и человеческого бытия на “изломе”, в эпоху “великих перемен”» [4, с. 3]. По ее мнению, данные реалии учитывают транснациональные корпорации, проводя агрессивную политику, ориентируя наших граждан на ценности западной цивилизации, в которых этническое самосознание сменяется космополитическим видением миропорядка. Вслед за киренаиками современные западные идеологи и политики утверждают: «Где хорошо, там и отечество». В связи с этим в общественном мнении западных стран укрепилось негативное отношение к стремлению басков добиться суверенитета, а каталонцев – автономии. И, напротив, всячески поощряется миграция молодежи Латвии и Литвы на постоянное местожительство в Западную Европу. При этом подчеркивается, что проводимая ранее пропаганда национального суверенитета «устарела», что ныне вслед за стиранием национальных границ происходит стирание национальных традиций и культур различных народов.

В ответ на космополитизм в сознании многих этносов все более сильным становится чувство любви к своей Родине, укрепляется стремление беречь и приумножать национальные ценности. Следовательно, базовым понятием, на почве которого формируется национальная самоидентификация, является понятие «нация».

В науке до настоящего времени нет общепризнанной теории, которая отражала бы объективные закономерности развития этноса. Это привело к тому, что ученые используют различные подходы к определению понятия «нация» и национального самосознания. Так, в историографии нередко формирование нации связывают с постепенным усложнением родоплеменных связей. А в социологии насчитывается несколько теорий, отождествляющих нацию и государство. В некоторых из них этническое сознание или национальный характер охарактеризованы как единственный или главный признак нации. В других теориях нация сводится лишь к психической общности того или иного этноса. Например, для белорусов – это толерантность. Здесь упускается из виду, что нация имеет не особую национальную психологию, а национальные особенности психологии. Подобные неправильные установки в лучшем случае ведут к неполной характеристике этнического самосознания и, как следствие, к искаженной трактовке национальной идеи.

Исторически нация возникает во время первоначального накопления капитала, формирования буржуазных отношений и укрепления политической централизации отдельных регионов на базе капиталистических экономических связей. Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что «нации – неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития» [5, с. 75]. Ведь только при капитализме складывается совместная жизнь людей, обусловленная единой экономикой, территорией, языком и с определенными оговорками общностью духовной жизни. Благодаря образовавшемуся единству все граждане осознают свою принадлежность к конкретной социально-этнической общности. Все это выражается в идеях, взглядах, чувствах, настроениях и формирует целостность представлений о национальной идентичности и отличии от других этносов.

В формировании и развитии этнического самосознания, в центре которого становится национальная идея, можно выделить ряд этапов.

На начальном этапе общей базой формирования самосознания становятся территория, на которой укрепляются экономические связи, а также язык и национальные особенности психологии. Если хотя бы один из этих признаков отсутствует, то население даже большого региона не причисляет себя к своей нации. Наглядным примером этому служат так называемые «тутэйшыя» на Белорусском Полесье. Вплоть до XX столетия на процесс самоидентификации полешуков оказывала влияние географическая изолированность данного региона, обусловленная лесным и водным ландшафтом. Усугубляло ситуацию отсутствие сколько-нибудь значительного количества интеллигенции, способной интенсифицировать процесс осознания автохтонами Полесья себя как представителей более широкой этнической общности. Отрицательное влияние оказывала также их поголовная неграмотность. Следует отметить, что тогда на Полесье не было учреждений культуры, а также средств массовой информации, которые могли бы способствовать развитию самосознания полешуков и их более широкой этнической самоидентификации. Отметим также, что местное население в то время сохраняло языческие представления, непосредственно связанные с его повседневной жизнью, а в других регионах Беларуси уже господствовало христианское вероучение. Только в конце данного этапа полешуки осознали свое отношение к Родине, перестали быть «тутэйшымі» и стали считать себя белорусами, равноправными гражданами государства.

На втором этапе происходит становление этнических ценностных ориентаций и формируется отношение данного этноса к другим нациям. Благодаря сформировавшимся ориентациям каждый этнос отграничивает важные социальные феномены от тех, которые не оказывают существенного влияния на характер самоидентификации. Например, можно отметить толерантность белорусов как существенную национальную особенность психологии. На этом этапе в этническом самосознании находят свое место взаимоотношения с другими нациями. Историческая практика наглядно свидетельствует о том, что в структуре национального самосознания нередко центральное место занимает национализм и даже шовинизм. Но к национализму необходимо подходить конкретно-исторически, т. е. определять его объективную общественную роль, положение данной нации в системе межнациональных отношений. Например, необходимо позитивно оценивать происходившие в XX в. национально-освободительные движения, направленные на завоевание независимости, на реализацию права нации на самоопределение. Но иногда национализм смыкается с расизмом (например, расовая сегрегация в США, расовая теория гитлеризма). А в некоторых случаях национализм приобретает свою крайнюю форму – шовинизм – и проповедует национальную исключительность, противопоставляя интересы одной нации интересам других наций. О том, к чему это приводит, можно судить по военному вмешательству США во Вьетнам, Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и другие страны. Здесь по инициативе властей американская на-

ция с позиций шовинизма решила устанавливать свои порядки, заявив о национальных интересах и якобы праве США устанавливать демократию на нашей планете.

На третьем этапе становления этнического самосознания происходит формирование политической культуры нации. Здесь речь идет главным образом о политических взглядах и убеждениях, а также гражданской деятельности на основе ранее сформированных убеждений. Например, политические убеждения определяют позицию человека во время избирательной кампании. Так, в Беларуси член политической партии левых «Справедливый мир» независимо от того, нравится или не нравится лично ему кандидат в депутаты от этой партии, как правило, отдает за этого кандидата свой голос. То же самое делают члены других политических партий и общественных объединений. В силу своей гражданской позиции и политических убеждений одни люди ежегодно идут 7 ноября к памятнику В. И. Ленина, чтобы возложить цветы, а другие в этот день занимаются повседневными делами. По своим политическим убеждениям одни граждане участвуют в митингах и демонстрациях в поддержку существующей власти, а другие – в митингах протеста. Причем накануне важных для того или иного государства событий такая активность заметно возрастает. Об этом наглядно свидетельствует активность британцев при решении проблемы выхода из Евросоюза, приведшая к расколу английского общества на два примерно одинаковых лагеря. Можно также назвать митинги протеста в Москве накануне выборов в Московскую городскую Думу.

Разумеется, в подобных ситуациях национальное самосознание раздваивается, что неизбежно приводит к социальным конфликтам. Примером тому могут служить политические действия левых в Германии, Испании, Италии и т. д., которые западные официальные СМИ называют популистскими. Здесь по аналогии с национальной культурой в классовом обществе главную роль в нем начинают играть не этнические, а классовые интересы.

Динамика формирования самосознания и национальной идеи определяется в основном соотношением экономических, политических и этнических признаков нации, а также характером исторической эпохи. Так, в ряде стран Азии и Африки этническое самосознание начало формироваться только в процессе национально-освободительной борьбы, а окончательно оформилось уже после получения независимости. При этом следует иметь в виду, что оно формировалось на общей территории, искусственно образованной в результате колониальных разделов. На этой территории находились в то время различные племена, не имевшие единого языка и общей культуры. В подобных случаях национальное самосознание становится важнейшим фактором упрочения территориальных и экономических связей, а также политического и культурного развития этих государств. Несомненно, данный национализм носит позитивный характер.

В завершенном виде национальное самосознание имеет довольно сложную структуру. Оно в обязательном порядке включает такие важные компоненты, как осознание общности территории, прочности экономических связей, единой для данной нации этнической культуры, а также языка. Правда, в силу конкретно-исторических обстоятельств один и тот же язык становится общим для нескольких наций (например, испанский язык в ряде стран Латинской Америки). В центре этой структуры должна находиться национальная идея. Стереотип «чтобы хорошо жить, не нужна никакая национальная идея» устаревает, ибо каждая нация стремится ее сформировать.

В завершенной этнической самоидентификации можно найти ответы на фундаментальные для каждой нации вопросы: «Откуда она?», «Кто она?», «Куда она идет?». Ответы на них нельзя искать лишь в национальной идее, как это делают некоторые ученые [6]. Логика оперирует такими понятиями классификации, как род, вид и видовое отличие. Применительно к данному исследованию – это национальное самосознание, национальная идея и национальная идея конкретной нации. Именно национальное са-

мосознание отвечает на первые два вопроса. Важнейшим признаком национальной идеи является ее устремленность в будущее, ее направленность на практическое преобразование действительности во благо всей нации. Поэтому она должна дать ответ на третий вопрос.

В историческом плане такая национальная идея впервые была сформулирована во время Великой французской революции 1789–1794 гг. Свергнув монархический строй, вооруженный народ провозгласил лозунг «Свобода. Равенство. Братство», в котором была отчетливо выражена национальная идея французского народа. Причем эти требования были провозглашены в качестве естественного права всех граждан. Они получили право в равной мере приобщаться к ценностям материальной и духовной культуры, распоряжаться своей судьбой. Тогда французский народ еще не осознавал, что провозглашение свободы без реальных возможностей ее осуществления является иллюзией настоящей свободы. Но в то же время в официальных документах было в категорической форме заявлено, что только нация является действительным сувереном. И только она может принимать законы для всех граждан [7, с. 1–3]. В этих же документах утверждалось, что гражданин Франции имеет определенные права и обязанности перед своей нацией, что все граждане равны перед законом.

В России национальное самосознание начало активно формироваться после Отечественной войны 1812 г. В ходе этой войны практически все слои населения были объединены чувством патриотизма. Все классы и сословия активно выступали против «супостата», за национальную независимость. К справедливой войне против врагов Отечества активно призывала Православная церковь. Создавшееся в ходе войны единство российского общества стало основой для формулировки в 1832 г. графом С. С. Уваровым, будущим министром просвещения, знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность». Отметим, что этот граф даже не думал о формулировке национальной идеи. Он лишь подчеркивал в докладе императору, что данная триада «соединила выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего» [8, с. 304]. Следовательно, тогда речь шла только о государственной идеологии, а не о национальной идее. Но в дальнейшем усилиями в основном славянофилов, а также разделявшими их взгляды историком и публицистом М. Погодиным и историком литературы С. Шевыревым этой триаде был придан статус русской общенациональной идеи.

В Беларуси проблема формирования национальной идеи возникла в XIX столетии. К этому времени уже сформировалась белорусская нация, заметно упрочилось национальное самосознание. Данный феномен был выражен в стихотворении Я. Купалы «А хто там ідзе?». Белорусы захотели «людзьмі звацца». Эти слова народного поэта тогда были поставлены в центр национальной идеи. В ней достойное место занял также лозунг «За мову!». Этим лозунгом подчеркивалась самобытность нашего народа, его право быть равным в мировом сообществе. Одновременно в белорусском национальном самосознании утвердилась идея суверенитета. Белорусы осознали, что необходимо бороться за независимость, и это тоже нашло свое выражение в лозунге «За дзяржаўнасць!». Таким образом, первая отчетливо выраженная белорусская национальная идея была выражена в триаде «Государственность. Язык. Достоинство». Именно эта идея объединила белорусский народ и привела сначала к созданию БССР, а после распада Советского Союза – к суверенной Беларуси.

В суверенной Беларуси объективно назрела проблема формирования новой национальной идеи, поскольку прежняя уже реализована. Она может формироваться по меньшей мере на основе следующих принципов. Во-первых, в ней должна быть воплощена национальная самобытность белорусского народа, т. е. народа, имеющего историческую память, идущего своим путем, самостоятельного в своем развитии. Во-вторых, она должна объединять и упрочивать единство титульной нации и националь-

ных меньшинств, ни в коем случае не ущемлять интересы этих этносов. Здесь самая важная роль отводится государству, ибо оно становится надежным защитником интересов национальных меньшинств, способствует развитию их этнических культур. Национальная идея должна находиться в органическом единстве с общегосударственными интересами. В-третьих, она должна быть ориентиром прогрессивного развития белорусского народа. Отметим, что мы уже избрали путь развития, отличающийся от наших соседей. Необходима лишь убежденность каждого гражданина в правильности избранного пути. В-четвертых, необходимо, чтобы национальная идея сплачивала все слои белорусского общества. Разумеется, это возможно лишь при постоянном диалоге власти и общества.

Однако во многих случаях предпринимаются попытки вместо национальной идеи внедрить в сознание наших граждан государственно-национальную идею. Вот некоторые из них: «За сильную, процветающую Беларусь!» (А. Рубинов), «Белая Русь – свободная, независимая, чистая и гуманная» (И. Левяш), «Белая Русь. Чистая и гуманная, добрая и святая» (Л. Криштапович), «Беларусь – центр социокультурной и экономической “сборки” Евразии» (И. Марзалюк). П. Кравченко в определении этой идеи главную роль отвел «экономическому патриотизму» [9]. Но эти и подобные им лозунги не соответствуют указанным выше принципам в их совокупности и поэтому не могут быть приняты в качестве национальной идеи. Следовательно, необходим поиск действительно национальной идеи, которая бы сплотила белорусский народ и послужила путеводной звездой на пути прогрессивного развития.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют выразить современную белорусскую национальную идею следующим образом. С социально-философской точки зрения первое место должен занять «суверенитет». Данный термин в исторической памяти народа запечатлен как долгий путь достижения независимости, создания своей государственности. В нем также содержится понимание того, что только народ суверенного государства может самостоятельно решать судьбоносные проблемы, избирать дальнейший путь развития, а также быть равноправным субъектом международных отношений.

В суверенном государстве заметно возрастает и укрепляется чувство патриотизма. В жизни каждого человека патриотизм начинается с любви к «родному пепелищу» и «отеческим гробам» (А. С. Пушкин). Возможно, поэтому по инициативе главы нашего государства 2019 г. в Беларуси стал «Годом малой родины». Любовь к малой родине приобрела различные формы: пополнение учебной и художественной литературой школьных и сельских библиотек, посадка деревьев, финансовая поддержка предприятий, оказание помощи пенсионерам, проживающим в конкретном населенном пункте и т. д. Но патриотизм – это не только привязанность к родной земле, языку, традициям. Патриотизм в философском осмыслении включает в себя уважение к другим народам. В этом чувстве также выражается стремление служить Отечеству. Патриотизм гармонически сочетает прошлое и будущее, способствует объединению всех слоев белорусского общества для дальнейшего прогрессивного развития. Следовательно, он может занимать достойное место в национальной идее.

Наконец, третью составную часть национальной идеи, отвечающей на вопрос «Куда идет белорусский этнос?», четко определил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко во время беседы со студентами в октябре 2018 г. в Гродно. Сейчас, по мнению главы государства, белорусов больше всего волнует проблема справедливости. Как правило, при оценке справедливости первое место отводится справедливым законам и их соблюдению, второе – справедливому распределению, а третье – равным для всех возможностям. Справедливость является категорией морального, политиче-

ского и правового сознания. Она требует соответствия между трудом и вознаграждением, заслугами человека и его общественным признанием, правами и обязанностями, а также между преступлением и наказанием. Следовательно, ее окончательное решение возможно только в перспективе. В то же время, идя по пути строительства справедливого общества, белорусский этнос четко определяет генеральную линию своего развития.

Таким образом, в завершенном виде национальная идея может быть выражена следующим образом: «Суверенитет! Патриотизм! Справедливость!».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганчев, П. Основные характеристики современного глобального трансформационного процесса / П. Ганчев // Системная трансформация общества: исторический опыт и современность : сб. науч. тр. кафедр соц.-гуманитар. наук. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2006. – Вып. 3. – С. 8–12.

2. Кирвель, Ч. С. Эпоха глобальных перемен и перспективы развития восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku. – Kraków : Wydaw. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. – S. 173–178.

3. Уткин, А. И. Вектор глобальных перемен. Анализ и оценка основных факторов мирового политического развития / А. И. Уткин // Полит. исслед. – 2000. – № 1. – С. 38–54.

4. Яскевич, Я. С. Системная трансформация современного общества: приоритеты, опыт, тенденции / Я. С. Яскевич // Системная трансформация общества: исторический опыт и современность : сб. науч. тр. кафедр соц.-гуманитар. наук. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2006. – Вып. 3. – С. 3–8.

5. Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1967–1981. – Т. 1. – 1967. – 661 с.

6. Марзалюк, І. А хто там ідзе? / І. Марзалюк // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 20 сент.

7. Declaration of the Rights of Man of the Citizen (1789–1791) // UNESCO. Memory of the World Programme. – New York, 2003.

8. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века : хрестоматия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 880 с.

9. Краўчанка, П. Погляд у будучыню. У пошуках нацыянальнай ідэі / П. Краўчанка // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 31 мая.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.09.2019

Predko T. I. Peculiarities of Forming a Belarusian National Idea in the Context of the Globalization Process

The introduction describes philosophical aspects of the globalization and transformation process of the Belarusian society, and also the conditions in which the national idea of sovereign Belarus is formed. The main part highlights the problems of genesis and development of Belarusians' national consciousness, which main part is the national idea, and then three stages of the process are identified. Only the third stage develops the political culture of the nation, which can determine the national idea. Firstly the national idea was formed in Belarus in the XIX century. It was expressed in the slogan: «Statehood. Language. Dignity». There is a need to define a new idea nowadays. It should express the identity of our people, the unity of the titular nation and national minorities, as well as serve as a guide for progressive development. Its task is also to unite all layers of the Belarusian society. It is concluded that the national Belarusian idea should have socio-philosophical idea and can be expressed by a triad: «Sovereignty. Patriotism. Justice!».

УДК 1(091):2+28

Я. А. Коршунова

*аспирант 1-го года обучения каф. философии культуры,
преподаватель каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: janina-korschunova@yandex.by*

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ТАТАР-МУСУЛЬМАН БЕЛАРУСИ

Исследуются особенности формирования религиозных представлений белорусских татар-мусульман. Рассмотрены особенности становления их этнорелигиозной общности, охарактеризована ее специфика. Определен состав исконных религиозных представлений татар, а также особенности трансформации их мировоззрения в условиях иной культуры. Выявлена роль ислама в составе и динамике религиозных представлений белорусских татар.

Введение

На территории Беларуси уже более 600 лет проживает группа татар-мусульман, которые в течение веков сохраняют этническую и религиозную самобытность. Эта группа примечательна обстоятельствами своего становления, системой религиозных представлений и рукописным наследием, сохранившим ее мировидение при помощи необычных приемов фиксации.

В исторической судьбе белорусских татар основу сохранения их единства обеспечила религия. Она зафиксировала базовые установки миропонимания, мышления и поведения, своим сакральным авторитетом закрепила их в традиции и обеспечила внутреннюю целостность этнического сообщества в условиях иной культуры. В то же время содержание религиозных представлений отразило трансформации мировидения татар-мусульман, связанные с изменениями условий их существования в среде и на территории иных по происхождению и исповеданию этнических групп. Сформировавшаяся картина мира белорусских татар представляет собой уникальный синтез воспринятых ими в процессе адаптации к иной среде идейно-мировоззренческих и культурных влияний.

Комплекс культурных и идейных факторов, сформировавших систему религиозных представлений белорусских татар, механизмы и результаты их длительного и результативного культурного взаимодействия с принимающей средой представляют интерес для целого ряда социально-гуманитарных дисциплин, в частности для философии, которая может выступать методологической основой междисциплинарных исследований. Кроме того, тема этнокультурных трансформационных процессов и их результатов актуальна не только в исследовательском, но и в социально-культурном плане, что обусловлено насущной необходимостью поиска путей и оснований для установления диалога в современном многополярном и открытом мире.

Особенности формирования религиозных представлений белорусских татар анализируются в статье на основе научной литературы и данных эмпирических исследований. Ислам в Беларуси изучали с точки зрения его исторических аспектов такие авторы, как А. Конопацкий, Я. Тышкевич, З. И. Канапацкая, И. Б. Канапацкий, М. Я. Ленсу, М. Г. Мамаразаков [1–3; 10; 12; 14], в рамках филологии – Я. Станкевич, М. В. Тарелко [9; 11], с культурологических позиций – И. А. Сынькова [13]. В то же время общ-

Научный руководитель – С. Г. Карасева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

ность белорусских татар-мусульман, прежде всего их мировидение, особенно его основа – система религиозных представлений, мало исследована комплексно, т. е. в плане единства процесса становления общности, произошедших в ней этнокультурных и мировоззренческих трансформаций, их культурно-исторической значимости. Перспективной дисциплинарной основой для такого исследования может служить философия с ее возможностями междисциплинарного синтеза. В частности, историко-философский подход дает возможность определить истоки и трансформации религиозных представлений татар-мусульман с точки зрения их мировоззренческих оснований и идейного содержания.

Объектом исследования в статье выступают религиозные представления татар-мусульман Беларуси, предметом – условия и истоки их формирования.

Цель статьи – определить влияние культурных условий и разных типов мировоззрений на процесс формирования религиозных представлений белорусских татар. Реализация поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- 1) охарактеризовать специфику этнорелигиозной группы белорусских татар-мусульман;
- 2) выявить состав исконных религиозных представлений татар-мусульман и характер их трансформаций в связи с изменением условий существования и под влиянием религиозных традиций принимающей культуры;
- 3) определить особенности религиозных представлений татар-мусульман как сложившейся этнокультурной общности.

Для решения поставленных в статье задач использованы методы:

- 1) историко-культурной реконструкции для раскрытия особенностей адаптации татар-мусульман к социально-политическим и этнокультурным условиям Беларуси;
- 2) культурологического анализа, позволяющий рассмотреть культурный контекст формирования религиозных представлений белорусских татар-мусульман;
- 3) историко-философской реконструкции для выявления истоков и типов религиозных представлений татар-мусульман Беларуси.

Специфика этнорелигиозной группы белорусских татар-мусульман

На основании уже имеющихся дефиниций и с учетом задач данной статьи этнос можно определить как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, длительно проживающую на определенной территории, объединенную происхождением (и основанным на нем психотипом, формирующимся в результате совместной деятельности), общим языком, социально-экономическим укладом и самобытной культурой. Исходя из имеющихся сведений по истории этноса и культуры белорусских татар, становление их общности можно проследить по таким из указанных признаков, как территория, происхождение, язык, уклад жизни, самобытная культура. Характер изменения указанных признаков наглядно представлен в таблице 1.

Таблица 1. – Трансформация конститутивных признаков в процессе становления этноса белорусских татар

Признаки этноса	Изменения признаков	
	Исходное состояние	В результате адаптации
Территория	Поволжье, Крым, ногайские степи, кыпчакские степи и др.	Территория ВКЛ
Происхождение	Тюркское	Тюркское
Язык	Тюркские диалекты	Белорусский
Уклад жизни	Группы кочевников-воинов	Военное дело, земледелие, кожевничество
Культура	Тюркские традиции, обычаи; ислам	Ислам; балто-славянские традиции и обычаи

Динамика и результаты изменений имеют следующее содержание. Впервые о появлении татар на территории ВКЛ упоминается в 1397 г., когда князь Витовт привел их с собой из похода на Крым, в котором одержал победу [1, с. 13]. Часть татар Витовт оставил в ВКЛ, другую часть отдал Речи Посполитой, где они, в силу обстоятельств, полностью ассимилировались. Однако появление представителей разных тюркских племен (из Поволжья, Крыма, ногайских степей, кыпчакских степей и др.) происходило как раньше, так и позже. В местной среде закрепилось их именование татарами [2, с. 21]. Оседавшие в ВКЛ татары говорили на разных тюркских языках и диалектах, исповедовали ислам и, согласно его требованиям, заключали браки внутри своих групп (за редкими исключениями). Общее происхождение и вероисповедание стимулировали их консолидацию в условиях инокультурной среды, но этот процесс был усложнен отсутствием у выходцев из разных регионов тюркского мира общего языка. Они говорили на существенно различающихся тюркских языках и диалектах, поэтому практически сразу стали использовать язык местных территорий – в основном белорусский (в некоторые периоды польский и русский) для общения с населением ВКЛ и между собой.

Следует отметить, что размещение татар в ВКЛ закреплялось системой привилегий. За военную службу они удостоивались положения социального боярства, получали земли. Наряду с военной службой татары занимались огородничеством и выделкой кожи [2, с. 49]. Они были лишены политических прав, но в то же время им разрешили продолжать исповедовать ислам, соблюдать обычаи, строить мечети и мусульманские школы, совершать паломничество в Мекку (хадж) и в другие святые места [3, с. 62].

Переход на местный язык, благоприятная внутренняя политика ВКЛ, комфортные условия проживания и толерантное отношение населения способствовали успешной адаптации выходцев из тюркских групп к принимающей культуре. Процесс адаптации имел парадоксальный характер и заключался в том, что при переселении на новую территорию татарами были утрачены родные языки, исконный уклад жизни и культурные обычаи, но сохранены этническое происхождение и религия (ислам).

Трансформации аутентичных религиозных представлений татар-мусульман под влиянием религиозных традиций принимающей культуры

Религиозные представления никогда не бывают гомогенными, напротив, они складываются путем сочетания в мировосприятии индивида, группы, общества фрагментов разных мировоззренческих парадигм, объясняющих разные стороны жизни и мира. Эту разноплановость особенно важно учитывать при изучении общностей, изменявших свои гео- и историко-культурные координаты. К таким, как показано, относятся выходцы тюркских народов, осевшие в течение (а также до и после) XIV в. на территории ВКЛ. В этнических и государственных образованиях, из которых они вышли, ислам стал государственной религией только к середине – концу XIV в., поэтому на момент поселения на белорусских территориях религиозные представления татар были еще пластичными. Это делало возможным сосуществование разных компонентов в их мирозерцании.

В комплексе религиозных представлений татар, испытавших трансформацию в условиях иной культуры, можно выделить содержательные пласты, представленные в таблице 2. Основу комплекса составляла монотеистическая религиозная система – ислам, включавший элементы доисламских тюркских верований. Под влиянием культурной ситуации ВКЛ мировоззрение татар частично начало вбирать в себя элементы двух более древних, но однотипных и генетически связанных с исламом монотеистических религий – христианства и иудаизма. Наряду с ними в представления татар интегрировались и элементы местных, славяно-балтских, дохристианских верований.

Таблица 2. – Структура религиозных представлений татар-мусульман Беларуси

Тип религиозной системы с точки зрения объекта почитания и границ распространения	Монотеистическая универсальная религия			Домонотеистические локальные верования	
Конкретно-историческое содержание религиозной системы и системы верований	Ислам	Христианство (католицизм, православие, протестантизм)	Иудаизм	Тюркские доисламские верования	Славяно-балтские дохристианские верования

Здесь следует обобщенно определить специфику монотеистических и политеистических религий, включая их взаимоотношения, а также охарактеризовать конкретную ситуацию их встречи и взаимодействия в процессе формирования общности белорусских татар.

Религии формируются в условиях разных социально-культурных систем. Типы обществ определяют специфику религий [4–7]. Так, системы политеистического типа сопутствуют общностям, связанным с природной средой, выживающим за счет таких занятий, как земледелие, животноводство, охота, торговля. Их практический опыт символизирован в представлении о мире как системе персонифицированных сил, отвечающих за баланс и порядок в мироздании, за его ритмичную динамику и благополучие. Для последователей политеистических религий мир безусловно значим, он служит в их восприятии абсолютным источником их жизненных ресурсов и благоденствия. Человек органически связан с миром и поддерживает его баланс и жизненный ритм путем регулярных жертвоприношений духам и богам [8, с. 19–22].

Религии монотеистического типа возникают, как правило, в условиях городской культуры, отделившей человека от естественных условий существования и, как следствие, от собственных естественных аспектов. Человек осознает себя как существо, обладающее индивидуальностью и свободой воли. Для последователей монотеистических религий мир обусловлен абсолютным личным началом трансцендентной природы – Богом. Принцип следования ему заключается в преодолении любого рода зависимостей, прежде всего зависимости от естественных (физических и психических) потребностей. Для таких религий мироздание с его силами и законами выступает препятствием, испытанием на пути свободной человеческой воли, стремящейся к Богу. Человек переносит свою активность с поддержания мирового баланса на восстановление связи с Богом посредством исполнения божественных предписаний, и его жизнь становится движением к внемирной цели [4–7].

Несмотря на принципиальные различия, эти типы религиозных систем практически всегда сочетаются в опыте и мировоззрении их носителей. Последователи монотеистических религий, как бы верно они ни служили своему идеалу, все же остаются существами естественного мира: взаимодействуют с ним, меняют его, используют его ресурс для выживания – вольно или невольно антропоморфизируют, одушевляют его. Особенно явно это происходит в условиях аграрного уклада [4–7]. Люди, принявшие монотеизм, но занимающиеся сельскохозяйственным трудом, безотчетно будут высоко ценить и очень живо относиться к предмету и условиям своего труда. Это обстоятельство выступает типичным источником феномена, называемого двоеверием.

В культурном опыте представителей тюркских племен, осевших в ВКЛ, также взаимодействовали монотеистический ислам и политеистические доисламские представления, и это взаимодействие кристаллизовалось и в то же время изменялось в условиях культуры, где доминировало христианство в сочетании с дохристианскими веро-

ваниями. Для тюрков-кочевников было характерно признавать себя мусульманами, но сохранять некоторые традиционные языческие элементы в их представлениях и практиках («народный ислам»). В дальнейшем это нашло отражение в некоторых рукописных сборниках, где можно найти знахарские рецепты и заговоры, астрологические календари и гороскопы. Белорусские татары верили в зависимость человеческой судьбы от движения планет: подобные представления характерны для восточных домотеистических культов.

В ВКЛ татары были оторваны от остального мусульманского мира и сосуществовали с христианским (католическим, православным, протестантским, но сохранившим некоторые языческие представления) местным населением. Сохранение ислама происходило через устную передачу Корана и соблюдение норм шариата. Однако возникла проблема понимания других религиозных текстов исламской традиции и письменной передачи Корана, т. к. знание арабского языка в процессе адаптации осталось на уровне письменности. Но татары уже знали белорусский язык и еще помнили арабскую письменность, точнее алфавит. В этих условиях возникли переводы религиозных книг на польский и белорусский языки, для записи которых использовались арабские буквы (буквы священного языка ислама) [9, с. 51]. Так был создан вариант белорусско-арабского алфавита, и результатом его применения стал обширный корпус арабографических рукописей, в составе которого выделяют тефсиры, китабы, полукитабы, хамаилы, теждвиды и др. [10, с. 12].

Во многих письменных памятниках белорусских татар основное содержание определяется изложенной в Коране доктриной ислама. В то же время в текстах присутствуют христианские сюжеты и некоторые фрагменты иудаизма, которые интерпретировались с точки зрения ислама [11, с. 10]. Влияние религиозных представлений христианского населения на образ жизни татар-мусульман проявляется в заимствовании принципиально новых для них традиций и обрядов, которые также фиксировались в письменных источниках. При этом некоторые практики переняты практически полностью, а другие представляют собой соединение некоторых элементов христианской традиции с элементами татаро-мусульманских традиций [12, с. 224]. В рукописях белорусских татар также встречаются фрагменты славяно-балтских дохристианских представлений. К таковым относятся магические и знахарские тексты, где содержатся медицинские рецепты от разнообразных болезней и молитвы-заговоры на все случаи жизни [12, с. 139].

Несмотря на сложную синтетическую структуру религиозных представлений белорусских татар, содержание Корана пронизывало практически все сферы их жизни и было основой религиозной традиции. Бытовая и обрядовая культура татар-мусульман, сформированная исламом, настолько была интегрирована в существование каждого, что могла функционировать, практически утратив религиозное содержание. Среди татар было некоторое число людей, не признававших себя последователями религии, но совершавших соответствующие практики и участвовавших в их организации. Этот парадокс объясняется тем, что сам образ жизни белорусских татар содержал элементы исламской религиозности даже в те периоды, когда религия отеснялась на периферию социальной жизни.

Особенности религиозных представлений татар-мусульман как сложившейся этнокультурной общности

Итак, содержание религиозных представлений белорусских татар к моменту, когда они сформировались в своей местной общности, включало в себя монотеизм (ислам с единичными элементами христианства и иудаизма) и политеизм (тюркские и славяно-балтские верования). Однако в течение последнего века в их исторической судьбе (как

и в судьбе народов, среди которых они жили) произошел еще один существенный поворот. В период советской власти ввиду тотальной атеистической идеологии сложилась ситуация ослабления религиозных традиций, в том числе ислама [10, с. 11].

Возрождение религиозной активности началось вскоре после распада Советского союза и начала восстановления белорусской государственности. В начале 1990-х гг. были приняты законы о национальных меньшинствах, свободе вероисповедания, религиозных организациях. Татары-мусульмане занялись воссозданием сообщества и религиозной традиции. Они начали с институциализации этнической идентичности, а затем формализовали и религиозную принадлежность. В 1989 г. под эгидой Белорусского фонда культуры были созданы татарские общественно-культурные организации в Минске и Гродно. В 1991 г. они сформировали Белорусское общественное объединение татар «Аль-Китаб» [24, с. 234]. В 1994 г. был создан самостоятельный Муфтиат Республики Беларусь. Сейчас в Беларуси действует два исламских религиозных объединения (муфтиата) – Мусульманское религиозное объединение (образовано в 1994 г.) и Духовное управление мусульман (учреждено в 2002 г.). В их рамках функционируют 25 религиозных общин.

Ислам по-прежнему остается основой сохранения культурной памяти и источником консолидации татар-мусульман, которые сегодня являются частью белорусского населения. Проживание в христианской среде способствовало установлению диалога и мирному сосуществованию татар-мусульман и носителей других религиозных традиций. В настоящее время белорусские татары, благодаря открытости современного мира, возможности коммуникации и обмена опытом с мусульманами из других стран, знакомятся с «внешним» исламом (по отношению к местному, белорусскому, «домашнему», как его иногда называют сами последователи), утрачивая некоторые сложившиеся уже на белорусских территориях традиции. Кроме того, миропонимание белорусских татар становится более светским, но религия все же служит объединяющим фактором. Основная роль религии как источника смыслополагания и обоснования картины мира отходит на второй план, и на первом оказывается ее прикладная значимость, направленная на укрепление общественной морали и обеспечение социальной консолидации. Такая ситуация характерна для трансформирующихся обществ, где религия принимает на себя функции находящихся в состоянии реконструкции систем мировоззрения и морали [15, с. 167–168]. Также и для мусульман Беларуси их религия в большей мере служит средством сохранения традиций достойной жизни и внутренней консолидации их сообщества.

Однако в самое последнее время смыслозадающая функция ислама для его белорусских последователей начинает возрастать. Этому способствует появление нового поколения образованных имамов, хорошо знающих как исламское богословие, так и историю белорусской ветви ислама, кроме того, хорошо интегрированных в международное богословское общение. Новое поколение белорусских исламских богословов восстанавливает религию как систему предписаний достойного образа жизни с опорой на традиции белорусской общности и ведет религиозное просвещение в общине.

О необходимости такой просветительской работы говорят данные кросс-конфессионального исследования «Типология религиозности в современной Беларуси» [15; 16]. В нем зафиксирована «точка отсчета» для восстановления четкости религиозных представлений, которые были значительно размыты в предыдущие десятилетия. Прежде всего, исследование показало, что для большинства белорусских мусульман ислам выступает в качестве средства сохранения и передачи этнокультурной традиции (40,4 %) [16, с. 64]. Также была выявлена относительная неоднородность представлений по ключевым вопросам исповедания. По мнению большинства мусульман (82,4 %), в качестве *Высшего начала* выступает Бог, что обусловлено преобладанием монотеи-

стического типа религиозного мировоззрения. На вопрос о *возникновении мира* 78,3 % опрошенных указали, что мир сотворен Богом. Мнения по поводу *инстанции, управляющей миром*, у респондентов разнятся: 61,7 % в качестве таковой выделяет Бога, 26,7 % дополняют волю Бога волей людей, а 6,7 % отдают приоритет в управлении миром законам природы. По вопросу об источнике зависимости судьбы человека мнение мусульман разделилось: 46,7 % согласно учению ислама о предопределении, считают Бога единственным властителем человеческой жизни, а 45,8 % наравне признает и значение выбора самого человека. Можно предположить, что на формирование такой точки зрения оказало влияние многовековое проживание с христианами, которые признают свободу воли. Важной в этом вопросе является материалистическая позиция, которой придерживаются 6,6 % респондентов.

Таким образом, на протяжении истории формирования и жизни этнорелигиозной общности белорусских татар основой их консолидации и идентичности служила (и служит) система религиозных представлений, ядром которой неизменно остается ислам – религия, принесенная ими с исторической родины. Тем не менее для них характерно некоторое отступление от смыслового ядра ислама и включение в систему религиозных представлений неисламских элементов. Это обстоятельство было обусловлено проживанием татар в преимущественно христианской среде, а также особенностями их хозяйственного уклада на протяжении веков.

Заклучение

В процессе становления и адаптации этнорелигиозной группы белорусских татар ими были утрачены язык, уклад жизни и культурные обычаи, но сохранены этническое происхождение и религия (ислам). Сохранение единства группы было обеспечено исламом, который сформировал универсальные и устойчивые схемы миропонимания, мышления и поведения ее представителей.

Структура религиозных представлений белорусских татар неоднородна и представляет собой синтез таких религиозно-мировоззренческих систем, как политеизм и монотеизм, представленных разными конкретно-историческими традициями. Соединение в одной системе представлений разных религиозно-мировоззренческих парадигм зафиксировано для многих обществ, развивающихся в сфере влияния монотеистических традиций. Оно обеспечивает встраивание повседневных занятий во всемирный масштаб монотеистических систем. Преимущественный образ жизни татар на белорусских территориях (военное дело, земледелие, кожевничество), а также расселение в аграрных районах обусловили включение в систему их монотеистических представлений определенного количества политеистических элементов. Эти включения стали мировоззренческим обоснованием («освящением») их повседневных хозяйственных практик.

Сегодня для белорусских татар-мусульман возникает необходимость в религиозном просвещении в результате ослабления религиозных традиций в период советской власти. В настоящее время религия продолжает оставаться для них консолидирующим фактором, а ее смыслозадающая функция начинает играть все более важную роль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tyszkiewicz, J. Z historii Tatarów polskich, 1794–1944 / J. Tyszkiewicz. – Wyd. 2. – Pułtusk, 2002. – 219 s.
2. Konopacki, A. Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XIX wieku / A. Konopacki. – Warszawa : WUW, 2010. – 253 s.
3. Канапацкі, І. Б. Гісторыя і культура беларускіх татар / І. Б. Канапацкі, А. І. Смолік. – Мінск : Беларус. ун-т культуры, 2000. – 258 с.

4. Белла, Р. Основные этапы эволюции религии в истории общества / Р. Белла // Религия и общество : хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 370–376.
5. Белла, Р. Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм / Р. Белла // Религия и общество : хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 376–389.
6. Вебер, М. Хозяйственная этика мировых религий: опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / М. Вебер ; пер. с нем. и предисл. О. В. Кильдюшова. – СПб. : Владимир Даль, 2017. – 446 с.
7. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. В. В. Земсковой ; под ред. Д. Ю. Куракина. – М. : Элементар. формы, 2018. – 523 с.
8. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Грабовского. – М. : МГУ, 1994. – 144 с.
9. Станкевіч, Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом / Я. Станкевіч. – Вільня, 1933. – 274 с.
10. Канапацкі, І. Б. Татары ў Беларусі. Іх рэлігія / І. Б. Канапацкі // Беларус. гіст. часоп. – 1996. – № 2. – С. 8–13.
11. Тарэлка, М. У. Структура арабаграфічнага тэксту на польскай мове : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.19 / М. У. Тарэлка ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2004. – С. 9–12.
12. Ленсу, М. Я. Эволюция мусульманского культа у белорусских татар (социологический анализ) / М. Ленсу, М. Мамаразаков // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы : матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск, 1995. – С. 219–226.
13. Сынкова, І. А. Знахарскі тэкст з беларуска-татарскага рукапісу / І. А. Сынкова, М. У. Тарэлка // Беларус. гіст. агляд. – 2009. – № 1. – С. 139–166.
14. Канапацкая, З. И. Ислам и татарская диаспора в Республике Беларусь / З. И. Канапацкая // История формирования материальной и духовной культуры татар Казахстана и Сибири : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Усть-Каменогорск, 29 сент. – 1 окт. 2006 г. – Усть-Каменогорск, 2006. – С. 230–235.
15. Карасева, С. Г. Типология религиозности в современной Беларуси / С. Г. Карасева. – Минск : БГУ, 2018. – 219 с.
16. Карасева, С. Г. Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Мониторинг общественного мнения: экон. и соц. перемены. – 2018. – № 2. – С. 49–70.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.09.2019

Korshunova Ya. A. The Cultural Context and Ideological Origins of the Formation of Religious Ideas of the Tatars-Muslims of Belarus

The article explores the features of the formation of religious representations of Belarusian Muslim Tatars. The features of the formation of their ethno-religious community are considered, its specificity is characterized. The composition of the original religious ideas of the Tatars is determined, as well as the features of the transformation of their worldview in a different culture. The role of Islam in the composition and dynamics of religious representations of the Belarusian Tatars is revealed.

УДК : 392.6

Д. В. Столяров

*мл. науч. сотрудник Института философии
Национальной академии наук Беларуси
e-mail: nizshe@mail.ru*

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА МУЖЧИНЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается современное белорусское законодательство в контексте осуществления прав мужской части населения. Выявляются противоречия и двойные стандарты в процессе функционирования ряда нормативных документов. Анализируется роль Беларуси в реализации международных программ, призванных обеспечить политику гендерного равенства. Описываются современные юридические практики, носящие дискриминационный характер в отношении мужчин. Отмечаются также позитивные изменения в реализации современной белорусской гендерной политики на уровне законодательства и судопроизводства. Предлагаются варианты законодательных реформ, направленных на более полную реализацию принципа социальной справедливости в сфере гендерных отношений.

Введение

Помимо сугубо мировоззренческого уровня, основанного на традициях и специфике восприятия, дискриминация мужчин в белорусском обществе проявляется и на уровне официального законодательства и судопроизводства. Так, можно выделить целый ряд проблемных направлений по вопросу дискриминации мужчин в нашей стране. Несмотря на назревшие проблемные вопросы, в государстве ведется активная и плодотворная работа по достижению гендерного равенства в ряде общественных сфер. К примеру, в рамках организации трудовых вопросов в 2014 г. было осуществлено изменение ст. 271 Трудового кодекса, предусматривающее предоставление отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет по усмотрению семьи работающему отцу либо другому родственнику, члену семьи, опекуну ребенка. Вследствие этого мужчина на законодательном уровне сможет уйти в декрет и вносить полноценный вклад в воспитание ребенка, а потенциальные наниматели, в свою очередь, уже несколько по-другому будут оценивать возможности продолжения трудовой карьеры женщины, родившей ребенка. В нашем государстве можно считать достаточно продвинутой формой защиты прав женщин и реализацию их трудовых интересов. На данном этапе необходимо большее внимание уделить развитию законодательных практик в сфере защиты и уравнивания трудовых прав мужчин с женщинами [1, с. 31].

Беларусь ратифицировала некоторые международные документы, касающиеся обеспечения гендерного равенства. В качестве примера можно привести и Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), и платформу действий Всемирной Конференции по улучшению положения женщин (Пекин, 1995). Несмотря на это, в силу односторонней трактовки данных документов со стороны их создателей лишь в сторону женщин в Беларуси все еще необходимо предпринять и утвердить, а может даже и самостоятельно разработать ряд новых законопроектов, разрешающих именно вопросы дискриминации мужчин, а также повышающих гендерную нейтральность ключевых социальных сфер [1, с. 32].

Научный руководитель – М. А. Можейко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

Значимость изменений подобного характера особенно важна вследствие того, что на всевозможных международных докладах проблемные стороны жизни мужского населения практически не рассматриваются, поскольку там конкретно упоминаются только женщины и дети. Такой непропорциональный подход к обеспечению прав мужчин может привести к ряду проблем и противоречий в будущем [1, с. 33].

Цель исследования – анализ ряда белорусских законодательных актов на предмет соответствия принципам гендерного равенства.

В контексте обозначенной цели решаются такие задачи, как:

- 1) рассмотрение определенных законодательных актов Республики Беларусь в гендерной плоскости;
- 2) выявление противоречий в действии ряда статей кодексов и Конституции;
- 3) оценка уровня эффективности регулирования гендерных отношений в условиях некоторых базовых социальных институтов;
- 4) определение уровня и перспектив развития белорусского законодательства и судопроизводства в гендерном контексте.

Проблемные аспекты белорусской правовой системы в гендерном контексте

Анализируя белорусское право в контексте проблемы дискриминации мужчин, можно выделить следующие вопросы, требующие решения: 1) армейская служба, 2) условия труда и выход на пенсию, 3) наказание за преступления, 4) регулирование вопросов репродуктивного законодательства.

Относительно первого пункта, важно отметить существенное противоречие закона о срочной военной службе и ст. 14 Конституции Республики Беларусь, провозглашающей всеобщее равенство граждан: «Государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов». Примерно о том же говорится и в ст. 22 Конституции: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» [4, с. 4]. На деле же получается, что, несмотря на формально провозглашенное равенство граждан, обязательная воинская служба ложится исключительно на плечи мужчин. С этим связан и более высокий риск утраты здоровья или жизни именно для мужчины. В периоды мобилизации это проявляется наиболее остро, что в дальнейшем может оказывать существенное негативное влияние на развитие экономической и брачно-семейной сфер государственной жизни. Но не все так однозначно: ст. 23 Конституции уточняет действие ст. 22 следующим образом: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону» [4, с. 4]. Данное положение, с одной стороны, некоторым образом дает возможность отступить от предыдущей статьи, с другой – опять же констатирует равенство. Тем не менее Закон Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» четко прописывает специфику военной обязанности в Беларуси, делая непосредственный акцент на категории пола. Так, ст. 1 данного Закона утверждает: «Военная служба по призыву – обязательная военная служба граждан мужского пола, признанных в установленном порядке годными к ее прохождению» [6].

Вышеизложенное ярко демонстрирует, что развитие современного законодательства осуществляется лишь в рамках «женских» вопросов. Вопросы же мужского гендера по-прежнему требуют более детального рассмотрения. Распределение и характер гендерных прав и обязанностей также важно пересмотреть. С одной стороны, законодательство полностью перекладывает воинские обязанности на мужские плечи,

с другой – подразумевает неспособность женщины полноценно нести службу, что в корне неверно и было неоднократно опровергнуто во время крупных военных конфликтов, в частности в ходе Великой Отечественной войны, когда многие женщины успешно овладели традиционно мужскими военными специальностями.

Для рассмотрения второго пункта (регулирование трудовых отношений и пенсионной политики) необходимо обратиться к статистике. Согласно анализу данных о продолжительности жизни в Беларуси (2010–2015 гг.), предоставленных Белстатом, были получены результаты, отраженные в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. – Ожидаемая продолжительность жизни при рождении

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Женщины	76,5	76,7	77,6	77,9	78,4	78,9
Мужчины	64,6	64,7	66,6	67,3	67,8	68,6
Разница	11,9	12	11	10,6	10,6	10,3

Таблица 2. – Продолжительность жизни на пенсии

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Женщины	21,5	21,7	22,6	22,9	23,4	23,9
Мужчины	4,6	4,7	6,6	7,3	7,8	8,3
Разница	16,9	17	16	15,6	15,6	15,6

Согласно официальным данным, продолжительность жизни белорусских мужчин на протяжении 2010–2015 гг. была более чем на 10 лет меньше, чем женщин. Несмотря на такую разницу, женщины выходят на пенсию значительно раньше. Произведя расчеты, можно прийти к выводу, что во многом из-за подобного положения дел мужчины живут на пенсии на 15,6 года меньше, если брать последние три года (таблица 2). Если же рассматривать период с 2010 по 2012 г., то там ситуация еще более проблематична, и разрыв в продолжительности жизни на пенсии варьируется от 16 до 17 лет. Поэтапное повышение пенсионного возраста с 2017 г. до 63 и 58 лет для мужчин и женщин соответственно также скажется в дальнейшем не лучшим образом на продолжительности и качестве жизни, в первую очередь мужчин [3, с. 16].

Такой подход дискриминирует мужчин и существенно противоречит статистическим данным, указывающим на более низкую по сравнению с женщинами продолжительность жизни мужчин. На данном примере можно убедиться, что в плане пенсионного законодательства осуществляется никак не обоснованная медицинскими показателями (напротив, даже противоречащая им) дискриминация мужчин. В перспективе с учетом существенного разрыва в продолжительности жизни и необходимости обеспечения гендерного равенства наиболее рациональной мерой было бы уравнивание пенсионного возраста, тем более что позитивный опыт подобных решений в мире уже имеется. Так, в Армении мужчины и женщины выходят на пенсию в возрасте 63 лет, в Венгрии – в 62 года, в Канаде, на Кипре, в Испании – в 65 лет [1, с. 33].

В рамках Трудового кодекса Республики Беларусь права женщин защищаются в одностороннем порядке. Так, ст. 262 гласит: «Запрещается привлечение женщин к выполнению тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, а также подземных работ, кроме некоторых подземных работ (нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию)» [10, с. 128].

Анализируя пункт о политике наказаний, нельзя не обратить внимания на различные подходы, основанные на гендерных критериях. Рассматривая статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь, можно заметить, что некоторые из них прямо говорят

о недопустимости применения определенных мер именно в отношении женщин, хотя к мужчинам их применение допускается. Одним из самых ярких примеров является смертная казнь (ст. 59) и пожизненное заключение (ст. 58), применение которых в отношении женщин запрещено белорусским законодательством [5, с. 36–37].

Если рассматривать другие формы наказаний, связанные с лишением свободы, то и там можно найти ряд примеров дискриминации мужчин. Так, ст. 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Ограничение свободы» гласит о том, что «данная мера не может быть назначена женщинам и одиноким мужчинам, воспитывающим детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов» [5, с. 34]. Из этого следует, что мужчина не подпадает под действие данной статьи лишь в случае, если он отец-одиночка. Примерно такой же подход практикуется в вопросах условно-досрочного освобождения от наказания (ст. 90), применение которого может распространяться на всех женщин, но заключенным мужчинам она доступна лишь при наличии детей до 14 лет [5, с. 58]. Ст. 93 «Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет», вообще не предполагает такового для мужчин. Получается, что мужчина, который имеет ребенка до трех лет, не может претендовать на отсрочку, даже если он был основным кормильцем в семье [5, с. 61].

Отдельным пунктом необходимо выделить трактовку ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Изнасилование»: «Половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей» [5, с. 98]. Данная интерпретация имеет исключительно «женский» контекст, подразумевая, что жертвой может быть только женщина. В такой трактовке данного преступления наглядно продемонстрировано, как мужчина в традиционном обществе становится заложником собственной маскулинности и власти. Уже в первой части данного документа, раскрывающей понятие изнасилования, становится ясным его односторонний характер, что выражено в такой трактовке, как «половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким». Таким образом, получается, что принудить мужчину к интимной близости, угрожая насилием над ним или его близкими, в случае отказа, согласно действующему белорусскому законодательству, невозможно. Обращая внимание на вторую часть приведенной статьи, также важно отметить ее недоработанность, ввиду того что формулировка «беспомощное состояние» слишком расплывчатая и не отражает четко всех возможных аспектов. Например, состояние алкогольного или наркотического опьянения в ходе расследования большинства преступлений либо не считается каким-то смягчающим фактором, либо считаетсяотягчающим обстоятельством, либо вообще не дает повода для возбуждения дела. К примеру, если человек, пребывая в состоянии алкогольного опьянения, добровольно отдал что-либо посторонним из своего имущества, будет абсурдно привлекать их за кражу, ограбление или вымогательство. Однако, проецируя данную ситуацию на ст. 166, получается, что, согласно данной статье, алкогольное и наркотическое опьянение тоже можно приравнять к беспомощному состоянию. И здесь закономерно встает вопрос: а можно ли адекватно оценивать с законодательной точки зрения согласие женщины в таком состоянии на интимную близость? Гарантии, что в последующем она не обвинит мужчину, бывшего с ней, в изнасиловании, на основании того, что она была в беспомощном состоянии и не могла объективно оценить ситуацию, нет. Действующий закон пока не может разрешить подобных вопросов, что ставит именно мужчину в изначально уязвимое положение.

Казалось бы, некоторую гендерную нейтральность при рассмотрении данного рода преступлений призвана обеспечить ст. 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Насильственные действия сексуального характера», которая трактует данное

преступление так: «Мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные вопреки воле потерпевшего (потерпевшей) с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)» [5, с. 99]. Тем не менее акцент в начале документа на однополых отношениях серьезно затрудняет работу данной статьи закона, потому что таким образом возможность физического и психологического негативного воздействия на мужчину со стороны женщины практически исключается. Получается, что статья защищает мужчину лишь от насильственных действий сексуального характера со стороны другого мужчины. Как следствие, в нашем обществе женщина полностью защищена от любых насильственных воздействий сексуального характера как со стороны мужчин (ст. 166), так и со стороны женщин (ст. 167), а мужчина – лишь частично.

Описывая данную проблему, весьма интересными могут быть замечания Симоны де Бовуар, что «мужчину сковывает само его превосходство». Общество навязывает мужчине силу и брутальность, а женщине слабость и зависимость, что в конечном итоге приводит не к гармоничному взаимодополнению и сотрудничеству, а к обострению противостояний и нечестной конкуренции. Согласно С. де Бовуар, в данных ситуациях женщина «свою слабость превращает в силу», проблема лишь в том, что подобная тактика не приносит социального успеха ни мужчине, ни женщине [2, с. 347].

Таким образом, начать решение проблем, связанных именно с ложными обвинениями, можно было бы законодательными реформами, включающими в себя, с одной стороны, полное упразднение возможности получения материальных компенсаций предполагаемыми жертвами насилия. Наказанием за преступления подобного характера должно быть только лишение свободы. В случае когда жертве необходима медицинская и психологическая помощь, таковая должна оказываться за счет государства без выдачи на руки жертве материальных средств. С другой стороны, необходимо изменить систему наказаний за преднамеренную клевету, которая не должна нести фиксированного наказания, а предполагать более гибкий характер. Наказание, следовательно, будет пропорциональным максимальному наказанию за преступление, в котором сознательно ложно кого-либо обвинили.

Особенности гендерного подхода в законодательном регулировании сферы планирования семьи

Не менее проблемной в отношении прав мужчин является и другая сфера жизни белорусского общества – планирование семьи. В силу различного рода проблем далеко не все люди могут завести детей традиционным способом, хотя для воспитания детей у них есть все возможности. Генетика этих людей в целом также является качественным материалом для воспроизводства будущих поколений. В такой ситуации услуга суррогатного материнства стала одним из наиболее действенных вариантов решения проблемы бездетности. Тем не менее в Беларуси попытки упорядочивания и регулирования права пользования этой процедурой все еще не завершены ввиду того, что право мужчины обратиться за такой услугой в нашей стране предусмотрено лишь частично, что и отражено в существующем законодательстве. Так, ст. 19 «Условия и порядок применения экстракорпорального оплодотворения» Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» гласит: «Необходимым условием применения экстракорпорального оплодотворения является письменное заявление пациентки (если пациентка состоит в браке, также письменное согласие ее супруга)» [7]. Таким образом, в документе говорится, что заявление на данную процедуру может быть принято только от одинокой женщины или семейной пары. Одиноким же мужчинам в Беларуси не имеет юридического права воспользоваться услугами суррогатной матери.

Еще более категорично это подтверждается в ст. 20 «Условия и порядок применения суррогатного материнства» указанного выше закона: «Услугой суррогатной матери может воспользоваться только женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка по медицинским показаниям физиологически невозможны либо связаны с риском для ее жизни и (или) жизни ее ребенка» [7]. Про бесплодных мужчин здесь ничего не сказано, что снова лишает их возможности отцовства. Наконец, ст. 21 «Договор суррогатного материнства» уже окончательно на юридическом уровне закрепляет исключительное право женщины пользования вспомогательными репродуктивными технологиями: «Договор суррогатного материнства заключается между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Лица, состоящие в браке, заключают договор суррогатного материнства с письменного согласия своих супругов» [7]. Как видим, данный документ отражает лишь «женскую» сторону вопроса. Лишь ст. 19 дает мужчине право некоторой регуляции вопроса планирования семьи. Интересы одиноких мужчин, желающих, но не имеющих возможности стать отцами, приведенный закон никак не учитывает, что, несомненно, требует последующих доработок и уточнений.

Проблемой белорусского брачно-семейного законодательства является и то, что в ситуации, когда ребенок рождается в зарегистрированном браке, муж женщины автоматически признается отцом. В ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье говорится об этом так: «Отцом ребенка, рожденного в браке, является муж матери ребенка. Отцом ребенка, рожденного в течение десяти месяцев со дня прекращения брака или признания его недействительным, признается бывший муж матери ребенка. Происхождение ребенка от отца, не состоящего в браке с матерью ребенка, устанавливается на основании совместного заявления отца и матери ребенка о регистрации установления отцовства, поданного в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, или решения суда об установлении отцовства» [11, с. 26].

Весьма важным является и общий пересмотр демонстрации образа определенного гендера в социальной рекламе. В частности, в Беларуси имеет место односторонняя трансляция проблемных социальных вопросов именно в гендерном плане. Так, можно привести один из самых распространенных примеров, связанных с антиалкогольной пропагандой [8]. Примерно в таком же ключе представлена социальная реклама, связанная с предупреждением домашнего насилия [9].

Заключение

На основании проведенного анализа можно заключить, что необходимы конкретные законодательные доработки, позволяющие преодолеть дискриминацию не только женщин, но и мужчин. Важно отметить, что руководство Беларуси уже предприняло ряд важных шагов на пути к достижению этих целей. Так, реализуется очередной Национальный план по обеспечению гендерного равенства. Сегодняшняя практика показывает, что белорусские законодательные системы находятся на этапе постепенного и планомерного реформирования. Сохраняя ту обширную базу, которая была уже наработана, и обогатив ее новыми знаниями, можно обеспечивать дальнейшее уверенное развитие белорусского государства.

1. В настоящее время в Беларуси наблюдается серьезное влияние юридических актов, регулирующих гендерные отношения, на социальное положение современного мужчины.

2. Ряд белорусских законодательных актов не в полной мере реализует подход равных прав и возможностей для мужчин и женщин.

3. Определенные статьи Уголовного, Трудового и Семейного кодексов, а также законы «О воинской обязанности и воинской службе» и «О вспомогательных репродуктивных технологиях» противоречат базовой установке Конституции Республики Беларусь о равенстве всех перед законом.

4. Необходим дальнейший детальный философский анализ белорусского законодательства, регулирующего гендерные отношения в различных социальных сферах.

5. В современном белорусском законодательстве и судопроизводстве постепенно осуществляются прогрессивные реформы, способствующие разрешению назревших противоречий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Совершенствование статуса женщин в контексте защиты прав мужчин / Г. А. Василевич // Право и экономика : науч.-практ. сб. законодательства с коммент. – Минск : Право и экономика, 2017. – Вып. 7.

2. Бовуар, С. де. Второй пол : в 2 т. : пер. с фр. / С. де Бовуар. – М. : Прогресс ; СПб. : Алетей, 1997. – 832 с.

3. Женщины и мужчины Республики Беларусь, 2016 : стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 216 с.

4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст по сост. на 8 янв. 2009 г. – Минск : Соврем. шк., 2009. – 288 с.

6. О воинской обязанности и воинской службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 нояб. 1992 г., № 1914-XII : текст по сост. на 04.05.18. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_voinskoj_obyazannosti/-1.htm. – Дата доступа: 04.05.18.

7. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г., № 341-3 : текст по сост. на 04.05.18. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_vspomogatel_nyh_reproduktivnyh_tehnologiya-h.htm. – Дата доступа: 04.05.18.

8. Пьянство разрушает семьи! Злоупотребление спиртным – основная причина семейного насилия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pinsknews.by/?p=38238>. – Дата доступа: 04.05.18.

9. Мы против пьянства и насилия в семье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pinsknews.by/?page_id=39386. – Дата доступа: 04.05.18.

10. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм., от 1 июля 2014 г. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 256 с.

11. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : по сост. на 10 окт. 2008 г. – Минск : Соврем. шк., 2008. – 160 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2019

Stolyarov D. V. The Specifics of Social Status of Man in the Conditions of Modern Belarusian Legislation and Legal Proceedings: Philosophical Analysis

The article discusses modern Belarusian legislation in the context of the implementation of the rights of the male part of the population. The role of Belarus in the implementation of international documents that provide a policy of gender equality is analyzed. Variants of legislative reforms are proposed that will make it possible to implement the principles of social justice in the field of gender relations.

В. Н. Ватыль

*д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
vatyln@gmail.com*

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-НОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

На основе структурно-функционального и институционального подходов раскрывается понимание специфики администрирования и управления в основных институтах ЕАЭС, главным образом Евразийской экономической комиссии. Определяется один из ключевых терминов статьи – «наднациональный уровень регулирования». По сути, этот уровень представляет особую взаимосвязь институтов, акторов, правил и норм, созданных по канонам международных договоренностей и права с одобрения заинтересованных национальных государств, выводящих его за пределы государственных границ с целью решения конструктивных задач и программ интеграционного характера. Излагается институционально-нормативное содержание наднационального уровня регулирования в работе ЕЭК. Идет речь о практике функционирования наднационального механизма в ЕЭК, перманентно возникающих проблемах и экспертных предложениях по их разрешению.

Введение

2019 г. для ЕАЭС знаменателен двумя значимыми событиями – 5-летием со дня подписания Договора о ЕАЭС и 25-летием со дня обнародования идеи современной евразийской интеграции. Знаковые юбилейные даты привлекают внимание исследователей к различным аспектам истории и актуального состояния евразийского интеграционного процесса, его проблемам и перспективам [1–3]. Для Беларуси сегодня важны те аспекты, которые связаны с институциональными гранями в принятии важнейших решений в союзных органах регулирования и управления. Их концептуализация и практическое внедрение будет способствовать как решению конкретных задач в действиях отдельных стран – участниц ЕАЭС, так и успешному развитию теории и практики евразийского интеграционного процесса в целом.

Объектом рассмотрения в статье является одна из граней – наднациональный уровень регулирования в ЕАЭС, предметом – его институционально-нормативное измерение, целью – характеристика статусно-ролевых особенностей институциональной структуры ЕАЭС в контексте усиливающихся социально-политических внутренних и внешних вызовов.

Выстроенная объяснительная модель прежде всего требует авторского определения в отношении одного из ключевых терминов в статье – наднациональный уровень регулирования. Это обусловлено его значимой ролью в дальнейшем построении концептуальной модели, необходимой для осмысления и освещения содержательной конструкции темы статьи. Сразу подчеркнем, что осмысление наднационального уровня регулирования в ЕАЭС имеет ряд особенностей. Некоторые практики, эксперты и ученые наднациональный уровень регулирования в ЕАЭС оценивают сдержанно [4, с. 11–14]. Другие, открыто или завуалировано, не готовы пожертвовать национально-государственным суверенитетом в угоду развития наднационального механизма [5, с. 18–23].

*Статья подготовлена в рамках ГПНИ № 67-16 «Политическое регулирование современных интеграционных процессов: белорусский дискурс».

И, наконец, немалая часть из общего состава аналитиков готова размышлять о взаимосвязи национального, межгосударственного и надгосударственного уровней в институционально-функциональной системе ЕАЭС [2].

Суммируя их теоретико-прикладные выкладки, подчеркнем, что в известных концептах современной евразийской интеграции отсутствует однозначное объяснение сущности наднационального механизма принятия и применения решений. Идет активная разработка осмысления места и роли наднационального механизма в системе общего регулирования интеграционных процессов в ЕАЭС.

Формирование концепта наднационального механизма в евразийской интеграционной парадигме опирается на ключевые положения ряда направлений теории международной региональной интеграции: федерализма, функционализма, межгосударственного подхода, многоуровневого управления. Известно, что классическим принципом федерализма является тезис о распределении/перераспределении экономических, социальных и политических ресурсов и полномочий между центральной и местной властями (нередко в пользу первых). Принимая сам принцип распределения и взаимосвязи, сторонники федералистского подхода считают, что взаимосвязь национального и наднационального в практике применения будет иметь неоправданные перекосы и, как следствие, мотивированное отторжение. К подобной взаимосвязи, уверяют они, надо подходить весьма осторожно. Функционалисты, объясняя выгоды применения наднационального механизма, указывают, что международные региональные организации, объединяя межгосударственные ресурсы и усилия, способны эффективнее, чем национальные государства, реализовать общественно полезные цели, задачи и интересы. Сторонники межгосударственного подхода, опираясь на свой главный тезис о приоритете национального государства, подчеркивают, что интеграционные процессы с их наднациональными механизмами являются развитием и продолжением разносторонних межправительственных и иных межгосударственных отношений. По их твердому мнению, наднациональные интеграционные механизмы не ослабляют, а усиливают безопасность национального государства. Укрепление национальной безопасности осуществляется посредством умелой реализации технологий политики интеграции – технологий координации и субсидиарности. Концепт многоуровневого управления отразил как проблемы функционирования ЕАЭС, так и необходимость дальнейшего развития интеграционных взаимосвязей между государствами – членами союза. Его сторонники стремились избегать крайних и радикальных оценок в измерениях интеграции евразийского объединения. Оставляя за «скобками» некую одну доминанту в этих оценках, они проявляют осторожность в подходах, признавая наличие разнообразных пересекающихся компетенций и полномочий. Наднациональный механизм регулирования интеграционных процессов в ЕАЭС – один из таковых. Этот уровень в ЕАЭС выступает одним из связующих звеньев в ряду государственных и межгосударственных отношений [6, с. 21–23].

Подводя итог краткому рассмотрению вышеперечисленных направлений, можно констатировать следующее.

Во-первых, при всех своих видовых особенностях они сходятся к тому, что наднациональный уровень регулирования не появляется спонтанно и произвольно, а отражает объективный момент в становлении, развитии и функционировании конкретного регионального интеграционного процесса. Этот уровень появляется на основе сложившихся и проявивших себя социальных предпосылок – развитых национальных экономик, выявивших четкую тенденцию к интернационализации. Главное же заключается в том, что растущая взаимосвязанность национальных экономик неизбежно ведет к усилению их взаимозависимости. Экономическая взаимозависимость, как следствие,

рождает потребность в новых формах международного управления социально-экономическими процессами.

Во-вторых, анализируемые направления показали, что наднациональный уровень регулирования по мере своего становления в региональном интеграционном процессе приобретает устойчивое положение с присущими ему особыми чертами и характеристиками. К таковым, в первую очередь, относятся: а) структура формализованных наднациональных институтов регулирования и управления; б) совокупность принципов, правил и механизмов разработки общеобязательных решений; в) наличие процедур внедрения и реализации принятых решений; г) программы финансового обеспечения общей экономической политики; д) перечень мер контроля и санкционированного воздействия.

В-третьих, вышеперечисленные признаки позволяют говорить о предварительном понятийном понимании наднационального уровня регулирования. Он являет особую взаимосвязь институтов, акторов, правил и норм, созданных по канонам международных договоренностей и права с одобрения заинтересованных национальных государств, выводящих его за пределы государственных границ с целью достижения конструктивных задач и программ интеграционного характера.

Исходя из специфики предметного рассмотрения заявленной темы, далее посредством инструментальной модели мы представим те институты ЕАЭС, которые составляют основу наднационального уровня регулирования интеграционных процессов. Управленчески-нормативное содержание функционала этих институтов и, соответственно, обозначенного уровня, представлено в первую очередь в разделе III Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС, Договор), а также в международных договорах, заключенных в рамках ЕАЭС [7]. К институтам ЕАЭС, имеющим принципы, ресурсы и полномочия наднационального уровня, относятся:

- 1) Высший Евразийский экономический совет (далее – Высший совет, ВЕАЭС);
- 2) Евразийский межправительственный совет (далее – Межправительственный совет, МПС);
- 3) Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия, ЕЭК);
- 4) Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС).

Подробнее охарактеризуем институционально-нонормативное измерение ЕЭК – наднационального института, который является ведущей регулирующей структурой ЕАЭС. Приступив к работе с февраля 2012 г., Комиссия свои полномочия распространила на различные направления текущего, среднесрочного и генерального функционирования ЕАЭС. Основными задачами ЕЭК стали: создание благоприятных условий для деятельности союза в целом; подготовка программ и проектов последующего развития и успешного функционирования евразийской интеграции. В осуществлении стратегических целей и задач ЕЭК руководствуется социально-экономической целесообразностью и обоснованностью принимаемых решений и обязательств, а также учетом национально-государственных интересов всех стран – участниц ЕАЭС.

Наднациональный характер деятельности ЕЭК проявляется в том, что в рамках своих прерогатив Комиссия принимает решения, обязательные для всех стран – участниц ЕАЭС. Принятое решение по соответствующей нормативной процедуре приобретает союзную правосубъектность и тем самым подлежит к обязательному регламентному исполнению всеми странами – членами союза. К примеру, Комиссия ЕЭК принятым постановлением может потребовать от конкретного национального правительства отменить решение, не соответствующее интеграционным нормам ЕАЭС. В то же время, согласно договорному регламенту, и страны – участницы ЕАЭС имеют правовую инициативу, позволяющую ходатайствовать перед Комиссией об отзыве/отмене принятого ею решения или о внесении в него дополнений/изменений.

Стратегическое регулирование интеграционных процессов и координацию работы ЕАЭС осуществляет Совет ЕЭК, в состав которого назначается по одному заместителю руководителя правительства от страны – участницы ЕАЭС. К центральным полномочиям Совета ЕЭК относятся формирование основных тем и программ евразийской экономической интеграции, организация деятельности по структурированию юридической работы наднациональных органов ЕАЭС. В этом ряду особо можно отметить исключительную норму Совета ЕЭК, позволяющую отклонить или пересмотреть постановление Комиссии в связи с поступившим запросом от страны – участницы ЕАЭС или члена Совета ЕЭК, поступившему на имя Коллегии Комиссии до времени вступления постановления в обязательное действие. Совет в своей работе взаимодействует с Коллегией ЕЭК [7].

Постоянно действующей структурой в ЕЭК является Коллегия Комиссии. Ее состав создается равным представительством сторон от каждой страны – участницы союза. Члены Коллегии по нормативному статусу считаются министрами, утверждаются Высшим советом ЕАЭС и возглавляют профильные департаменты в ЕАЭС (таблица) [8].

Таблица. – Коллегия Евразийской экономической комиссии

Председатель Коллегии ЕЭК	• Департамент протокола и организационного обеспечения • Департамент финансов • Правовой департамент • Департамент управления делами
Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК	• Департамент макроэкономической политики • Департамент статистики • Департамент развития интеграции
Член Коллегии (Министр) по экономике и финансовой политике ЕЭК	• Департамент финансовой политики • Департамент развития предпринимательской деятельности • Департамент трудовой миграции и социальной защиты
Член Коллегии (Министр) по промышленности и агропромышленному комплексу ЕЭК	• Департамент промышленной политики • Департамент агропромышленной политики
Член Коллегии (Министр) по торговле ЕЭК	• Департамент таможенно-тарифного и нетарифного регулирования • Департамент защиты внутреннего рынка • Департамент торговой политики
Член Коллегии (Министр) по техническому регулированию ЕЭК	• Департамент технического регулирования и аккредитации • Департамент санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер
Член Коллегии (Министр) по таможенному сотрудничеству ЕЭК	• Департамент таможенного законодательства и правоприменительной практики • Департамент таможенной инфраструктуры
Член Коллегии (Министр) по энергетике и инфраструктуре ЕЭК	• Департамент транспорта и инфраструктуры • Департамент энергетики
Член Коллегии (Министр) по конкуренции и антимонопольному регулированию ЕЭК	• Департамент антимонопольного регулирования • Департамент конкурентной политики и политики в области государственных закупок
Член Коллегии (Министр) по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям	• Департамент информационных технологий • Департамент функционирования внутренних рынков

В составе Коллегии, как показано, действует 25 департаментов, а также 20 консультативных комитетов, генеральная задача которых заключается в подготовке проектов и программ по ключевым направлениям функционирования и развития евразийской интеграции с последующей передачей в соответствующие структуры Комиссии и органы государственной власти стран – участниц союза. На настоящий момент контингент работающих в ЕЭК составляет 1 200 человек, штаб-квартира находится в Москве. Специалисты департаментов в повседневном режиме занимаются разработкой постановлений, распоряжений и рекомендаций для обеспечения деятельности Коллегии и Совета ЕЭК. Они также готовят проектные модули будущих международных соглашений между ЕАЭС и третьими странами, производят надзор за осуществлением странами – участницами союза принятых союзных решений и других международных актов, формирующих правовые основы ЕАЭС.

Комиссия имеет разветвленную структуру взаимоотношений как со странами – участницами ЕАЭС, так и с другими государствами, а также с различными международными организациями. Сотрудничество осуществляется по двум направлениям: взаимодействие с органами власти и управления и контакты с бизнес-организациями. В рамках должностных полномочий департаменты и руководящие лица проводят обсуждения, переговоры, встречи с представителями управленческих и властных структур стран – участниц союза.

Наиболее используемыми формами работы с бизнес-структурами являются:

- 1) формирование совместной повестки дня для заседаний Консультативного комитета по вопросам предпринимательства, действующего при Коллегии ЕЭК;
- 2) взаимодействия с бизнес-кругами в рамках сотрудничества ЕЭК и Делового совета ЕАЭК;
- 3) участие деловых лиц и сообществ в регламентах анализа регулирующего влияния решений ЕЭК;
- 4) оказание помощи бизнес-структурам в определении препятствий, барьеров и ограничений в реализации торговой политики государств – членов союза.

Взаимоотношения ЕЭК с третьими странами, межгосударственными и международными организациями осуществляются посредством контактов с посольствами и представительствами, организации официальных приемов и визитов, проведения фестивальных, спортивных, имиджевых, выставочных, научно-технических мероприятий в ЕАЭС и собственного участия в подобного рода проектах за границей.

Решения Комиссии принимаются коллегиально, при этом Совет – консенсусом, Коллегия – квалифицированным большинством (2/3 голосов от общего числа членов Коллегии), за исключением сложных тем, квалифицируемых Высшим советом, по которым Коллегия определяется консенсусом.

В завершающей, проектной части статьи остановимся на нескольких позитивных прецедентах работы наднационального механизма ЕЭК, а также акцентируем некоторые «точки» проблем функционирования Комиссии и экспертные предложения по их разрешению. Делаем это для того, чтобы показать наличие противоречий между институционально-нормативной моделью наднационального уровня регулирования интеграционных процессов Евразийской экономической комиссией и ее практическим воплощением. Сначала отметим прецеденты. Один из первых был уже в 2012 г. Напомним, что с февраля указанного года ЕЭК официально начала исполнять свои уставные обязанности. Коллегия Комиссии после обстоятельного разбирательства приняла решение об отмене постановления Правительства Российской Федерации, которое определяло заказ камвольных тканей для форменной одежды только от российских производителей [4, с. 78]. Это постановление вело к перекосам в конкурентной политике ЕАЭС. Принятое решение ЕЭК (обязательное к исполнению) в данном случае позволило расширить

объемы поставки камвольных тканей из Беларуси. Один из последних прецедентных казусов – антидемпинговое расследование ЕЭК в 2018–2019 гг. Оно было инициировано российской компанией «Оптиковолоконные системы», монопольного в ЕАЭС производителя оптоволокна. Департамент защиты внутреннего рынка ЕЭК, внимательно изучив этот вопрос, в итоге вынес вердикт, отказывающий российскому производителю в иске. В мотиве отказа подчеркивались интересы других внутренних производителей оптоволокна [9].

Эксперты в то же время указывают, что постоянно повторяющиеся позитивные прецеденты никак не «перевешивают» имеющиеся в функционировании наднациональных механизмов ЕЭК проблемы как общего, так и прикладного порядка. Сошлемся на несколько последних резюмирующих констатаций: «в ЕАЭС разработано множество регулирующих норм, однако полнота и качество их исполнения оставляет желать лучшего» или «основная проблема, которая обсуждается – это улучшение функционирования механизма принятия конкретных решений, прежде всего в ЕЭК» [10, с. 75, 9].

Заключение

Критические выкладки показывают, что в экспертных кругах есть понимание стратегии и тактики решения подобных проблем. Резюмируя их, можно утверждать, во-первых, что «коридором» осмысления и разрешения наболевших тем станет устранение «перекосов» во взаимоотношениях и установление оптимального баланса между национальными, межгосударственными и союзными интересами.

Во-вторых, политики и эксперты соглашались с выводом о назревшей необходимости качественного расширения регулятивных функций ЕЭК посредством:

- а) совершенствования институциональной структуры самой Комиссии;
- б) правового регулирования лоббистских действий лиц и групп со стороны государств – членов Союза, третьих стран, международных организаций, рыночных игроков;
- в) дальнейшего улучшения взаимоотношений между ЕЭК и Судом ЕАЭС;
- г) продолжения разработки и внедрения продуктивной, практикоориентированной модели сотрудничества в сфере науки и культуры, образования и туризма между странами – участницами ЕАЭС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / отв. ред. В. И. Герасимов. – М. : ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2 : в 2 ч. – Ч. 1. – 636 с.
2. Межевич, Н. ЕАЭС нуждается в новых механизмах принятия решений [Электронный ресурс] / Н. Межевич // Евраз. исслед. – Режим доступа: <http://eurasianstudies.org/archives/13000>. – Дата доступа: 27.08.2019.
3. Ватыль, В. Н. Восточная Европа в сопряжении ЕС и ЕАЭС: социальные реалии и проекты / В. Н. Ватыль // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2019. – № 2, т. 9. – С. 73–80.
4. Евразийский экономический союз. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. – 296 с.
5. Александров, Ю. Г. Евразийская экономическая интеграция: ЕАЭС / Ю. Г. Александров. – М. : Стратег. изыскания, 2018. – 272 с.
6. Зуев, В. Н. Наднациональные механизмы интеграции / В. Н. Зуев. – М. : Магистр, 2014. – 288 с.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16-3855/98a8f55675599bff-25bc5dbc4feb3d8062d7e90/. – Дата доступа: 27.08.2019.

8. Структура Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/RU/Pages/structu-re.aspx>. – Дата доступа: 27.08.2019.

9. Антидемпинговое расследование ЕЭК закончено не в пользу портфельной компании «Роснано». Чему рады белорусы [Электронный ресурс] // TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/650496.html>. – Дата доступа: 27.08.2019.

10. Куприянов, А. Евразийская хорда, океанское кольцо / А. Куприянов, А. Королев, Н. Унникришнан // Россия в глобальной политике. – 2019. – № 3. – С. 64–80.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.08.2019

Vatyl V. N. Supranational Level of Regulation in the EAEU: Institutional and Normative Dimension

Based on the structural, functional and institutional approaches, an understanding of the specifics of administration and management in the main institutions of the EAEU, mainly the Eurasian Economic Commission, is revealed. One of the key terms of the article is «supranational level of regulation». In fact, this level represents a special relationship between institutions, academic institutions, rules and norms created by the canons of international agreements and law, with the approval of interested national states, taking it beyond the limits of state borders in order to solve constructive tasks and programs of integration. The institutional and normative content of the supranational level of regulation in the work of ECE is presented. These are the practices of the supranational mechanism in ECE, the problems that arise and the expert proposals for resolving them.

УДК 32.01

В. С. Михайловский

канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета
e-mail: vadim2010minsk@mail.ru

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ПОЛИТОЛОГИИ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Развитие политической науки представляет собой последовательное междисциплинарное становление политологических субдисциплин. В результате экстраполяции достижений других дисциплин политология предстала как совокупность субдисциплин: политическая психология, экономика, география, социология, антропология и сравнительная политология. Междисциплинарная интенция сохраняется и в современной политологии, что подтверждает перечень исследовательских комитетов Международной ассоциации политических наук. Современная политология обращается к широкому диапазону научных дисциплин, в том числе к таким специфическим для политологического знания, как биология, экология, климатология. Эта тенденция отражает не только перспективы развития политологии, но и реалии работы современного политолога. В статье выявлены внутридисциплинарные и общеметодологические риски междисциплинарной перспективы политологии, связанные с разобщением политической науки и волюнтаризмом в генерации новых субдисциплин.

Введение

На постнеклассическом этапе развития науки стало понятно, что одно и то же явление можно описать с помощью разных наук или разных научных подходов. Междисциплинарный «срез» является одним из направлений изучения истории политологии. Междисциплинарная стратегия обогатила политическую науку, став модусом ее становления и развития. Цель данной статьи – провести анализ междисциплинарной интенции в политологии и выявить перспективы междисциплинарного развития современной политической науки. Междисциплинарности в политологии посвящены отдельные исследования Г. Алмонда, М. Догана, Р. И. Гудина, А. И. Корюшкина. Однако отсутствуют работы, в которых междисциплинарная история политологии рассматривалась бы в фокусе внутридисциплинарных и общеметодологических рисков для перспективного развития политической науки.

Междисциплинарная интенция изначально была характерна для политологии. Если понимать политологию как все многообразие рационально-критического осмысления политики, то она исходит из философской традиции античности, когда возникает рационально-критическое мышление и стремление логически обосновать, теоретически осмыслить политические процессы (*политическая философия*). Однако междисциплинарная интенция политологии особенно ярко проявилась именно в первой половине XX в. в США, где политическая наука обрела подлинно профессиональный характер. Американский исследователь Г. Алмонд в своей хрестоматийной статье «Политическая наука: история дисциплины» обозначил три «пика» в развитии политологии. Все они связаны с привнесением в политологию новых методов исследований: эмпирические исследования, поведенческий подход, логико-математические методы [1, с. 69]. Эти сциентистские стремления объясняются желанием «первых политологов» придать своим исследованиям более строгий научный статус. Особое значение в становлении «строго научной» политологии принадлежит группе исследователей Чикагского университета (Ч. Мерриам, Х. Госселл, Г. Лассуэл, Л. Уайт, Э. Фройнд и др.), работавшей в период с 1920-х по 1940-е гг. Ч. Мерриам в 1931 г. опубликовал своего рода «план» развития политологии. Суть сводилась к призыву к активной интеграции внутри поли-

тологии, призывая к активной интеграции внутри общественных наук в целом и между естественными и общественными науками [2, с. 45–46, 49–50].

Междисциплинарные намерения Ч. Мерриама не остались декларативными, а были реализованы как самой Чикагской школой, так и за ее пределами. Наибольшее значение для развития политологии имела интеграция со следующими дисциплинами: психология, математика, экономика, география, социология, антропология.

Междисциплинарная стратегия синтеза политологии и психологии была реализована в самой Чикагской школе. Одним из ярких примеров является *политическая психология*, которая положила начало особым исследованиям политического поведения. Г. Лассуэлл, основатель политической психологии, в одной из последних работ («Стратегическая ориентация политической науки» (1971)), подводя итоги своих научных изысканий, указывал на междисциплинарность как одно из трех условий проведения политических исследований [Цит. по: 3, с. 174–175].

После Второй мировой войны активное развитие индустрии избирательных кампаний требовало от политологов навыков работы с большими объемами статистических данных и использования математических методов их обработки. Математическая ориентация сохранилась и после того, как политологи начали связывать анализ политического процесса не с поведением индивидов, а с экономической логикой (обменом, прибылью, издержками, конкуренцией, рынком). Во второй половине XX в. – в период господства в политологии теории рационального выбора – количественные, математические и эконометрические методы получили наиболее широкое распространение.

В этой связи стоит обратить внимание на «сложные» отношения политологии с экономической наукой. В предисловии к сборнику научных трудов конференции «Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество?» отмечался контраст российского и американского опыта междисциплинарного взаимодействия политологии и экономики. В России «они существуют в параллельных мирах и практически не пересекаются, хотя очень часто обращаются к одним и тем же проблемам»; в США «между экономистами и политологами существует весьма условная граница» [4, с. 6]. *Политическая экономия* – одно из главных направлений западной политологии.

В политологии наряду с экономическим измерением получило широкое распространение пространственное измерение государства, которое связывают с книгой «Политическая география» (1897) немецкого географа Ф. Ратцеля. *Политическая география* – спорная в плане дисциплинарного отнесения область знания. Основной объект изучения политической географии – территориально-политические системы во всем многообразии их проявления. Отсюда и методология политической географии крайне многообразна: описательный, сравнительно-географический, картографический методы, социологический опрос, метод экспертной оценки, геополитическое прогнозирование.

Междисциплинарная интенция политологии коснулась и социологии. Это объясняется тем, что социология имела ключевое значение в дисциплинарном становлении политологии. Именно через социологию политология обогащалась новыми методами исследований, в том числе математическими.

В середине XX в. на стыке социологии и политологии возникла *политическая социология*, которую связывают с именами американских исследователей С. Липсета и П. Лазарфельда. Дисциплинарное отнесение политической социологии является спорным вопросом. Белорусские исследователи А. Н. Данилов и Ж. М. Грищенко указывали, что основное отличие политологии и политической социологии заключается в различных методологических подходах. Для политологии характерно исследование политики «сверху» – «с точки зрения самой власти или правящей элиты» (нормативный

подход); для политической социологии – «снизу», т. е. «со стороны гражданского общества» (инструментальный подход) [5, с. 95].

К числу междисциплинарных направлений политической науки можно отнести *сравнительную политологию*. Становление сравнительной политологии связывают с трудами английского исследователя Э. Фримена («Сравнительная политика», 1873), который использовал методы сравнительной филологии, а также с работами Г. Алмонда. Междисциплинарность сравнительной политологии XX в. определялась необходимостью заимствования информации (данных, показателей) из других дисциплин. Особое влияние на развитие сравнительной политологии оказали начавшие издаваться с 1950-х гг. отчеты ООН и других организаций о социальной ситуации в мире. Сравнительная политология формируется как область синтеза политологии с социологией, экономической наукой, историей и такими субдисциплинами, как историческая социология, социальная история, экономическая история, история культуры, антропология.

Важнейшим направлением сравнительной политологии является изучение процессов политической модернизации. Этот вопрос является предметом еще одной междисциплинарной области знания – *политической антропологии*. Возникновение политической антропологии связывают с книгой «Африканские политические системы» (1940) под редакцией М. Фортеса и Е. Эванс-Притчарда. Также стоит отметить книгу «Политическая антропология» (1959) Д. Истона, целью которой как раз и было конституирование в рамках политологии новой научной субдисциплины.

В методологическом измерении политическая антропология представляет собой замену познавательного инструментария политической философии на новые сравнительные методы исследования неевропейских обществ. Антропологический подход является сущностным для политической антропологии, но не единственным. В дальнейшем (с середины 1950-х гг.) политическая антропология обогащалась теорией процессов, неозволюционизмом, структурным функционализмом и системным подходом. Два последних стали важнейшей вехой в развитии политологии, оказав существенное влияние на логику ее развития.

Главный концептуальный посыл структурного функционализма и системного подхода в том, что явления живой и неживой природы можно описать как взаимоотношения между элементами системы, ее структурами, которые выполняют определенные функции и испытывают влияние внешнего воздействия. В политологии теория систем впервые была применена Д. Истоном. Структурно-функциональный подход в его современном понимании для политической науки связывают с социологами Т. Парсонсом, Р. Мертоном, К. Дэвисом и с политологами Г. Алмондом, Д. Аптером, Р. Пауэллом.

Таким образом, одним из направлений формирования политической науки было междисциплинарное обогащение. Как итог политология представляет собой совокупность политических наук (субдисциплин). Междисциплинарность для политологии – это способ привнесения наиболее эффективных методов из других областей знания. Методологическая открытость политологии выступает гарантом ее актуальности и адаптивности к новым предметам познания. Обратная сторона междисциплинарности в политологии заключается в том, что и представители других наук также стремятся изучать политику. Политологи способны вывести идеи, заложенные там, на профессиональный уровень политического анализа.

Междисциплинарная составляющая политологии не оспаривается научным сообществом, что подтверждает перечень исследовательских комитетов Международной ассоциации политических наук. В обширном перечне комитетов значительную часть составляют междисциплинарные направления: политическая социология, наука и политика, биология и политика, политика и этика, политика и география культур, политическая психология, политическая философия, международная политэкономика [6]. В ре-

зультате современная политология трактуется как наука с выраженной «специализацией, фрагментацией и гибридизацией» [7, с. 116]. обстоятельный анализ литературы позволяет говорить о следующих современных междисциплинарных направлениях в политологии: биополитика, политическая экология, климатология, регионалистика, семиотика, лингвистика, коммуникативистика, конфликтология, рискология, концептология, имиджелогия и политические менеджмент и маркетинг.

Интенция современной политологии на междисциплинарный синтез находится в рамках общей тенденции развития науки и истории политологии. Однако эти предпосылки не лишают междисциплинарную перспективу политологии определенных *рисков*, внутрдисциплинарных и общеметодологических. Общенаучная интенция на интеграцию и участие политологии в этом процессе оказывают влияние на ее дисциплинарное единство. Ситуация методологического разобщения политической науки нашла отклик у ведущих политологов своего времени. Еще в конце 1980-х гг. Г. Алмонд сравнил направления в политологии с «одинокими постояльцами кафе, сидящими за разными столиками» [8, с. 828]. Российский исследователь А. И. Корюшкин выказывает обеспокоенность излишней конкуренцией в политологии, а также «расщепленностью самосознания современной политической науки, ее идентичности» [9, с. 332]. С нашей точки зрения, политология существует в первую очередь как коллективная рефлексия исследователей. Нет идентичности политологии вне идентичности политологов, и любая внутренняя конкуренция идет на пользу дисциплине, если воспроизводится в рамках убеждения о целостности дисциплины. Как отмечали австралийский исследователь Р. И. Гудин и немецкий исследователь Х. Д. Клингеманн, в политологии, «несмотря на то, что каждый ученый и каждая исследовательская группа ставят акценты на различном сочетании тех или иных элементов, существует неперемное согласие о правомерности такового положения вещей, к тому же это согласие достигнуто скорее с радостью, чем с недовольством» [10, с. 38].

Более существенным проблемным аспектом политологической междисциплинарности является сама стратегия (методология) генерации новых субдисциплин. Несмотря на свой универсальный характер в деле интеграции знания, междисциплинарность несет в себе определенные *риски*: «утрата аутентичности» дисциплины, «специфики предмета и метода»; «искажение результатов» исследования; «неадекватность заимствованных методов предмету, задачам и источниковой базе»; «механическое перенесение терминов и понятий» [11, с. 90]. Учитывая все риски, научное сообщество наряду с позитивной оценкой перспектив междисциплинарности высказывает определенные требования и рекомендации к междисциплинарным исследованиям: «четкое описание постановки задачи и методов ее решения (с дисциплинарной идентификацией)»; «полное описание предпосылок, принимаемых автором»; «указание на критерии проверки гипотез»; «указание признаков, необходимых для идентификации работы в дисциплинарном научном потоке» [12, с. 22].

Мы считаем, что, несмотря на обилие рисков междисциплинарности, многие из них нивелируются пониманием границ междисциплинарных проектов. М. Доган писал: «На деле исследование с привлечением нескольких научных дисциплин означает применение их отдельных областей и средств, но не дисциплин в целом» [7, с. 115]. Это указание французского исследователя рассматривается нами как отправное в построении новых политологических субдисциплин. Также для должной генерации междисциплинарности на первоначальном этапе исследования должны быть определены: цель, предмет, исходная научная проблема, гипотеза проекта, а также предпосылки и ограничения синтеза дисциплин. Такой набор элементов постулирует две составляющие междисциплинарной стратегии в политологии: содержательную (призванную ответить на вопрос «зачем разрабатывать новую субдисциплину?») и формальную («как разраба-

тивать новую субдисциплину?»). Учет содержательных и формальных ограничений позволяет нивелировать волюнтаризм в междисциплинарном развитии политической науки.

Заключение

В результате исследования было выявлено, что становление политической науки неразрывно связано с междисциплинарным взаимодействием. Зародившись в рамках античной философской рефлексии, политология в XX в. продемонстрировала успешный путь междисциплинарного объединения с психологией, социологией, математикой, экономикой, географией и антропологией. Субдисциплинарная структура отражает открытость политологии для экстраполяции эффективных методов исследования, а также целостность политической науки. Современная политология обращается к широкому диапазону дисциплин (рискология, конфликтология, менеджмент, маркетинг, имиджелогия, лингвистика, семиотика, коммуникативистика), в том числе к таким специфическим для политических исследований областям знания, как биология, экология, климатология. Эта тенденция отражает не только перспективы развития политологии, но реалии работы современного политолога. Новизна результатов заключается в том, что были выявлены внутрдисциплинарные и общеметодологические риски междисциплинарной перспективы политологии и пути их разрешения. Первые нивелируются на уровне профессионального согласия политологов в вопросе о позитивной природе междисциплинарного развития политологии. Вторые связаны с тем, что отсутствие единого алгоритма междисциплинарного синтеза возлагает на исследователя необходимость выработки собственной стратегии интеграции политологического знания с учетом методологических ограничений междисциплинарных проектов. Учет и управление рисками междисциплинарности обеспечивает эвристичные перспективы развития политологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмонд, Г. А. Политическая наука: история дисциплины / Г. А. Алмонд // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна ; науч. ред. Е. Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 69–112.
2. Мерриам, Ч. Новые аспекты политики / Ч. Мерриам // Политология : хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М. : Гардарики, 2000. – С. 42–50.
3. Короткова, Н. В. Г. Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики / Н. В. Короткова // Полит. наука. – 2000. – № 4. – С. 155–178.
4. Заостровцев, А. П. Предисловие / А. П. Заостровцев // Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество? : сб. / под ред. А. П. Заостровцева. – СПб. : Леонтьев. центр, 2016. – С. 5–11.
5. Данилов, А. Н. Политическая социология: во власти методов или в плену стереотипов / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко // Социология. – 2012. – № 3. – С. 93–104.
6. Research Committees (RC) – Complete list of Research Committees [Electronic resource] // Intern. Polit. Science Assoc. – Mode of access: <https://www.ipsa.org/researchcommittees/rc/rlist>. – Date of access: 22.06.2019.
7. Доган, М. Политическая наука и другие социальные науки / М. Доган // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна ; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М., 1999. – С. 113–146.
8. Almond, G. A. Separate tables: schools and sects in political science / G. A. Almond // Polit. Science and Polit. – 1988. – Vol. 10, № 4. – P. 828–841.

9. Корюшкин, А. И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности / А. И. Корюшкин // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. Политология. Междунар. отношения. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 320–333.

10. Гудин, Р. И. Политическая наука как дисциплина / Р. И. Гудин, Х. Д. Клингеманн // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна ; науч. ред. Е. Б. Шестопап. – М., 1999. – С. 29–68.

11. Поршнева, О. С. Становление междисциплинарной парадигмы современного исторического знания, ее возможности и ограничения / О. С. Поршнева // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. – 2013. – № 1. – С. 84–91.

12. Клейнер, Г. Б. О границах междисциплинарности в современном социально-гуманитарном знании / Г. Б. Клейнер // Междисциплинарность в современном научном дискурсе: теория и практика : материалы науч. семинара Юж. федер. ун-та ; отв. ред. Е. Ю. Баженова. – Ростов н/Д, 2016. – С. 12–23.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.08.2019

Mikhailovski V. S. Interdisciplinarity in Political Science: History and Perspectives

The development of political science is a consistent interdisciplinary formation of political science sub-disciplines. The first political scientists wanted to give their research a more rigorous scientific status. It determined their appeal to the empirical methods of natural sciences and laid the interdisciplinary vector of development of the entire political science. As a result of extrapolation of achievements of other disciplines, political science appeared as a set of sub-disciplines – political psychology, economics, geography, sociology, anthropology and comparative political science. Interdisciplinary intention remains in modern political science. It confirms the list of research committees of the International association of political sciences. Modern political science refers to a wide range of disciplines, including such specific as biology, ecology, climatology. This trend reflects not only the prospects for the development of political science, but also the risks in the work of modern political researchers.

УДК [323.2:37](476)

А. Д. Арсенович

соискатель каф. социально-гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка
e-mail: arsenovichandrey@gmail.com

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Развитие современного постиндустриального общества в условиях глобализации и при постоянно растущем количестве источников информации предполагает наличие высококачественной конкурентоспособной системы образования. Определение стратегической линии ее развития невозможно без участия государственных органов управления и власти, институтов и организаций гражданского общества. Грамотно выстроенная политика в образовательной сфере призвана содействовать политической, экономической и социокультурной модернизации современного общества, обеспечению его безопасности. В работе анализируется взаимосвязь образовательной политики государства и национальной безопасности, ее влияние на развитие личности, общества и государства в целом. С учетом пересмотра и уточнения некоторых положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь дана характеристика категории «образовательная безопасность», которая в обозримом будущем может претендовать на место самостоятельной сферы в структуре обеспечения национальной безопасности белорусского государства.

Введение

Любое общество может существовать лишь при условии, что его члены следуют принятым правилам и нормам поведения, обусловленным конкретными природными и социально-историческими условиями. Человек становится личностью в процессе обучения и воспитания, когда он начинает выполнять общественно-полезные функции. Эта задача в современном обществе решается целенаправленно с помощью системы образования. Образование становится важнейшим фактором развития, содействующим решению экономических, политических, социокультурных и личностных проблем современного общества. Это, в свою очередь, определяет важнейшие цели образования, являющегося важным фактором формирования и развития человеческого индивида [1].

Сущность нынешнего образования заключается в том, что оно не может ограничиться рамками традиционной образовательной системы. Самообразование, дистанционные образовательные программы, информационные технологии становятся неотъемлемой частью современной системы образования и основой дальнейшего постиндустриального развития. В стратегиях развития образования заложен социальный заказ современного общества, который проявляется в подготовке специалистов широкого профиля, позволяющей обеспечить доступность образования, ориентацию человека на развитие своих навыков и умений, отыскать оптимальное сочетание интересов учащегося и потребностей государства.

Нынешний постиндустриальный этап в развитии государств, обусловленный процессами глобализации, ставит перед образовательной сферой задачу интеграции интеллектуального потенциала наций в мировое сообщество, где оно является неотъемлемой частью политического, социального, нравственного развития личности. Современные тенденции XXI в. требуют перехода к новому этапу развития общества на основе знаний и высококачественной системы образования, соответствующей этой цели, информации и эффективных обучающих технологий.

Научный руководитель – Л. Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

Образование выступает одновременно и важнейшим фактором модернизации социально-политической сферы общества, причем в данном случае принципиальной установкой системы образования должно стать не столько формирование и приход к власти «подготовленной» элиты, сколько рост социально-политического и правового сознания рядовых граждан, формирование гражданской политической культуры, без которой невозможно становление гражданского общества, а также основанной на ней национальной безопасности.

Отличительной особенностью развития образования в мире в настоящее время становится повышенное внимание руководства большинства стран к проблемам его качества и эффективности. Образование становится приоритетной областью, содействующей обеспечению национальной безопасности. Об уровне конкурентоспособности страны на мировой арене начинают судить по качеству образовательной подготовки подрастающего поколения. Это требует значительного повышения человеческого, интеллектуального потенциала развивающихся стран и тем самым выдвигает образование на передний план общественного развития. В частности, эффективная деятельность в политической, социальной, духовной сферах общественной жизни предполагает постоянное обновление знаний, получение из постоянно растущих количественно и качественно источников новой информации и ее осмысление. Информация, знания в современном мире становятся тем фундаментом, который лежит в основе развития современного общества и строительства суверенного государства.

Это важнейшее требование находит отражение в формировании и функционировании образовательной политики государства. Понятие «государственная образовательная политика» прочно заняло свое место в ряду таких терминов, как «внутренняя политика», «социальная политика», «экономическая политика», «военная политика», когда в развитых странах мира со всей серьезностью начала осознаваться роль образования как важнейшего фактора экономического развития и социального прогресса и как сферы, требующей особого внимания на общегосударственном уровне.

Опыт стран, достигших в последние два десятилетия мощного экономического подъема, а вместе с ним и высокого уровня благосостояния граждан, свидетельствует о решающей роли государственной образовательной политики как приоритетного направления в развитии личности, общества и государства. Всякая образовательная политика исходит из того, что в ее основе лежат определенные принципы, отражающие закономерные потребности развития и совершенствования личности. Образовательная политика каждого государства определяется исходя из специфики конкретного этапа общественного развития, возможностей общества по обеспечению образовательной системы, уровня зрелости общественных отношений и самой личности.

Цели и задачи современной образовательной политики реализуются посредством определения принципов, которые воплощаются в деятельности органов государственного управления и власти, институтов и организаций гражданского общества. Современная стратегическая линия в сфере образования реализуется в основном через государственное участие в управление образовательной сферой, создание его национальной системы, определением основы для их функционирования и развития. Только так образовательная политика приобретает статус государственной образовательной политики.

Важнейшим аспектом модернизации социально-политической сферы общества являются воздействие образования на национальную безопасность страны. Взаимосвязь образования и национальной безопасности еще недавно воспринималась как принципиально новое явление либо имело ограниченные рамки понимания (военное образование, подготовка кадров для правоохранительных органов и органов государственной безопасности и т. п.) [2, с. 11].

В этом случае стоит обратиться к интерпретации понятия «национальная безопасность». Концепция национальной безопасности Республики Беларусь трактует национальную безопасность как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [3]. Это также совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, полноценное развитие общества и всех граждан. Необходимо также иметь в виду и более широкий смысл понятия – в условиях обострения глобальных проблем человечества национальная безопасность приобретает глобальный характер: не может быть безопасного существования ни одного государства, ни одного народа без обеспечения глобальной безопасности человечества [2, с. 12].

Образование выступает универсальным, хотя далеко не единственным фактором обеспечения национальной безопасности страны, воздействуя на все без исключения формы организации социально-политической системы, на все ее составные элементы, а тем самым на все уровни национальной безопасности (безопасность личности, общества, государства) и ее главные составляющие.

Провозглашенная в Кодексе об образовании Республики Беларусь приоритетность области образования, общечеловеческих ценностей, прав человека, права на образование как одного из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Республики Беларусь может быть реальной, содержательной, действенной только в условиях обеспечения безопасности граждан. Ее нарушение затрудняет, а в предельном случае делает невозможной реализацию демократических прав и свобод [4].

Обратная взаимосвязь между образованием и национальной безопасностью обусловлена тем, что безопасность страны обеспечивается ее же гражданами. Она в решающей стадии определяется человеческим фактором. Ведь именно учреждения образования (школы, ссузы и вузы) выступают местом становления человека как личности, его мировоззрения и, следовательно, формируют интеллектуальный, нравственный, трудовой потенциал общества, его способность обеспечивать собственное развитие и безопасность.

Учитывая, что в большинстве работ, посвященных проблеме национальной безопасности Республики Беларусь, образовательная политика практически не затрагивается, актуальным вопросом будет выделение системы образовательных параметров национальной безопасности. Такой вид национальной безопасности можно назвать образовательной безопасностью. Он носит структурный характер при рассмотрении как внутренней, так и внешней безопасности образовательной сферы [2, с. 15].

Образовательная безопасность – одна из важнейших подсистем безопасности общества, определяющая уровень развития всех видов безопасности: экономической, социальной, военной, информационной и др. Уровень этой безопасности, по мнению некоторых исследователей, отражает состояние интеллектуального капитала и образованности общества, входящие в статистическую методику ООН как часть индекса человеческого развития (ИЧР). Уровень образованности в этом индексе рассчитывается как среднеарифметическое значение двух количественных показателей – уровня грамотности взрослого населения в пределах от 0 до 100 % и средней продолжительности учебы от 0 до 15 лет. Значение ИЧР для Республики Беларусь в последние годы колеблется от 0,8 до 0,85 и имеет тенденцию к снижению. Среди 189 изученных стран Беларусь по ИЧР в 2018 г. занимала 53 место, лишь на несколько процентных пунктов уступая Российской Федерации (49 место) [6].

Образовательная безопасность как вид безопасности – одна из составных частей безопасности любой социально-политической организации общества. Однако, являясь в масштабах страны по существу самостоятельным видом национальной безопасности, она законодательно такого статуса не имеет и интегрируется в другие виды безопасно-

сти, в частности в официально признанную Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь социальную безопасность [3]. Принципиально важным, на наш взгляд, будет закрепление в ближайшем будущем в нормативных правовых документах категории «образовательная безопасность» как отдельного, самостоятельного вида национальной безопасности.

Понятие образовательной безопасности как отдельного вида безопасности должно включать в себя следующее:

- Объект безопасности.
- Совокупность жизненно важных интересов объекта защиты.
- Внешние и внутренние угрозы интересам.
- Баланс интересов между объектами защиты [5, с. 119].

Первостепенным в определении вида безопасности является определение жизненно важных интересов, тех интересов, которые необходимо защищать, реализация которых обуславливает само существование объектов защиты и без которых объекты перестают представлять собой единое целое. Для учреждения общего среднего образования, к примеру, это интересы обучения, воспитания и развития, которые можно разделить в самом общем виде на совокупность интересов благополучия и совокупность интересов безопасности. Вторичным является осознание угроз новым интересам, возникающим в процессе их реализации, и связь этих угроз с конкретными интересами.

Сама идея нахождения образовательной составляющей безопасности личности, общества и государства в категории «социальная безопасность» подразумевает акцентуацию внимания на проблеме создания новых механизмов управления стратегией развития и контроля образовательных учреждений, поскольку просчеты и ошибки в образовательной сфере являются весьма дорогими. Выделение образовательной составляющей безопасности должно способствовать развитию культуры безопасности в современном обществе. Эта безопасность призвана обеспечить безболезненный переход к постиндустриальному развитию общества [5, с. 121].

В настоящее время, по оценкам ученых, различия между развитыми и развивающимися странами только на одну треть обусловлены различием в уровнях экономических систем и благосостоянии общества, а на две трети – различием в уровне и качестве предоставления образовательных услуг. И если развивающиеся страны не смогут сделать шаг в освоении того, что несут информационные технологии и понятие информационного общества, они в XXI в. не смогут обеспечить безопасность своей страны перед внутренними и внешними угрозами.

В Республике Беларусь количественные показатели развития образования выглядят более чем внушительно: на начало 2018/2019 учебного года в стране функционировало более трех тысяч учреждений общего среднего образования, более 400 учреждений среднего специального и профессионально-технического образования, 51 вуз [7].

Система высшего образования работает достаточно устойчиво, постепенно модернизируясь в соответствии с мировыми тенденциями и особенностями рынка труда в Беларуси. Наша страна имеет один из лучших показателей наличия специалистов с высшим образованием (298 студентов в 2018/2019 году на 10 000 населения) [7].

Однако для обеспечения безопасности государства важно обращать внимание не только на количественные показатели в образовательной сфере, но и на проблемы его качества. Компетентным государственным органам, с одной стороны, важно определить необходимое количество специалистов с дипломом о получении высшего образования, обеспечивающих запросы различных сфер деятельности государства, с другой – улучшить уровень их подготовки и создать необходимые условия для дальнейшей работы по специальности [8, с. 369].

Кроме этого, оторванность учреждений образования всех уровней, особенно высших учебных заведений, от национальных потребностей, дисгармония между национальным идеалом воспитания и односторонним социальным стереотипом приводит к обеднению эмоциональной сферы молодежи, к моральному релятивизму, преувеличению зависимости процесса познания от его условий. Примером этого служит постепенное сокращение во многих университетах, особенно технического и экономического профилей, учебной программы по дисциплине «Права человека» [9, с. 104]. Такая ситуация пагубно влияет на формирование навыков использования основ права в повседневной жизни, а значит ведет к неспособности обеспечить собственную безопасность, безопасность белорусского общества и государства.

Провозглашенные Кодексом об образовании Республики Беларусь основные принципы и направления развития образования ставят своей целью повышение качества и значимости в обозримой перспективе. Конечным результатом должен быть выход на уровень, соответствующий основным мировым стандартам, создание цивилизованного рынка образовательных услуг. Повышение престижа образования должно рассматриваться как важнейшее направление в формировании интеллектуального потенциала нации, генератор модернизации современного белорусского общества, фундамент безопасности страны.

Заключение

Таким образом, понятие «образовательная безопасность» не является одноплановым, оно включает в себя стороны и аспекты различных сфер жизнедеятельности и развития человека, общества, государства. Она является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности страны. Национальную безопасность Республики Беларусь невозможно обеспечить исключительно или преимущественно средствами образовательной политики. Однако выделение категории «образовательная безопасность» как отдельного вида национальной безопасности, а также качественное обновление государственной образовательной политики и изменение направления ее вектора развития по целому ряду ключевых признаков позволит создать необходимые условия для защиты от внешних и внутренних угроз.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жук, А. И. Образование как основа обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь / А. И. Жук // Адукацыя і выхаванне. – 2014. – № 3. – С. 4–10.
2. Чистохвалов, В. Н. Современная образовательная политика России : учеб. пособие / В. Н. Чистохвалов. – М. : РУДН, 2008. – 246 с.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Раздел I. Основные положения. Изменения и дополнения : Указ Президента Республики Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 621 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 8. – 1/13223.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Минаев, Г. А. Образование и безопасность : учеб. пособие / Г. А. Минаев. – М. : Университет. кн. : Логос, 2009. – 312 с.
6. Индексы и индикаторы человеческого развития (обновленные статистические данные 2018) [Электронный ресурс] // Программа развития Организации Объединен-

ных наций (ПРООН). – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf. – Дата доступа: 12.03.2019.

7. Основные показатели образования на начало 2018/2019 учебного года [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya_sfera/obrazovanie/godovye-dannye_5/osnovnye-pokazateli-obrazovaniya/. – Дата доступа: 12.03.2019.

8. Национальная безопасность Республики Беларусь: состояние и перспективы / М. В. Мясникович [и др.]. – Минск : Экономика и право, 2003. – 451 с.

9. Северин, Э. Н. Становление и развитие теории прав человека в зарубежной и отечественно политической науке : монография / Э. Н. Северин. – Брест : БрГУ, 2018. – 127 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.03.2019

Arsenovich A. D. Educational Safety in the Conditions of Transformation in Modern Belarusian Society

The current stage of development of modern post-industrial society, strengthened by the processes of globalization and the ever-growing number of information sources, implies a high-quality, competitive education system. Determining the strategic line of its development is impossible without the participation of state authorities, institutions and organizations of civil society. Competently built educational policy is designed to promote the political, economic, and socio-cultural modernization of modern society, ensuring its security. The article analyzes the interrelation of the educational policy of the state and national security, its influence on the development of the individual, society and the state as a whole. Taking into account the revision and clarification of some provisions of the National Security Concept of the Republic of Belarus, the author gave a description of the category «educational security», which in the foreseeable future may claim to be an independent sphere of ensuring the national security of the Belarus.

УДК 327:32.019.51:316.77:791.43

А. Н. Костючков

ст. преподаватель каф. социально-гуманитарных наук
Витебского государственного университета имени П. М. Машерова
e-mail: a.n.kostyuchkov@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ КИНЕМАТОГРАФА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ

Кинематограф предстает как важный канал политической коммуникации между отдельными людьми, социальными группами, социальными институтами, нациями. Показаны пути влияния кинематографа на международный имидж, а именно кинособытия и кинофильмы. Кинособытия включают событийный менеджмент и работу через «лидеров мнений». Рассмотрены некоторые практические вопросы. Обозначены этапы создания фильма, формирующего образ страны: определение целей, сегментирование целевых аудиторий, формулирование месседжа, формирование канала коммуникации. Указаны возможные социально-политические объекты размещения по технологии product placement. Статья содержит примеры, подтверждающие теоретические положения работы.

Введение

В современном мире субъекты международных отношений для достижения своих целей все чаще применяют технологии, которые американский ученый и политик Дж. Най назвал «мягкой силой». Одним из проявлений «мягкой силы» выступает международный имидж. Среди его функций важное место занимают функции формирования общественного мнения и создания установки к действию в пользу субъекта имиджа. Последняя из функций является главной, т. к. изменение поведения объекта имиджа и есть та цель, к которой стремится субъект при осуществлении влияния.

Данное исследование носит междисциплинарный характер и имеет целью установить возможности кинематографа в формировании политической составляющей международного имиджа, а также, основываясь на исторических фактах, выявить технологии, приемы и способы, которые могут послужить моделью для нынешних усилий по улучшению политического имиджа Беларуси. Автор статьи обращался к этой теме ранее [1].

Объект данного исследования – кинематограф как средство массовой политической коммуникации. Предметом исследования выступают приемы и способы киновоздействия на массовые аудитории. Материалом исследования является кинематограф как феномен, а также кинофильмы, события и процессы в сфере кинематографа, имеющие отношение к формированию международного, в частности политического, имиджа. При исследовании применялись исторический и диалектический методы, а также системный и аналитический методы.

Под *международным имиджем* автор понимает образ социального субъекта, *целенаправленно* формируемый в сознании иностранных целевых аудиторий (ЦА), а под *международным образом* – любой образ субъекта в сознании иностранных ЦА. Т. е. по отношению к имиджу понятие образа выступает как более широкое. Международным образом обладают не только субъекты международных отношений (государства, межгосударственные объединения, международные организации). В качестве носителей международного образа выступают и любые другие субъекты, имеющие коммуникации вне национальных границ – нации и этносы, политические лидеры, неправительственные организации, в том числе нелегальные (например, террористические организации), ТНК, внутригосударственные регионы.

Весомую долю в международном образе любой страны занимает политическая составляющая, которая важна для ЦА в любой сфере общественной жизни. Этот элемент является ведущим по двум причинам. Во-первых, он оказывает значительное влияние на принятие решений партнерами и оппонентами во всех сферах, поскольку именно государство как ведущий институт политической системы общества определяет основные направления политики. Это значит, что только с политически стабильным субъектом можно заключать политические соглашения, только в его экономику можно делать инвестиции, только такую страну можно безопасно посещать туристам. Во-вторых, политическая составляющая международного образа является самой доступной для сознания массовых аудиторий и самой тиражируемой в СМИ. Каждый день в новостях мы можем видеть сообщения, касающиеся действий того или иного субъекта политики. Таким образом, политический элемент имиджа доминирует над остальными элементами. А т. к. все элементы образа подобны взаимосвязанным сосудам, то, меняя один элемент, можно изменить другие.

Формирование позитивного международного политического имиджа может идти при помощи разного рода инструментов, в т. ч. и культурного плана, а значит и с помощью кинематографа. Кинематограф является «одновременно искусством и средством массовой коммуникации» [2, с. 44]. Он создает важный канал связи между отдельными людьми, социальными группами, социальными институтами, нациями в различных сочетаниях.

Кинематограф – это отрасль человеческой деятельности по созданию движущихся изображений. Он был изобретен в конце XIX в. и является на данный момент популярным видом искусства и не менее популярным способом проведения свободного времени для множества людей. Например, результаты опроса показали, что просмотр фильмов (50 %) как времяпрепровождение российской молодежи уступает только общению в соцсетях (54 %) [3]. А именно по тому, как человек проводит свое свободное время, имея свободу выбора, и определяется его сознание.

Как отрасль одновременно и культуры и бизнеса кинематограф включает соответственно две составляющие: 1) киноискусство, создающее фильмы (творческая составляющая), и 2) киноиндустрия, обеспечивающая производство и распространение фильмов (материальная составляющая).

Как инструмент формирования политического имиджа кинематограф относится к культурным средствам. Кино как вид искусства давно применяется для достижения политических и иных целей в интересах субъектов, производящих фильмы либо финансирующих их производство. Это происходит с целью воздействия как на национальные, так и на иностранные ЦА, что признавалось еще в советское время. Советский энциклопедический словарь характеризовал кинематографию как «важное средство политичес[кой] и науч[ной] пропаганды» [4, с. 582]. В СССР существовала организация (Бюро пропаганды советского киноискусства), которая занималась продвижением советского кино внутри страны и за рубежом.

Среди функций кино, имеющих отношение к социально-политической сфере, в первую очередь нужно отметить такие, как «кинематографическая социализация» и «закрепление и развитие существующей системы общественных отношений» [2, с. 46]. Кино оказывает влияние в первую очередь на массовые аудитории, не имеющие специальных знаний о различных сферах жизни общества. Для этих аудиторий на первый план выходят те стороны международного образа, с которыми они сталкиваются непосредственно или через средства массовой коммуникации. Это политический (в том числе государственный, военно-политический и др.) и туристический аспекты имиджа.

Влияние кинематографа на международный имидж может идти несколькими путями: это кинособытия и кинофильмы. *Кинособытия* включают событийный менеджмент и работу через «лидеров мнений».

Событийный менеджмент – это «организация управления событием, придание ему конкретной направленности в интересах заказчика» [5, с. 129]. В сфере кино он включает организацию кинофестивалей и участие в них, проведение Дней/Недель кино. В ходе этих мероприятий заинтересованной аудитории демонстрируются фильмы. Сам антураж кинофестивалей (красная дорожка, церемонии встречи и награждения и т. д.) оказывает эмоциональное влияние на аудиторию. На фестивалях, в которых участвуют известные люди, «лидеры мнений», формируется общее коммуникативное поле, необходимое для международного диалога. В ходе кинофестивалей общаются режиссеры, актеры, критики и другие представители кинематографа, идет обмен мнениями по различным проблемам сферы кино и не только. В коммуникациях участвуют, как правило, культурные элиты, которые выступают одновременно и субъектом воздействия, и объектом. Оказывают влияние такие мероприятия и на массовые аудитории.

Работа через «лидеров мнений». Образ страны формируют актеры и сыгранные ими герои. Например, С. Лорен и Ж.-П. Бельмондо, Фантомас и жандарм из Сен-Тропе однозначно ассоциируются с Францией, Х. Форд и Д. Депп, Рэмбо и Индиана Джонс – с США и т. д. Имея всемирную популярность и влияние на сознание людей, актеры могут принимать участие в политических и иных кампаниях, и тем самым оказывать влияние на формирование мирового общественного мнения, международного образа. Известным актерам предлагают быть лицом страны, бренда, производителя товаров или услуг. Например, во Франции с 1968 г. избирается символ страны – так называемая Марианна. Ею становится одна из красивых и известных в мире француженок. На данный момент за 50 лет ими были 8 женщин. Из них 4 являлись киноактрисами, представлявшими Францию в течение 20 лет.

Высокий уровень национального актерского искусства также положительно влияет на образ страны. Например, известно более 200 экранизаций приключений Ш. Холмса. Этого сыщика сыграли около 80 актеров из разных стран. Из них британская королева Елизавета II в 2006 г. наградила орденом Британской империи за лучшее в мире исполнение роли только одного – советского российского актера В. Ливанова, что говорит о признании высокого уровня русской/советской актерской школы.

Но главным каналом воздействия выступают, конечно же, сами кинопроизведения, *кинофильмы*. Как замечает Ю. Лотман, «все создатели фильма что-то нам хотят сказать своим произведением. Их лента – это как бы письмо, послание зрителям» [6, с. 6]. Он несет в себе сконцентрированное сообщение, месседж. Информация, содержащаяся в фильме и определенным образом интерпретируемая, влияет на сознание зрительской аудитории в целом и на сознание каждого отдельного человека. Кино оказывает «сложное воздействие – от заполнения ячеек его (зрителя. – А. К.) памяти до перестройки структуры его личности» [6, с. 54]. Через фильмы транслируется образ жизни, передается культура поведения, формируется отношение к событиям и объектам. Зрители, увидев привлекательный образ и уровень жизни, могут начать копировать модель поведения персонажей. В ценностном плане, как пишет М. И. Жабский, кино запускает процесс «кинематографической социализации», формирует «кинематографическую картину мира» [2, с. 46–47], а значит формирует сознание человека и его отношение к политике, к политическим и иным событиям, объектам, социальным субъектам, к самому себе.

Чтобы оказывать воздействие на ЦА, фильм должен получить к ней доступ. Для этого он должен быть конкурентоспособным и быть продвинутым на экраны, т. е. доступным ЦА. С помощью фильмов субъект представляет/презентует себя целе-

вой аудитории, формирует ее представление о себе. Сотни и тысячи голливудских фильмов сформировали устойчивый образ США, их уровня жизни и уровня развития, их военной и политической мощи и образа жизни. На имидж США работают несколько факторов, и «особенно возможность создавать привлекательное кино. Все это дало возможность обрушить *поток имиджа* (выделено нами. – А. К.) Америки на людей, которые никогда не слышали об американских идеалах. Это произошло во многом благодаря преобладанию американского кинематографа» [7, с. 54]. Т. е. кинематограф в США, как сказал режиссер Ю. Грымов, «является не развлечением, а частью государственной политики» [цит. по: 8]. В настоящий момент Китай параллельно с усилением своей экономической, технологической, военной мощи пытается с помощью кино оказывать все большее культурное влияние на мир, и в частности на США [9].

В качестве средств воздействия на иностранные ЦА могут выступать не только художественные фильмы, но и анимационные фильмы [9, с. 94], документальные драмы [10], документальные фильмы [11]. Например, документальные фильмы использовались лидерами «Большой тройки» во время Второй мировой войны для оказания воздействия друг на друга и на народы союзных государств [12, с. 131–132]. Позитивный месседж могут нести даже фильмы на «легкие» темы. Например, французский режиссер Л. Ньето снял в Санкт-Петербурге анимационный фильм «Котобум» о загадочной душе питерских котов, который затем разместил в Интернете [13].

Как при создании, так и при демонстрации фильмов субъект имиджа должен учитывать социокультурные и политические аспекты. Сюжеты фильмов либо отдельные их сцены могут трактоваться иностранными зрителями неоднозначно или вовсе негативно. Особенно это касается фильмов, в которых противопоставляются различные народы и государства. В первую очередь это относится к фильмам политической и военной тематики. Так, в конце 1930-х гг. посол Японии в СССР заявлял протест по поводу художественного фильма «Волочаевские дни» (СССР, 1937), описывавшего интервенцию и пребывание японских войск во Владивостоке в 1918 г. [14, с. 209]. В декабре 1944 г. лидер Британии У. Черчилль писал И. Сталину о художественном фильме «Кутузов» (1943), в котором был показан разгром французских войск Наполеона, следующее: «Я не думаю, что Вы показали этот фильм де Голлю (на тот момент глава Временного правительства Франции. – А. К.), и я также не думаю показывать ему «Леди Гамильтон» (имеется в виду английский фильм о жизни и деятельности английского адмирала Нельсона, одержавшего победу над французским флотом в 1805 г. при Трафальгаре [12, с. 464]), когда он придет сюда для заключения договора» [12, с. 340]. В наше время в комедийном фильме «Интервью» (США, 2014) было показано убийство лидера Северной Кореи Ким Чен Ына, по поводу чего КНДР заявила протест, в том числе и в ООН, и даже угрожала США войной [15].

Не всегда то, что сначала кажется негативным, таковым и остается. Например, фильм «Борат» (США, 2006) с участием британского комика Саши Барона Коэна сначала был воспринят в Казахстане негативно, так как кинопроизведение «представляет Казахстан отсталой страной нищеты, проституции и нетерпимости». Дело дошло до того, что власти Казахстана лишили сайт фильма его изначального доменного имени с расширением .kz [16]. Но затем этот фильм был оценен иначе, поскольку количество туристов выросло в 5 раз – с 90 тыс. (2006) до 450 тыс. (2011), хотя в туристической ассоциации Казахстана затруднились однозначно ответить, связан ли этот рост с выходом фильма [17].

При создании фильма как инструмента формирования имиджа существует несколько этапов.

Определение целей. Целями могут выступать: 1) формирование позитивного отношения к объекту размещения, 2) формирование устойчивых позитивных ассоциаций с объектом, 3) реклама объектов с целью их посещения туристами.

Сегментирование ЦА. Целевыми аудиториями могут быть: 1) массовый зритель, 2) лица, принимающие решения либо влияющие на общественное мнение.

Формулирование месседжа. Месседж в коммуникации – это сообщение, идущее от адресанта к адресату. Адресантом выступает заказчик или/и создатель фильма, а адресат – это ЦА. Фильм должен нести в себе некое сообщение зрительской аудитории. Оптимальным вариантом выступает месседж, который не содержит политических элементов. Т. е. создается «фильм людей, а не идей», в котором на первом плане жизнь и эмоции, а не политика и агитация.

Формирование канала коммуникации. Каналом выступает сам фильм. В него должно быть органично встроено сообщение. Органичность встроенности зависит от жанра, сценария и режиссуры фильма, подбора актеров и их игры. Хорошим вариантом формирования такого канала представляются совместные проекты, когда представители нескольких стран создают фильм, учитывая социокультурные и политические особенности субъекта и объекта образа. В фильме, созданном как инструмент формирования позитивного отношения к стране, необязательно должны присутствовать в качестве положительных персонажей представители субъекта имиджа (СИ) и ЦА. Однако присутствие представителей ЦА позволяет зрителю ассоциировать себя с персонажами фильма, что закрепляет впечатление от фильма, его запоминаемость. Лучшая основа для сюжета – позитивные экранные коммуникации представителей СИ и ЦА.

В фильмах, имеющих целью сформировать позитивное/негативное отношение к кому-либо, чему-либо, практически всегда используется технология *product placement* (PP). *Product placement* – «размещение определенной торговой марки или самого товара/услуги в художественном произведении» [18, с. 113]. Объект размещается в произведении и ненавязчиво предъявляется потребителю несколько раз. Уточняя и дополняя данное определение и исходя из сказанного выше, автор данной статьи считает, что объект может размещаться не только в художественных, но и в документальных и анимационных фильмах. И сам круг объектов размещения может быть значительно шире. Объектом размещения могут выступать: 1) страна в целом, 2) система ценностей и образ жизни, 3) отдельные объекты. В одном фильме может быть несколько объектов размещения.

Страна в целом. Простое упоминание в фильме о стране, даже в титрах, может влиять на формирование имиджа. Фильм может ориентироваться на формирование не только позитивного, но и негативного отношения к стране, (например, использование представителей страны-конкурента в качестве отрицательных персонажей, «плохих парней»). Интересные примеры приводит А. Махина, проанализировавшая «хороших» и «плохих» русских в американских фильмах в 1979–2010 гг. Русские/советские персонажи были, как правило, или космонавтами, или агентами КГБ, или преступниками [19].

Система ценностей и образ жизни. Фильмы помогают познакомиться с культурой страны и менталитетом народа, системой социально-политических ценностей. Например, бразильские сериалы, заполонившие ТВ в 1990-е – начале 2000-х гг., пусть и при неоднозначном отношении к ним, знакомили аудиторию с бразильским образом жизни, культурой, бытом, нравами и т. д. и тем самым формировали эмоционально позитивное отношение зрителя к стране. Современные американские фильмы демонстрируют миру образ США. Военно-политическая мощь страны и свобода каждого гражданина – лейтмотив многих голливудских фильмов. М. И. Жабский так описывает механизм их влияния: «Постоянно погружаясь в образный мир американских и прочих фильмов, зритель, особенно юный, виртуально мигрирует в другое общество, иллюзорно

живет среди его людей, соприкасается с их стилем жизни и проблемами, усваивает иные культурные ценности» [2, с. 48–49]. В кинопроизведениях могут размещаться и шедевры национальной культуры – произведения литературы, музыки, архитектуры и т. д. с целью демонстрации культурных достижений нации.

Отдельные объекты. Объектом размещения могут быть физические объекты, исторические события, социальные институты.

Физические объекты. Довольно часто в фильмах размещаются туристические объекты. Например, художественный фильм «Невероятные приключения итальянцев в России» (СССР, 1973) можно считать презентационным продуктом, рассчитанным на потенциальных туристов из Европы в преддверии Олимпийских игр в СССР. Могут размещаться символические, необычные, знаковые объекты. Кроме того, как пишет британский специалист С. Анхолт, «определенные фильмы имеют тенденцию достигать вторичного эффекта рекламированием места, где происходила съемка» [20, с. 216]. Вследствие этого эффекта возникло новое туристическое направление – кинематографический туризм. Например, фильмы о Гарри Поттере дали основу для многих туристических событий. Проходят Конвенты любителей и фестивали Гарри Поттера, множество туристических агентств и частных гидов предлагают туры по Лондону Гарри Поттера [21].

Исторические события. В кино факты могут интерпретироваться (и даже выдумываться) по усмотрению создателей фильмов. Успешности этого приема способствует то, что в современном обществе многие люди совсем не знают истории, и фактически их сознание представляет собою «*tabula rasa*». Для таких людей художественные фильмы даже с явно вымышленными событиями являются главным учебником истории. Учитывая, что история – это вчерашняя политика, открывается канал для формирования внешнеполитического имиджа страны.

Социальные институты. Политическая система, экономическое развитие, вооруженные силы, спецслужбы, правоохранительные органы и их представители часто выступают объектами размещения. Например, в голливудских фильмах американские президенты и армия США всегда борются «за мир во всем мире», они всегда на стороне Добра, что формирует позитивный политический имидж.

Заключение

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, кинематограф как феномен культуры и искусства обладает определенными возможностями в формировании международного политического имиджа, а значит, может оказывать влияние на формирование положительного (и отрицательного) политического имиджа международных субъектов.

Во-вторых, мы выявили технологии, приемы и способы, которые могут послужить моделью для усилий по улучшению политического имиджа Беларуси на международной арене. Кинематограф может применяться государствами в качестве инструмента формирования собственного позитивного международного имиджа. Для этого необходимо точно обозначать ЦА, формулировать месседж и без искажений его доносить до ЦА, а также четко определять объекты размещения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костючков, А. Н. Влияние кинематографа на международный образ страны / А. Н. Костючков // Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск,

- 16 нояб. 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. – С. 52–56.
2. Жабский, М. И. Глобализм и функции кино в обществе / М. И. Жабский // Вестн. Рос. фонда фундам. исслед. – 2005. – № 4. – С. 43–50.
3. Исследователи выяснили, какой досуг предпочитает российская молодежь [Электронный ресурс] // 5 канал. – Режим доступа: <http://www.5tv.ru/news/-173242/>. – Дата доступа: 22.11.2018.
4. Советский энциклопедический словарь / редкол.: С. М. Ковалев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1979. – 1600 с.
5. Близняк, Р. З. Основные понятия событийного менеджмента в системе электронных коммуникаций / Р. З. Близняк // Теория и практика обществ. развития. – 2010. – № 4. – С. 129–132.
6. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээстираамат, 1973. – 139 с.
7. Рыбакова, М. Г. Предпосылки формирования политического имиджа страны в условиях воздействия массовой культуры (на примере США) / М. Г. Рыбакова // Науч. мнение. – 2012. – № 8. – С. 51–58.
8. Тайникова, Ю. Казус Грымова / Ю. Тайникова // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2011. – 12 янв.
9. Тетерюк, А. С. Кинематограф как инструмент «мягкой силы». Китайский казус / А. С. Тетерюк // Геополит. журн. – 2014. – № 5. – С. 84–95.
10. Стежко, Н. Роль телевизионной драмы как представителя СМИ в формировании позитивного имиджа Беларуси на международной арене / Н. Стежко // Международная журналистика – 2018: глобальные вызовы, региональное партнерство и медиа : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 февр. 2018 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Т. Н. Дасаева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 300–303.
11. Калинина, М. П. Документальное кино как инструмент политического и коммерческого PR: украинский и зарубежный опыт / М. П. Калинина // Интернаука. – 2015. – № 6. – С. 46–52.
12. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. / А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.
13. Кейзерова, А. Коты Петербурга стали кинозвездами [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <http://rg.ru/2014/10/28/kotobum-site.html>. – Дата доступа: 28.11.2018.
14. Бережков, В. М. Страницы дипломатической истории / В. М. Бережков. – М. : Междунар. отношения, 1987. – 616 с.
15. КНДР угрожает США войной из-за фильма о Ким Чен Ыне [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2014/06/140625_nkorea_us_film_row. – Дата доступа: 04.05.2018.
16. Майерс, Стивен Ли. Борот заставляет казахстанские власти кипеть от злости [Электронный ресурс] / Стивен Ли Майерс // АПН. Казахстан. – Режим доступа: <http://www.apn.kz/publications/article6156.htm>. – Дата доступа: 04.05.2018.
17. Каликулов, Д. «Борот» оказался для Казахстана бонусом / Д. Каликулов [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/society/2012/04/120423_kazakhstan_thanks_borat. – Дата доступа: 04.05.2018.
18. Берда, М. А. Рекламные технологии в культуре современного общества: productplacement и cross-promotion / М. А. Берда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2006. – № 5. – С. 112–120.

19. Махина, А. Русские идут / А. Махина // Кинопарк. – 2010. – № 7–8. – С. 40–45.
20. Анхолт, С. Брендинг: дорога к мировому рынку / С. Анхолт. – М. : КУДИЦ-ОБРАЗ, 2004. – 272 с.
21. Лютова, В. 15 реальных мест, в которых обязан побывать каждый фанат Гарри Поттера [Электронный ресурс] / В. Лютова // FISHKI. – Режим доступа: <https://fishki.net/2143977-15-realnyh-mest-v-kotoryh-objazan-pobyvaty-kazhdyj-fanat-garri-pottera.html>. – Дата доступа: 14.12.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.07.2019

Kostyuchkov A. N. Possibilities of Cinematographers in Forming an International Country Image

The article is devoted to the problem of forming the political component of the international image of countries and states with the help of cinema. The author shows cinema as an important channel of political communication between individuals, social groups, social institutions, nations. The ways of cinema influence on the international image are shown, namely film events and movies. The events in turn include event management and work through «opinion leaders». The paper addresses some practical issues. The author defines the stages of creating a film that forms the image of a country: setting goals, segmenting target audiences, formulating a message, forming a communication channel. The article also indicates possible socio-political accommodation facilities by product placement technology. The article contains examples confirming the theoretical provisions of the work.

УДК 316.647.8:323

К. А. Алексенко*аспірант каф. політологіі**Белорусского государственного университета**e-mail: kristinaleks@bk.ru***ИМИДЖ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИИ**

Выделяются основные элементы, на которых строится имидж государства. Раскрываются место и значимость положений Конституции в формировании имиджа государства, а также рамки, в которых необходимо строить вектор развития, чтобы обеспечить консолидацию белорусского общества. Рассматривается имидж в контексте политической культуры. Выявлены основные направления формирования позитивного имиджа Республики Беларусь.

Введение

Имидж выступает одной из форм отражения человеческого мира, а также социальной действительности, которая существовала на всех стадиях развития общества. Традиционно имидж занимал значимое место в политическом процессе. К проблеме образа идеального государства обращались многие мыслители всех времени. Они размышляли изначально об образе правителя, а позже и об имидже государства.

Вопрос политического имиджа как отдельного целенаправленного управления эмоциями и восприятием в системе властных отношений и связей появился вместе с разделением общества. Выделение института власти требовало определенного развития специальных механизмов влияния на общество. Государство возникло как политическое воплощение социума. В современной политической мир-системе представления о конкретном государстве формируются на основе восприятия сообществом комплекса разнообразных внешних и внутренних факторов (характер внешней политики, реализация основных принципов международного права, индекс человеческого развития, внутренний политический микроклимат, стабильность политической системы, создание реальных условий по обеспечению конституционных норм и др.). Мы полагаем, конструкт «имидж государства» представляет собой сложный социально-политический феномен.

Таким образом, целью нашего исследования является выявление основных направлений формирования позитивного имиджа в контексте Конституции Республики Беларусь.

Задачи исследования:

- 1) выделить основные элементы конструкта «имидж государства»;
- 2) определить место и значимость положений Конституции Республики Беларусь в формировании имиджа белорусского государства;
- 3) выявить факторальную роль имиджа в контексте политической культуры.

Контекстуализация имиджа

Республика Беларусь – достаточно молодое государство, тем не менее имеющее длительную историю государственного становления.

Современный мир очень динамичен. Республика Беларусь обладает значимыми имиджевыми конституционными ресурсами, актуализация которых позволит усилить онкурентоспособную позицию белорусского государства на международной арене.

Научный руководитель – Л. Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

При нарастании безконцептуального потока политики главным системообразующим конструктором в нормативно-символической сфере становится имидж. Именно он выступает средством индивидуализации политических проектов [1, с. 360].

Для постмодернистской гносеологии характерен переход от анализа объекта к анализу контекста. Чтобы осмыслить какое-либо явление, уже недостаточно раскрыть его феноменологию. Необходимо также оценить условия, реконструировать контекст.

Метод контекстуализации становится в современных исследованиях основополагающим, а теоретико-методологические и политические основы концепта имиджа заложены в рамках контекста Конституции Республики Беларусь [2, с. 7]. Одно из положений, на которое следует обратить особое внимание, заключается в том, что безопасное развитие личности возможно в условиях национального согласия, отсутствия насилия на религиозной, расовой, социальной или иной почве. Сохранение мира в обществе, разрешение противоречий только посредством правовых средств зависит от разумности власти и тех, кто находится в оппозиции к ней [3, с. 27]. При соблюдении этого базового условия можно говорить о формировании положительного имиджа в стране.

Имидж в идеологическом дискурсе

Конституция Республики Беларусь выступает политико-правовой основой современного белорусского государства. Основной закон закрепляет социально-экономический, конституциональный строй страны, определяя ее культурно-историческую идентичность в глубокой исторической развертке, традиционные для белорусов ценности, мировоззренческие установки, геополитический вектор развития. Таким образом, Конституция, будучи политико-правовым актом, претендует еще на роль политико-идеологического и морально-этического концепта.

Идеологическое измерение задают положения преамбулы Конституции, ее разделы (1. Основы конституционного строя, 2. Личность, общество, государство), но в конечном итоге прямо или опосредованно на обеспечение идеологического выбора направлены все ее нормы. В этом смысле Конституция становится «площадкой», предназначенной для постановки предельных вопросов бытия государства, народа, граждан: кто мы в политико-правовом пространстве, каково наше место в многовековой истории, в чем наше предназначение, чье дело мы продолжаем.

Ответы на указанные вопросы в виде мировоззренческой позиции ведут к закладке идеологии современного белорусского государства, ядром которой выступает национальная идея. Такая идея представляет собой емкое и зачастую метафорическое выражение главных ценностей и стратегических целей ее народа, имеющих основания в истории и предполагающих реализацию в длительной перспективе посредством солидарных усилий многих поколений. Зачастую ее усиленный вариант формируется как призыв, девиз, близкий к официальной символике.

Идеология белорусского государства служит вовлечению людей в значимые дела и помогает разложить эту работу на много поколений, обеспечивая преемственность усилий, с тем чтобы каждое поколение проходило свой отрезок пути, опираясь на сделанное до него и заботясь о том, что оно передает потомкам. Ее сила не только и не столько в конституционном закреплении, сколько в улавливании и выражении глубинных интересов и чаяний народа, действительных национальных интересов, а также индивидуальных и накопленных чувств людей. Без этого такая идеология теряет свое стимулирующее значение. Как соотносится мировоззренческое, в том числе политико-идеологическое, содержание Конституции Беларуси с нормой ч. 2 ст. 4, гласящей, что идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан?

В любом случае эта норма не распространяется на конституционные идеологемы и уточняющие их мировоззренческие концепты.

Приведенный запрет предлагает свое ограничительное истолкование. Он исключает придание иным (не закрепленным в Конституции) политико-идеологическим постулатам узкогрупповой направленности значения прямых властных регуляторов глубинных отношений, как будто законодательно установленным. Такие постулаты не могут вводиться в законодательство как обязывающие людей к определенному мировоззренческому выбору. Названный запрет противостоит навязыванию обществу узкогрупповых (партийных) идеологических воззрений, он помогает в государственной политике ориентироваться на прагматизм, избегая идеологической зашоренности.

Главным участником выявления идеологического вектора Конституции является ее нормативно-доктринальное освоение в рамках программно-директивного регулирования, складывающегося на стыке нормативной и индивидуальной конкретизации конституционного текста. Так, утверждаемые Президентом, Правительством концепции, установки Посланий выступают в качестве средств программно-директивной конкретизации Основного закона.

Программно-директивная конкретизация конституционных положений об идеологическом выборе страны является развитием ее собственного программного характера. Данная конкретизация направлена на поиск и практическое воплощение таких установочных концептов, которые бы наиболее точно, в конституционно заданных пределах, выражали особенности Беларуси, стоящие перед ней вызовы и средства оптимального ответа на них.

Стратегии, доктрины, концепции призваны развернуть политико-идеологические концепты в сторону их практического применения в политико-правовом регулировании. Они выступают в качестве ценностно-смысловых оснований такого регулирования. Эффективность их совокупного действия зависит в том числе от их взаимосвязи. Ее усиление не обязательно предполагает их официальную систематизацию и выделение базовой стратегии, доктрины, хотя данный вариант заслуживает внимания. В этом направлении стоит обсудить вопрос о концепции идеологии белорусского государства. Более четкое сопряжение стратегий, доктрин, концепций может осуществляться на уровне их неофициальной научной обработки. Здесь полезно, например, сведение воедино положений конституционных норм, а именно политико-правовые концепты.

Политическая символика в имидже

Республика Беларусь – полинациональное и поликонфессиональное государство. Идеология государства тесно связана с историко-культурной сферой общества. Так, государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь.

Историко-культурное наследие народа Республики Беларусь, созданное им, является его достоянием, неотъемлемой частью достижения мировой цивилизации. Ее духовные, художественные и документальные ценности создают необходимые условия духовного, интеллектуального и экономического развития общества. Идентификация, охрана, сохранение, популяризация, передача поколениям историко-культурных ценностей является святой обязанностью государства, делом чести ее гражданина. Историко-культурными ценностями являются наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства [3, с. 77].

Особое значение для имиджа государства в рамках Конституции имеет символическая политика. На основе исследований российского политолога В. Э. Багдасаряна мы можем отметить некоторые, особо важные для формирования имиджа государства, типы политической символики:

- а) государственные (герб, флаг, гимн);
- б) процессуальные (инаугурация, присяга);
- в) денежные (изображения на деньгах);
- г) архитектурные (политически значимые здания, храмы) [2, с. 6].

На наш взгляд, подробнее следует рассмотреть государственный тип, закрепленный на конституционном уровне: символами Республики Беларусь как суверенного государства являются ее Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн [4].

Следует отметить, что вопрос о государственном флаге и Государственном гербе Республики Беларусь выносился на республиканский референдум и был принят 75,1 % голосов лиц, участвовавших в народном референдуме [3, с. 85].

Обращение к теме политической символики определяется возрастанием значения символов в управлении массовым сознанием. Символы в политике оказывают вероятно сильное влияние на формирование имиджа государства и страны в целом, а отношение к ней определяет уровень самосознания народа в целом.

Символы могут как быть производны от политики, так и сами выступать в роли политических факторов. На основании нового достигнутого понимания практической значимости политической символики ее функционал определяется следующим факторным перечнем:

- 1) политическая самоидентификация в рамках государства и различных общественных объединений;
- 2) политическая самоидентификация в рамках государства и различных общественных объединений;
- 3) политическая маркировка «чужих», с распределением их по степени враждебности – дружественности;
- 4) фиксация и формирование отношений к существующим политическим институтам;
- 5) политическая мотивация;
- 6) политическая пропаганда;
- 7) мобилизация политических сторонников;
- 8) политическая реклама;
- 9) устрашение политических противников;
- 10) декларация политических принципов и позиций;
- 11) политическая коммуникация;
- 12) формирование политической традиции;
- 13) сакрализация;
- 14) установление политической иерархии;
- 15) создание политического имиджа.

Политическая жизнь, соответственно, подстраивается под существовавшие до нее символические прообразы [2, с. 10].

Символика зачастую более коммуникативна, нежели нарратив. Через символ может быть номинирован смысл, который подразумевается, но не допускается к публичному текстуальному декларированию.

Символика во все времена выполняла функцию групповой идентификации. Посредством нее осуществлялась маркировка «своих» и «чужих». Без маркировочных

символов сохранение идентичности в долгосрочной перспективе невозможно. А без идентичности не существует и общества.

Мы полагаем, что символ – это не только маркировочная, но и управленческая категория. С помощью символа можно даже программировать поведенческие реакции. Поэтому политическая символика является одним из ключевых компонентов при формировании имиджа государства.

Анализ имиджа

На основе идеологии белорусского государства и имиджа складывается репутация государства, оценка его внутренней и внешней политики. Поэтому не случайно сегодня проблема формирования положительного имиджа Республики Беларусь занимает важное место в системе приоритетов государства и общества. Следовательно, актуальным является анализ динамики имиджа Беларуси, который на современном этапе представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Для примера можно сделать запрос по ключевому слову в поисковой системе Яндекс. Для сравнения представим запрос по Республике Беларусь и двум граничащим с ней странам. Статистика показывает, как часто пользователи интернет-ресурса делали запросы по ключевому слову: «Беларусь» – 5 054 891 показ в месяц; «Россия» – 58 262 528 показов в месяц; «Украина» – 9 623 764 показа в месяц.

Также можно проанализировать туристическую привлекательность страны: «Беларусь путешествия» – 1 710 показов в месяц; «Россия путешествия» – 29 510 показов в месяц; «Украина путешествия» – 856 показов в месяц [5, с. 24].

Альтернативный источник информации «Google Trends» свидетельствует о том, что в мае 2019 г. был пик популярности запроса «Беларусь», а сверхпопулярные запросы относились к зимним Олимпийским играм 2018 г.

Проанализировав данные, можно сделать вывод, что еще предстоит большая работа для создания привлекательного имиджа белорусского государства. Ведь имидж становится достаточно динамичным, и нам стоит приложить максимум усилий для его надлежащего формирования.

Следует также отметить, что имидж государства в целом означает совокупность политических аспектов, а вот имидж страны – это в первую очередь цивилизационные характеристики, однако в контексте нашего исследования для более точной картины следует рассматривать совокупность этих понятий. На наш взгляд, можно выделить ряд перспективных направлений, с помощью которых необходимо развивать белорусский имидж:

- 1) агротуризм;
- 2) выгодное месторасположение, ведь географический элемент и определяет имидж страны как устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой которого является стремление к усложнению структуры и усилению степени взаимосвязанности его основных элементов [6, с. 35];
- 3) высокий уровень ИЧР (Индекс человеческого развития);
- 4) «транзитная экономика»;
- 5) нанотехнологии в информационных технологиях.

Актуализация вышеназванных направлений в перспективе позволит Республике Беларусь выйти на новый качественный уровень и повысить свою узнаваемость на международной арене.

Заклучение

1. Имидж – это цель и одновременно инструмент управления общественными настроениями. Следовательно, необходимо проделывать над ним большую работу и заботиться о формировании надлежащей репутации. Грамотно сформированный имидж, в свою очередь, будет способствовать развитию государства. Имидж государства представляет собой совокупность внутренних и внешних ключевых характеристик конкретной страны, сформированных в процессе ее национального и государственного становления и развития.

2. Позитивный имидж государства – это не только возможность успешно проводить свою политику на международной арене. Он также выступает как фактор консолидации белорусского общества и обеспечения социально-политической стабильности. Что является весьма весомым и актуальным в современном мире. Высокие рейтинговые позиции государства, в свою очередь, являются значимым фактором политического влияния на дальнейшее формирование устойчивого положительного мнения сообществ на внутривнутриполитической и международной аренах.

3. Политика практически любого государства немислима без целенаправленной, постоянной и систематической работы по совершенствованию своего политического имиджа в рамках конституционного строя, что способствует формированию конструктивного типа политической культуры, основанной на позитивном отношении к государству.

Дальнейший рост имиджа Беларуси как в мире, так и внутри страны зависит от того, насколько эффективно удастся развивать накопленный опыт, основанный на реализации конституционных положений, а также политико-правового, экономического, научно-технического и духовного потенциала белорусского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев, А. И. Политическая идеология / А. И. Соловьев // Политология. Лексикон. – М. : РОССПЭН, 2007. – 360 с.
2. Багдасарян, В. Э. Политическая символика : монография / В. Э. Багдасарян. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 221 с.
3. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2000. – 484 с.
4. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
5. Статистика ключевых слов на Яндекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordstat.yandex.ru>. – Дата доступа: 29.03.2019.
6. Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – СПб. : Алетейя, 2003. – 336 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.04.2019

Aleksenko K. A. The Image of the Republic of Belarus in the Constitutional Context

The main elements on which the image of the state is based are highlighted. The author reveals the place and importance of the provisions of the Constitution in the formation of the image of the state, as well as the framework in which it is necessary to build a vector of development to ensure the consolidation of the Belarusian society. The analysis of available publications on this subject is carried out. Image is also considered in the context of political culture. The main directions of formation of positive image of the Republic of Belarus are revealed.

УДК 316.361 (476)

А. А. Белов¹, С. А. Борейко²

¹канд. социол. наук, зав. сектором организации и управления научно-инновационной сферой
Центра системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Беларуси

²мл. науч. сотрудник сектора организации и управления научно-инновационной сферой
Центра системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Беларуси

e-mail: ¹belov88@tut.by; ²snezhana.boreyko@mail.ru

БРАЧНО-СЕМЕЙНАЯ СТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Анализируются результаты социологического исследования 2017 г., проведенного по методологии международной программы «Поколение и гендер». Определяется половозрастная специфика распространенности брачных и семейных статусов.

Введение

В социологии и демографии брачно-семейный состав населения рассматривается как базовая социально-демографическая структура, оказывающая непосредственное влияние на процессы воспроизводства поколений. Традиционным источником информации для оценки брачно-семейной структуры выступают переписи населения. Однако подход к учету брачного статуса в рамках переписей населения в Беларуси остается ориентированным на зарегистрированный брак. В частности, большинство учитываемых статусов так или иначе связаны с официальным браком: «никогда не состоял(а) в браке»; «состою в зарегистрированном браке»; «вдова/вдовец»; «разведен(а)». Для незарегистрированных союзов предусматривается всего две позиции: «состою в незарегистрированных отношениях»; «разошелся/разошлась».

Более гибкий подход к учету брачно-семейной структуры реализован в рамках методологии международной исследовательской программы «Поколение и гендер». Здесь официальный брак рассматривается только как одна из форм регулярной моногамии наряду с другими вариантами брачных союзов. Подобный подход позволяет более полно рассмотреть брачно-семейную структуру общества, что и является основной целью работы.

Эмпирической базой для достижения поставленной цели стали результаты социологического исследования, проведенного в Беларуси в 2017 г. по методологии международной программы «Поколение и гендер» [1]. Это исследование стало самым масштабным проектом в области демографии, реализованным в Беларуси за последние 5 лет. Объем выборки составил около 10 тыс. человек в возрасте 18–79 лет, а ее формирование проводилось на основании материалов последней переписи населения и включало несколько этапов отбора (населенный пункт, счетный участок переписи, домохозяйство, респондент). Отбор домохозяйств осуществлялся случайным образом на основании полного перечня адресов квартир и частных домов, в которых проживает население необходимого возраста. Сбор данных проводился одной из ведущих социологических организаций страны – Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.

Современная белорусская семья: структура и возрастные различия

В целях анализа семейного положения респондентов определено четыре категории учета семейного состава их домохозяйств.

К первой категории учета относятся т. н. «нуклеарные домохозяйства», т. е. нуклеарные семьи, занимающие отдельное жилое помещение (квартиру, комнату в общежитии, частный дом). Данная категория объединяет всех респондентов, проживающих совместно со своим брачным партнером и/или детьми. При этом понятие «брачный партнер» охватывает не только супругов, состоящих в зарегистрированном браке, но и фактических брачных партнеров, с которыми у респондентов имеются отношения в течение не менее 3 месяцев (далее – партнер). В свою очередь, понятие «дети независимо от возраста» охватывает биологических детей респондента, пасынков и падчериц, а также усыновленных детей. Нуклеарная семья может иметь три разных состава: супружеская пара (или партнеры) без детей; супружеская пара (или партнеры) с детьми (полная нуклеарная семья); один родитель с детьми (неполная нуклеарная семья). Во всех трех случаях определяющее значение имеет факт совместного проживания.

Ко второй категории учета относились респонденты, чьи нуклеарные семьи проживают в одном помещении с родителями одного из супругов (партнеров), т. е. родителями самого респондента или его супруга (партнера).

К третьей категории относились респонденты, чьи нуклеарные семьи разделяют жилое помещение с другими родственниками (не родителями) или людьми, которые не являются для них родственниками.

К четвертой категории учета были отнесены все респонденты, которые не имеют собственной нуклеарной семьи, т. е. проживают в домохозяйстве без супруга (партнера) и детей. Если респондент относится к этой категории, это еще не означает, что его домохозяйство состоит из одного человека. Представители данной группы могут проживать со своими родителями, родственниками и/или людьми, которые не являются для них родственниками.

В результате анализа данных выявлены существенные различия семейного состава домохозяйств в зависимости от пола и возраста респондентов.

В младшей возрастной группе (18–19 лет) большинство мужчин (97 %) и женщин (88 %) еще не успевают сформировать собственные нуклеарные семьи и проживают в домохозяйствах без супруга (партнера) и детей.

Наибольшая доля мужчин (77 %) и женщин (69 %) в этом возрасте продолжают проживать со своими родителями. Однако уже в возрасте от 20 до 29 лет ситуация значительно меняется. Большинство женщин (около 70 %) и значительная часть мужчин (около 40 %) образуют собственные семьи. При этом большинство этих семей проживают в отдельных (от родителей или других людей) домохозяйствах. Так, 77 % из числа женщин и 85 % из числа мужчин, образовавших семью в этом возрасте, проживают со своим супругом (партнером) и/или детьми в отдельном жилье.

Кроме того, большинство нуклеарных семей респондентов (учитывая все категории домохозяйств) уже в этом возрасте имеют как минимум одного ребенка (75 % из числа женщин и 64 % из числа мужчин, образовавших собственную семью).

В возрастной группе от 30 до 39 лет как среди мужчин, так и среди женщин наблюдается наибольшая доля респондентов, образовавших полные нуклеарные семьи (69 % женщин и 64 % мужчин). При этом большая часть из них живет отдельно от родителей супругов (партнеров) и других родственников.

В таких домохозяйствах проживает 62 % женщин и 56 % мужчин указанного возраста. В то же время в этой возрастной группе наблюдается значительное увеличение доли неполных семей, состоящих из одного родителя с ребенком. Такой семейный статус имеют 16 % от общего количества женщин и менее 2 % от общего количества

мужчин в возрасте от 30 до 39 лет (для сравнения: в возрасте 20–29 лет – 9 и менее 1 % соответственно).

При этом распространенность указанного статуса среди мужчин и женщин достаточно точно отражает сложившуюся ситуацию, когда ребенок после развода супругов, как правило, остается с матерью.

Справочно. Согласно переписи населения 2009 г., в Беларуси насчитывалось более 235 677 семей с одним родителем, воспитывающих несовершеннолетних детей (19,6 % от общего количества семей с несовершеннолетними детьми). При этом в 92,7 % случаев дети проживают с матерью и только в 7,3 % случаев – с отцом [2].

В возрасте от 40 до 49 лет значительно уменьшается доля женщин, проживающих в одном домохозяйстве со своими детьми. Так, учитывая все категории домохозяйств и виды нуклеарных семей, в 30–39 лет со своими детьми проживает 85 % женщин, тогда как в 40–49 лет этот показатель снижается до 64 % (в том числе 21 % женщин проживают со своими детьми без супруга или партнера).

Подобная динамика обусловлена взрослением детей респондентов и покиданием ими родительского дома. Вместе с тем у мужчин этого же возраста подобной тенденции не наблюдается: доля респондентов, проживающих со своими детьми, остается на уровне предыдущей возрастной группы (около 65 %). Различия по полу в этой возрастной группе обусловлены тем, что мужчины позже женщин вступают в брачные отношения и, соответственно, для них характерен более поздний возраст рождения детей.

После 50 лет у большинства респондентов дети покидают родительский дом. Так, в возрасте от 50 до 59 лет всего около 30 % опрошенных мужчин и женщин продолжают проживать в одном домохозяйстве со своими детьми.

Относительное большинство респондентов в этом возрасте проживают в нуклеарных домохозяйствах с партнером, но без детей. Такая структура домохозяйства характерна для 37 % женщин и 49 % мужчин. При этом в данном возрасте значительно увеличивается доля населения, проживающего в домохозяйстве из одного человека (среди женщин – 26 %, среди мужчин – 15 %).

В пожилом возрасте (старше 60 лет) семейная структура характеризуется наиболее значительными различиями в зависимости от пола. Среди мужчин и женщин этого возраста наибольшее количество респондентов относится либо к нуклеарному домохозяйству, состоящему только из супружеской пары, либо к домохозяйству из одного человека. Причем для мужчин характерно преобладание нуклеарного домохозяйства из супружеской пары (60 % в возрасте 60–69 лет и 63 % – в 70–79 лет).

В свою очередь, для женщин характерно преобладание домохозяйств из одного человека (40 % в 60–69 лет и 60 % в 70–79 лет) (таблица 1).

Такая ситуация в значительной мере обусловлена более высокой смертностью среди мужчин в старших возрастах.

Справочно. По данным демографической статистики за 2016 г., удельный вес мужчин в возрасте от 60 до 79 лет среди всего населения Беларуси от 18 до 79 лет составил 8,4 %; женщин – 13,9 %. Среди населения в возрасте от 60 до 69 лет на каждые 100 женщин приходилось 69 мужчин, а в возрасте 70–79 лет – всего 47 мужчин [2].

Половозрастные особенности брачной структуры

Брачная структура представляет собой распределение населения по группам в соответствии с их брачным статусом (брачным состоянием). При изучении брачной структуры выделяются разные формы брачных союзов (в данном случае термин «брачный союз» не отождествляется с зарегистрированным браком). Вместе с тем наибольшая часть населения относится всего к нескольким группам в соответствии с их брачным состоянием.

В результате проведенного исследования можно выделить три основные формы брачных союзов, охватывающие в каждой половозрастной группе более 95 % респондентов, имеющих постоянного партнера.

Во-первых, это постоянные (более трех месяцев) отношения между мужчиной и женщиной без совместного проживания в одном домохозяйстве и без наличия зарегистрированного брака. Во-вторых, это фактическое сожительство пары без официальной регистрации. В-третьих, это фактическое сожительство в зарегистрированном браке.

В целом большинство белорусских мужчин и женщин получают опыт отношений с постоянным партнером в период жизни до 30 лет. Согласно данным опроса лишь 10 % женщин в возрасте от 25 до 29 лет никогда не имели такого опыта. Среди мужчин этого же возраста данный показатель выше и составляет 28 %. Значения этого показателя выравниваются между мужчинами и женщинами только в интервале 35–39 лет, когда опыт отношений с постоянным партнером имеют около 90 % мужчин и 95 % женщин.

Отношения с постоянным партнером без сожительства и регистрации брака как среди мужчин, так и среди женщин наиболее распространены в возрасте до 25 лет. Так, в возрастной группе от 20 до 24 лет такой брачный статус имеет 15 % женщин и 17 % мужчин. После 30 лет доля респондентов с таким брачным статусом варьируется от 2 до 6 %.

Половозрастные различия наблюдаются и по распространенности такого брачного статуса как фактическое сожительство без официальной регистрации отношений. Среди женщин такая форма брачного союза имеет наибольшее распространение в возрастных группах от 20 до 29 лет (10 % от всех женщин в этом возрасте), тогда как среди мужчин – в группах от 25 до 34 лет (около 9 %).

Совместное проживание в зарегистрированном браке охватывает более половины женщин начиная с возрастной группы от 25 до 29 лет, тогда как мужчин – начиная с группы от 30 до 34 лет. При этом максимальная доля женщин в зарегистрированном браке наблюдается в возрасте 30–34 года (71,4 %).

В более старших группах женщин распространенность зарегистрированного брака начинает уменьшаться при одновременном увеличении доли респондентов, не имеющих партнера. Среди мужчин подобной тенденции не наблюдается. В результате в возрасте от 45 до 49 лет удельный вес мужчин в зарегистрированном браке составляет около 75 %, женщин в этом же возрасте – около 52 %.

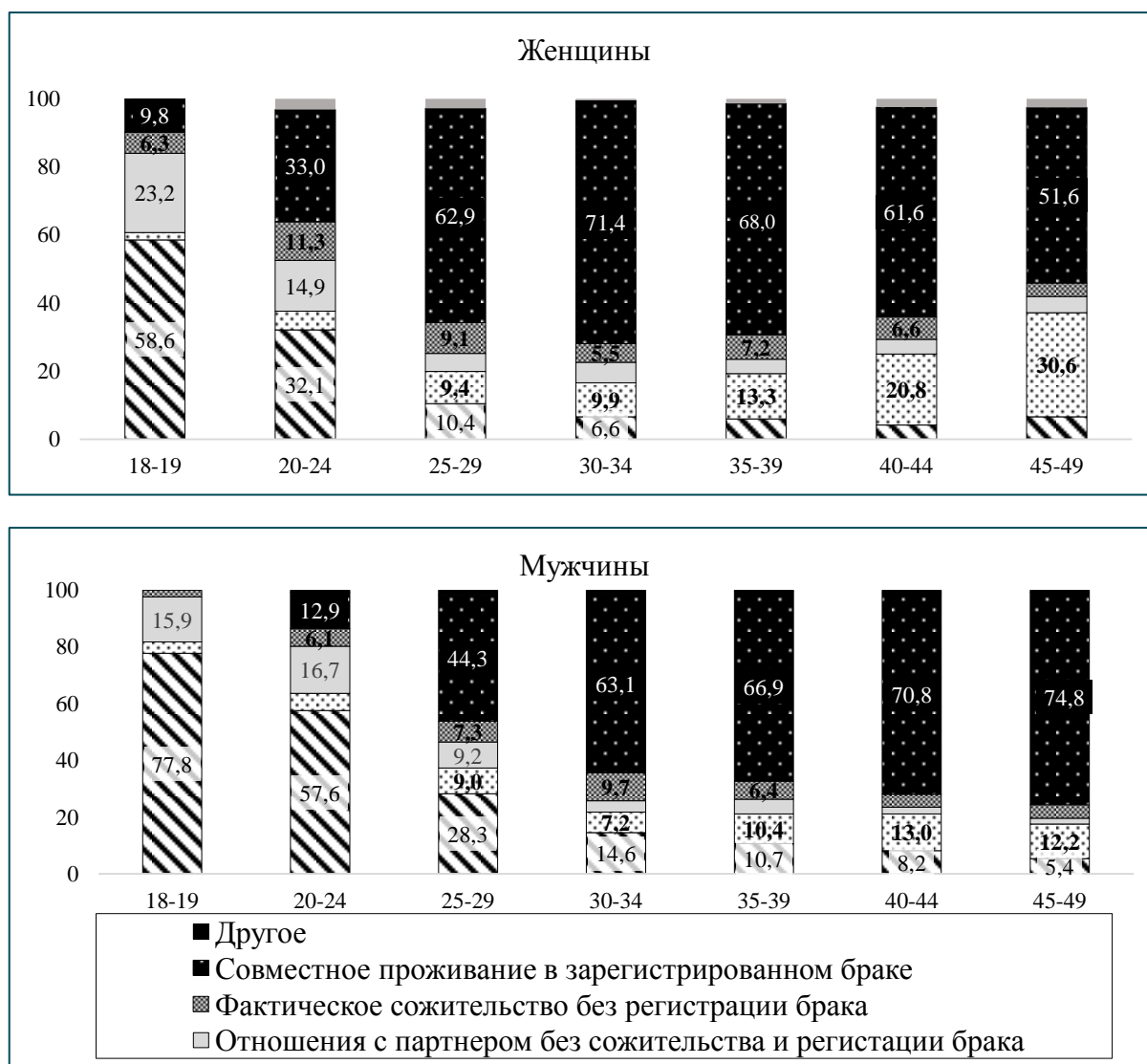

Рисунок. – Брачная структура в зависимости от пола и возраста респондентов (18–49 лет), %

Заключение

Проведенный анализ семейного состава белорусских домохозяйств показал ориентацию большей части белорусской молодежи на достаточно раннее создание собственных семей и отдельное проживание от родителей. Большинство женщин успевает сделать это до 30-летнего возраста. В возрасте 30–39 лет как среди женщин, так и среди мужчин наблюдается наибольшая доля полных нуклеарных семей с детьми (более 60 % населения). Однако уже в возрастной группе 40–49 лет полные нуклеарные семьи начинают распадаться, и более 20 % женщин остаются с детьми без супруга (партнера). В более старших возрастных группах для женщин существенно увеличивается вероятность одинокого проживания: в 60–69 лет доля таких женщин составляет около 40 % а в 70–79 лет достигает 60 %.

Анализ брачной структуры показал, что основная доля женского населения Беларуси получает опыт отношений с постоянным партнером в период жизни до 25 лет, а мужчины – до 30 лет. При этом до 25 лет достаточно широко распространены отношения без сожительства и регистрации брака. После 30 лет такая форма отношений сводится к минимуму.

В свою очередь, распространенность сожительства без регистрации брака достигает своего пика среди женщин в возрасте 20–29 лет (около 10 %), а среди мужчин в возрасте 25–34 лет (около 9 %).

Начиная с 25 лет и до самых старших возрастных групп преобладающей формой брачного союза становится зарегистрированный брак.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Предварительные результаты социологического исследования, проведенного в мае–ноябре 2017 г. по методологии международной программы ЕЭК ООН «Поколения и гендер» [Электронный ресурс] // UNFPA Belarus. – Режим доступа: <https://belarus.unfpa.org>. – Дата доступа: 16.04.2018.

2. База данных переписи населения Республики Беларусь 2009 года [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://census.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 10.11.2018.

3. Среднегодовая численность населения (годовые данные) [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://demdata.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 10.11.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.03.2019

Belov A. A., Boreyko S. A. Marriage and Family Structure of the Belarusian Society: Sex-Age Differences and Peculiarities of Formation

The article is devoted to the study of matrimonial structure of the population of modern Belarus. The results of the sociological research of 2017 year conducted according to the methodology of the international program «Generation and gender» are analyzed. The age and sex specificity of the marital and family structure is identified.

УДК 316.33

М. Г. Соколовская

*ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: llogos@list.ru*

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX в.

Осуществляется анализ либеральной и консервативной версий гендерных отношений, сформулированных в европейской (и российской) философской мысли в XIX в. Представители либерального направления считали рациональным расширение юридических прав женщин и их возможностей в сфере профессиональной деятельности, включая политическую. Доминирующей для женщин они определяли семейно-бытовую функцию, а затем производственную. Этот подход основывался на концептуальных положениях, разработанных философией эпохи Просвещения. Консервативная традиция в интерпретации гендерных отношений занимала антифеминистскую позицию, придавала чрезмерное значение биологическим и психологическим особенностям полов и противопоставляла социокультурное предназначение мужчины и женщины, основанное на религиозном (христианском) прочтении их социальных миссий.

Введение

Основу либерального подхода составили идеи английских философов Т. Гоббса и Дж. Локка, утверждавших равенство всех людей независимо от пола в том смысле, что «природа дала каждому все», что «душа не имеет пола», и указывавших на естественное право человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями в рамках существующих законов. Видный представитель эпохи Просвещения Ш. Монтескьё высказал радикальную мысль о целесообразности государственного лидерства женщины, полагая, что ставить женщин во главе дома, как это было у египтян, противоречит разуму и природе, но нет ничего противоестественного в том, чтобы они управляли государством, поскольку свойственная им слабость придает их управлению ту кротость и умеренность, которые гораздо нужнее для хорошего управления, чем суровые и жестокие нравственные и политические качества.

Правда, в своем большинстве философы этой эпохи настаивали на известном ограничении прав женщин при вхождении в публичную сферу, которая изначально определялась ими как мужское пространство. Они считали, что, согласно «женской природе», представительницы «слабого пола» не обладают чертами автономных и рациональных субъектов, необходимыми для выполнения функций гражданина, чего нельзя сказать о сфере построения отношений между мужчинами и женщинами как личностями.

В этом отношении ценен нравоучительный роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», в котором утверждается целесообразность мужского руководства женщиной, которая якобы является вечным ребенком и обладает бесконечной наивностью. Однако внимательное прочтение этого произведения свидетельствует о неточности подобного утверждения. При всей личностной невинности и наивности представленный на страницах этого романа женский образ Элоизы в контексте ее отношений с возлюбленным Сен-Прё обладает широким спектром качеств, вызывающих уважение и даже восхищение.

Во-первых, сам образ женщины пробуждает у влюбленного мужчины широкую гамму самых благородных чувств. Очевидно, что без отношений с ней образуется «вопяющая» неполнота его жизни. При этом восхищает не только ее внешность, но и личные качества: мягкость, деликатность, внутренняя чистота, чуткость.

Во-вторых, сама женщина способна не только на чувство невероятной силы, но и на серьезный нравственный поступок ради любви.

В-третьих, при всей эмоциональности и естественной страстности Элоиза в состоянии в конечном счете совершить рациональный выбор, следовать благоразумию и рассудительности, будучи убежденной, что «нельзя потакать чувственным страстям», а «безмятежность приобретаешь только в мудрости».

В-четвертых, сентиментальность присуща и мужчинам в лице Сен-Прё, у которого по сравнению с Элоизой горячности, чувственности, эмоционального пыла больше, чем дисциплины рассудка.

В-пятых, дисгармонию в отношения между мужчинами и женщинами вносят не столько их личностные отличия, сколько социальные обстоятельства, которые, как известно, преодолимы.

Либеральная интерпретация гендерных отношений

Сторонники либерального подхода считали возможным и необходимым частичное расширение юридических прав и сферы профессиональной деятельности женщины в целях гармонизации и гуманизации социальных отношений, ее личностного и профессионального роста. Ж. Кондорсе высказал важную мысль о зависимости социального прогресса от характера взаимоотношений между разнополами сообществами. Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума он считал полное разрушение предрассудков, создавших неравенство между полами. Тем не менее для женщин доминирующей определяли семейно-бытовую функцию, а затем уже производственную.

Базовые принципы либерального подхода к преодолению гендерного неравенства в обществе разработаны немецким философом И. Кантом. В его концепции акцент делается на естественности соединения и нерасторжимости связи между мужчиной и женщиной. Эта связь должна быть достигнута в различных областях, начиная со сферы чувственности, где половое влечение выступает как величайшее «наслаждение особого рода», которое достигается соединением женского и мужского начала и которое должно быть в равной степени доступно представителям обоих полов, и заканчивая «моральной любовью».

И. Кант пишет также о необходимости равенства мужчин и женщин, вступающих в брак, о равенстве между ними в семейных отношениях. Это дополняется равным правом на частную собственность и свободу брачного выбора, т. к., по убеждению философа, «владеть человеком нельзя» и люди могут только сами, добровольно, исходя из имманентно присущего им чувства свободы рассматривать себя как вещи и отдавать друг друга во взаимное пользование, что и происходит в браке. Одновременно, исходя из посылки, что мужчина и женщина по своей природе отличны друг от друга, в браке, считает И. Кант, они взаимно дополняют друг друга и образуют одну «нравственную личность, движимую рассудком мужа и вкусом жены». Такое соединение позволяет укрепить в личности каждого из полов то лучшее, что в них присутствует.

В его понимании, ум женщины прекрасен, ум же мужчины глубок. Женщины избегают дурного не потому, что оно несправедливо, а потому, что оно безобразно. Никакого «надо», никакой обязанности, никакого принуждения женщина не терпит, она делает что-то потому, что так ей нравится. Прекрасный пол не руководствуется принципами, зато провидение вселило в сердца женщин чувства доброты и благожелательства, дало им тонкое чувство приличия и благосклонность. Не следует также требовать от них жертв и самоограничения [1, с. 63, 65]. Для мужчины нет ничего более обидного, когда его обзывают глупцом, а для женщины – когда говорят, что она безобразна.

Существует только одна сфера, где мужчины и женщины занимают различное положение, и она связана с «гражданской самостоятельностью»: избирательными правами обладают только мужчины, но не женщины, дети и слуги.

Тренд к либерализации гендерных отношений был закреплён французским мыслителем А. Токвилем, изучавшим развитие институтов демократии в США середины XIX в. Его базовый постулат выражался в том, что социальное равенство изменяет отношения между гражданскими лицами, в т. ч. между мужчинами и женщинами, а закономерно демократия повышает статус женщины и все более уравнивает ее с мужчиной. А. Токвиль подчеркивает, что в американских семьях существует патриархат, но он постепенно размывается новыми политическими и культурными веяниями, формируя тенденцию к усилению социальной и семейной роли женщин. В чем же это проявляется?

Во-первых, демократия способствует тому, что возрастает и становится более достойной роль женщины в семье. Как отмечает А. Токвиль, «одновременно с утратой аристократией ее господства наблюдается освобождение отцовской власти от всего того, что было связано со строгостью и легализмом, и вокруг домашнего очага устанавливается своего рода равенство всех членов семьи. Демократия ослабляет социальные связи, но она укрепляет естественные. Разобщая граждан, она одновременно сближает родственников» [2, с. 428].

Во-вторых, А. Токвиль всячески подчеркивает высокое моральное достоинство американских женщин, их нравственную чистоту и дисциплину, позволяющую их рассудку «никогда не терять поводов», чему благоприятствуют как протестантская религия, так и созданные равенством политические демократические институты, что позволяет женщине оказывать существенное моральное воздействие на нравы общества.

В-третьих, высока интеллектуальная развитость женщин США. Будучи глубоко религиозным народом и сохраняя религиозные добродетели, американцы, помимо веры, «стараясь вооружить разум женщины» и стремятся к тому, чтобы «их сознание предварительно было просвещено» [2, с. 428]. Сделать это необходимо по двум причинам: 1) женщине предоставляется право свободно выбирать себе мужа, и она должна быть к этому интеллектуально подготовлена; 2) женщина принимает активное участие в выработке решений, регулирующих жизнь семьи.

В итоге мораль и интеллект формируют у женщин презрение к чувственности, капризности и легкомыслию. В представлении А. Токвиля, «образ их мыслей становится серьезным, расчетливым, основательным», и они «усваивают принципы мышления, свойственные промышленному и коммерческому классам». Как следствие, «по доброй воле они не стремятся к неистовым и капризным чувствам, которые приносят страдания и сокращают жизнь» и им оказываются ненужными кратковременные и тайные союзы, основанные на страсти. Все это приводит к тому, что американское общество испытывает настоящий пиетет по отношению к женщинам: «Американцы считают женщин добродетельными и деликатными и питают огромное уважение к их нравственной свободе» [2, с. 428–429]. Более того, постоянно происходит процесс возвышения женщин, и граждане США, сохраняя социальное неравенство женщин, сделали все с целью нравственно и интеллектуально поднять ее до уровня мужчины.

В-четвертых, высокое уважение к женщине предполагает и свободный брачный выбор с ее стороны, равно как и со стороны мужчины. Присущие им личностные достоинства позволяют сделать этот выбор не на воспетой в европейской литературе силе страсти, а на сходстве «вкусов и мыслей», что прочно удерживает их друг возле друга.

В-пятых, помимо равного обладания свободой, в отношениях мужчин и женщин наблюдается доминанта равенства, правда личностного, а не социального. В контексте своих отношений они проявляют уважение к роли каждого из них и рассматривают друг друга в качестве равноценных существ, обладающих различными предназначениями.

В-шестых, существует четкое, тщательное и взаимоприемлемое для обеих сторон разделение обязанностей и функций мужчин и женщин в семейном контексте, что служит естественным барьером для неадекватных и неприемлемых притязаний с какой бы то ни было стороны. К тому же подобное разделение домашнего (и не только) труда предоставляет возможность каждому человеку как можно лучше делать свое дело.

В-седьмых, при всей значимости принципов равенства и свободы в семье наблюдается доминирование мужчины. Вызвано это не только традицией патриархальности и религиозными императивами, но и тем прагматичным соображением, что всякое объединение, чтобы быть эффективным, нуждается в руководителе. Поэтому американки не рассматривают власть мужа как узурпацию их прав и не считают себя униженными, а добровольно и сознательно берут на себя строгие обязательства, не рассматривая их как бремя. Тем более что их моральный и интеллектуальный авторитет в семье позволяет им быть «услышанными». Поэтому, «обладая мужской силой разума и деятельной энергией», они в целом сохраняют «изящную внешность и женственность манер».

В-восьмых, анализируя гендерное неравенство в США, А. Токвиль предупреждает об опасности утверждения в обществе между мужчиной и женщиной не только равенства, но и тождества, что для него абсолютно недопустимо, т. к. возникает угроза их обоюдной деградации, формирования слабых мужчин и неприличных женщин.

Консервативная интерпретация гендерных отношений

Консервативная традиция в интерпретации гендерных отношений в XIX в. характеризуется антифеминизмом, придавая чрезмерное значение биологическим и психологическим особенностям полов и противопоставляя социокультурное предназначение мужчины и женщины: его как общественное, политическое, ее – семейное, «у домашнего очага». Идеальной в ее трактовке является женщина, которая родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для общества, не воспринимая себя в качестве субъекта общественных отношений. К числу видных представителей подобного направления относятся немецкие философы Г. В. Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др. Консерваторы трактовали процесс феминизации преимущественно в негативном плане, объявляя любые попытки женщины расширить границы социальной самореализации как «промысел дьявола», «извращение космического порядка», «бунт против природы» и т. п.

В наиболее радикальной форме подобные взгляды артикулировал Ф. Ницше, утверждавший, что в то время как женщина завладевает все новыми правами, в реальности в своем развитии она движется назад по лестнице деградации. Он же сформулировал тезис, который прозвучал лейтмотивом антифеминизма: «Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина – для отдохновения воина, а все остальное – глупость». Можно привести и такие его выражения, наполненные пренебрежением к возможности достичь гармонии в отношениях между мужчиной и женщиной, как «брак – это наиболее изолганная форма половой жизни» либо «брак выдуман для посредственных людей, которые бездарны как в большой любви, так и в большой дружбе, – стало быть для большинства» [3, с. 758]. В своих трудах он достаточно часто использует по отношению к женщинам пренебрежительное слово «бабенка».

Правда, далеко не все его высказывания столь безапелляционны и одномерны. Более детальный анализ показывает, что в реальности им присуща большая глубина и неоднозначность оценок: женские и мужские натуры различаются, но совсем не в координатах «воин и его отдохновение», вплоть до того что само понятие жизни ассоциируется у него именно с женским, а не с мужским началом. В первую очередь отметим, что в восприятии Ф. Ницше мужчина и женщина – это действительно различные миры. Однако не противоположные, а скорее дополняющие друг друга. С наибольшей оче-

видностью это проступает в феномене любви и семейных отношений. С точки зрения Ф. Ницше, мужчины обыкновенно несколько «опускаются», когда берут себе жен, но зато в этом случае жены «несколько повышаются в своем уровне», что позволяет им приблизиться друг к другу. Основопологающим достоинством женщины является, в представлении Ф. Ницше, ее способность достичь совершенства в любви, направленной, разумеется, на мужчин и чрезвычайно желанной для них. Эта любовь включает в себя такой важный компонент, как «элемент материнской любви», выступающей как ориентация на заботу «о другом», переходящая в жертвенность. Ф. Ницше отмечает, что в женском понимании любви достаточно ясно заключена *верность*, совершенная преданность душой и телом, предельный альтруизм. При этом осуществляется духовный и душевный рост женщины, в том числе и по той причине, женщины «из любви» становятся всецело тем, чем они представляются любящим их мужчинам. В этом проступает безусловное благо для мужчин, для которых идеальной является ситуация, когда рядом с ними находится столь «интересная» в духовном плане женщина, с которой он сможет до старости «хорошо беседовать».

Подобное идолопоклонническое отношение женщин к любви, ее идеализация, по мнению Ф. Ницше, не может не усиливать их могущество и делает более желанными в глазах мужчин. Это как раз та сфера, где женщина превосходит мужчину, которому присуще более примитивное понимание феномена любви: у него в любви преобладает мотив потребления, «ассимиляция и возобладание», «желание обладать», которые заканчиваются всякий раз с достижением объекта желания. Поэтому и верность как основа стабильных отношений для мужчины чужда, и у него она может возникнуть только как благодарность или как «идиосинкразия вкуса».

Достоинства женщин, в понимании Ф. Ницше, не ограничиваются их талантом любить. Их прекрасное своеобразие выражается и в том, что они безусловно умны, но этот ум совершенно не похож на мужской. С одной стороны, интеллект женщин характеризуется полнейшим самообладанием, присутствием духа и силой духа. С другой стороны, он нацелен на использование женщиной «всех выгод», что проявляется в искусстве воздействия на мужчин либо манипуляции ими. В частности, они склонны к притворству, преувеличению своих слабостей, что обусловлено необходимостью в защите от сильных, «всякого кулачного права» и внешних обстоятельств. Все это позволяет им через подчинение обеспечить себе гораздо бóльшую выгоду «и даже господство», несмотря на внешнюю социальную вторичность. Ф. Ницше подчеркивает, что, «как у медиумических натур, их интеллект проявляется лишь внезапно и толчками, притом с неожиданной силой», что чрезвычайно важно и практично для выживания в кризисных ситуациях. И представляет реальную опасность для мужчин, т. к. «в состоянии ненависти женщины опаснее мужчин» [3, с. 757].

Интеллект женщины чрезвычайно значим для семьи и общества и по той причине, что именно они по наследству как свое основное свойство передают его своим детям, в то время как «отец присоединяет к нему более темный фон воли... Женщинам принадлежит рассудок, мужчинам – склад души и страсть» [3, с. 427]. В силу душевной грациозности и сложности женщин исторически, по убеждению Ф. Ницше, мужчины склонны к обогащающему их общению с умными женщинами, как это было, например, в Афинах во времена Перикла, когда мужчины обращались к Аспазиям, т. к. они нуждались в прелестях общения, расширяющего ум и сердце, которое могут дать лишь грация и духовная гибкость женщин.

Женщины, согласно Ф. Ницше, вносят соразмерность, примирение и известную гармонию в социальную жизнь, обладая естественной склонностью к спокойному, равномерному, счастливо-гармоническому существованию, внося «маслоподобный» и умиротворяющий элемент в общественную ткань, что представляет, правда, угрозу про-

буждению «героического свободного ума», стремящегося ко все новым вершинам. В этой ситуации женщины, привыкшие выступать перед всякой властью согнувшись и отвергающие любое восстание против нее, «прицепляются, как тормоза, к колесам всякого свободомыслящего, независимого стремления» и «втайне всегда интригуют против высшей души своих мужей... в угоду безбоязненному и спокойному их существованию» [3, с. 428].

Какой из этого выход? Только один: «Будут ли свободные умы иметь жен? Свободные мыслители... подобно птицам древности... должны предпочитать летать в одиночку» [3, с. 426]. Но речь здесь идет исключительно об очень небольшой категории мужского населения – своеобразных социальных демиургах.

У мужчин может быть множество претензий к женщинам. Но вина за это в немалой степени лежит как раз на них, поскольку, согласно Ф. Ницше, именно мужчины портят женщин, ибо творят образ женщины по своему образу. Поэтому совершенно логично его предложение: «мужчин надо лучше воспитывать». Действительно, с точки зрения Ф. Ницше, в современном мире чрезвычайно актуальна проблема правильного воспитания женщин и мужчин, поскольку «с помощью воспитания в цивилизованных странах Европы из женщин можно сделать все, даже мужчин, конечно, не в половом смысле... Они приобретут все мужские добродетели и сильные стороны, но вместе с тем и все их слабости и пороки» [3, с. 426]. В результате возникнет промежуточное состояние, в котором женские глупости и несправедливости будут преобладать, философия – загублена «умопомрачительной болтовней», а общество пребудет в состоянии полного разложения.

В своем сдержанном, нерадикальном варианте консервативный взгляд на отношения между полами представлен в концепции немецкого философа Г. Гегеля, сохранившей существенную связь с христианским вероучением. В ней акцент делается не на обесценивании природы женщины или же ее противопоставлении мужской, а на их функциональном различии, предполагающем поиск взаимной интеграции, что усилит социальные и личностные позиции каждого из полов. Женщины как таковые, в представлении Гегеля, не дурные либо хорошие. Они просто другие по сравнению с мужчинами. И у представителей каждого из полов имеется свое собственное жизненное предназначение.

Как отмечает немецкий мыслитель, «мужской пол являет собой в своем отношении вовне сильное и деятельное начало, женский – пассивное и субъективное. Поэтому действительная субстанциональная жизнь мужчины проходит в государстве, в области науки и т. д. и вообще в борьбе, в труде, в отношениях с внешним миром и с самим собой... Женщина в семье имеет свое субстанциональное предназначение и свою нравственную настроенность» [4, с. 215]. Женщины могут быть образованными и не ограничивать свое жизненное пространство условной гинекеей, могут обладать воображением, вкусом, изяществом, однако «для высших наук», философии, произведений искусства, требующих всеобщего, они просто не созданы. Главная причина этого – их неспособность выразить всеобщее и идеальное. Поэтому, например, если женщины возглавляют правительство, то государство находится в опасности, т. к. они действуют не согласно требованиям всеобщего, а исходя из случайной склонности или мнения.

Гегель отмечает, что различие между мужчиной и женщиной такое же, как между животным и растением: натуре мужчины присущ высокий уровень динамики и энергии, в то время женщина в большей степени представляет собой спокойное раскрытие и самопроявление.

С особой силой взаимное дополнение мужчины и женщины осуществляется в любовных отношениях, в браке и семье. По утверждению Гегеля, вступающая в брак личность, независимо от половых различий, непосредственно исключает свою *единич-*

ность и «достигает своего права сознавать саму себя в другом лишь постольку, поскольку другой присутствует в этом тождестве в качестве лица, т. е. автономной единичности», и всякий «являет себя в ней не как лицо для себя, а как *член* этого единства» [4, с. 216]. Олицетворением и проявлением этого единства является любовь как осознание своей общности с другим, как стремление нераздельно слиться и чувственно, и нравственно. Поэтому необходимо, чтобы любовь обрела форму брака. Основополагающую роль играет нравственная любовь, исключая из отношений между мужчиной и женщиной все преходящее, зависящее от настроения и просто субъективное. Она же основана на доверии и признании общности всего индивидуального существования. В этой ситуации, согласно Гегелю, «природное влечение низводится на степень модальности природного момента, которому предназначено исчезнуть в его удовлетворении, духовная же связь выступает в *своем праве* в качестве субстанционального, тем самым в качестве возвышающегося над случайностью страстей» [4, с. 210].

Принципиальным является тот фактор, что брак – проявление свободы, имманентно присущего «*свободного желания отдаться*», а это закономерным образом предполагает свободное согласие лиц на то, чтобы «*составить одно лицо*», отказаться в этом единстве от своей природной и единичной личности. Создание семьи имеет принципиальное значение для девушки, поскольку именно в семье она обладает своей существенностью. В семье, выступающей как непосредственная субстанциональность духа, важным является равенство в обладании одинаковыми правами и обязанностями между мужем и женой и то, чтобы они разумно относились друг к другу. Следовательно, муж не должен обладать большей значимостью, чем жена. Даже семейное имущество, несмотря на то, что им распоряжается мужчина, это общая собственность, и ни один член семьи не владеет особенной собственностью.

Гендерная целостность и любовь, представленные в браке и семейных отношениях, своей наибольшей предметности достигают в детях, т. к. мать любит в детях супруга, отец любит в них свою супругу. Существующие же различия между мужем и женой функциональны и касаются преимущественно как сферы публичности, в которой семью в качестве правового лица представляет в отношении к другим ее глава – муж, так и его ответственности за удовлетворение ее потребностей (не только материальных). Это зона ответственности, а не полового доминирования.

Выдающиеся русские философы В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков возрождали к новой жизни идеи Платона, настаивая на индивидуальности и обособленности полов, которые преодолеют существенную рознь и распадение. Они видели общественный идеал не в механическом уравнивании обоих полов, к чему стремились феминисты, а во взаимном дополнении этих начал, тяготеющих друг к другу, без чего «половина» не может стать целым. Как отмечает С. Булгаков, «полный образ человека есть мужчина и женщина в соединении, в духовно-телесном браке. Каждый в отдельности есть *получеловек*», и «каждая личность представляет собой своеобразное смешение стихии мужской и женской, и этим обусловлена творческая напряженность, эротика духа» [5, с. 263]. Мужское и женское самосознание имеет свои отличительные черты. В представлении русского философа, «мужчина деятелен, логичен, полон инициативы; женщина инстинктивна, склонна к самоотданию, мудра нелогической и неличной мудростью простоты и чистоты» [5, с. 264–265]. Он всячески противится отождествлению полов, полагая, что мужеподобная женщина производит столь же уродливое впечатление, как женоподобный мужчина, а мнимое равенство неизбежно сопрягается с поруганием женственности и с низведением пола к простому различию самца и самки. При этом гендерные отношения, в его понимании, основаны на иерархии, в которой мужское начало выступает основной темой, главным мотивом и импульсом. Эти же от-

ношения заключают в себе благодаря «сексуальной своей затемненности» и чувственности также и мучительные дисгармонии.

В свою очередь В. Розанов, исходя из посылки о доминировании мужского начала, минимизирует ее в феномене любви, в котором оба партнера являются равнозначными и равноценными. Более того, женщина воспринимается как Небесное существо. По его убеждению, именно любовь выступает основополагающим фактором жизни любого человека независимо от пола. В. Розанов пишет: «Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. Потому что на земле единственное “в самом себе истинное” – это любовь... Любовь – воздух, без нее – нет дыхания... Мы рождаемся для любви». Любовь предполагает наличие двух личностных и половых стихий, поскольку она «есть взаимное пожирание, поглощение... это всегда обмен, – души, тела... “Меня” уже нет, а “все – твое”» [6, с. 141–143, 145]. Согласно В. Розанову, в христианской традиции любовь между мужчиной и женщиной рассматривается при всех чувственных порывах непременно как «нравственное чудо» и нравственная привязанность, а исключительно телесная любовь имеет только «уличные формы». Поэтому русский философ призывает всегда страстно беречь главный и всему живому дарованный цветок любви, всякое «Есть» любви.

Что же касается внешней привлекательности, то консерваторы XIX столетия разделяли позицию видного представителя консерватизма эпохи итальянского Возрождения Дж. Савонаролы, который отмечал, что подлинная красота выражается в способности человека, независимо от пола, отразить в своей душе сияние света, исходящего от Бога. Это проявляется и в его телесности, поскольку прекрасная душа сопричастна красоте божественной и отражает свою прелесть в теле человека через пропорциональность и гармоничность всех его членов и частей тела.

Заключение

Базовые принципы либерального подхода к интерпретации гендерных отношений в обществе разработаны И. Кантом, в концепции которого делается акцент на естественности соединения и нерасторжимости связи между мужчиной и женщиной в различных сферах, начиная со сферы чувственности, свободы брачного выбора и заканчивая равным правом на частную собственность.

Тренд к либерализации гендерных отношений был закреплен французским мыслителем А. Токвилем, настаивающим на том, что социальное равенство изменяет отношения между мужчинами и женщинами, а демократия повышает социальный статус женщины и все больше уравнивает ее с мужчиной.

Консервативные мыслители (Ф. Ницше, Гегель и др.) объявляли любые попытки женщины расширить границы ее социальной самореализации как «промысел дьявола», «извращение космического порядка», «бунт против природы» и т. п.

В своем нерадикальном, христианском варианте консервативный взгляд на отношения между полами представлен в концепции Гегеля. В ней акцент делается не на обесценивании природы женщины или же ее противопоставлении мужской, а на их функциональном различии.

Подобной позиции придерживались и русские философы В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков, которые видели общественный идеал не в механическом уравнивании полов, к чему стремились феминисты, а во «взаимном дополнении этих начал, тяготеющих друг к другу», без чего «половина» не может стать целым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулыга, А. Кант / А. Гулыга. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 303 с.

2. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 559 с.
3. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
5. Булгаков, С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
6. Розанов, В. Опавшие листья / В. Розанов // Русский эрос, или Философия любви в России : антология / сост. В. П. Шестаков. – М. : Прогресс, 1991. – С. 140–149.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.08.2019

Sokolovskaya M. G. Liberal and Conservative Interpretations of Gender Relations in the XIX Century

The analysis of liberal and conservative versions of gender relations, formulated in European (and Russian) philosophical thought in the XIX century is carried out. The representatives of liberal government considered the rational expansion of women's rights and their opportunities in the sphere of professional activities, including political activities. They defined family and household functions, and then production. This approach was based on conceptual provisions developed by the philosophy of the Enlightenment. The conservative tradition in the interposition of gender relations took an anti-feminist position, attached excessive importance to biological and psychological features of the sexes and contrasted the socio-cultural purpose of man and woman, based on the religious (Christian) reading of their social missions.

УДК 316.346.32-053.4-053.5+316.334.56

М. И. Березецкая*аспирант 3-го года обучения каф. социологии
Белорусского государственного университета
e-mail: berezeckaya.mary@gmail.com***ДЕТСКАЯ ИГРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА***

Детская игра оказывает серьезное воздействие на процесс умственного, физического, социального и эмоционального развития ребенка. Через игру дети узнают себя, а также окружающую их действительность. В статье рассматриваются различные виды игр, описываются их основные черты и особенности. Отдельное внимание уделяется изучению игр на открытом воздухе, в частности на детских площадках. Предлагается обобщенная классификация игровых площадок, а феномен рискованного поведения на детских площадках подвергается тщательному изучению. Содержатся результаты трех авторских исследований по изучаемой тематике.

Введение

Детская игра как понятие и явление сочетает в себе простоту и сложность. С одной стороны, игра – это основной вид деятельности ребенка, особенно в период дошкольного детства, с другой стороны, в научных работах практически невозможно найти простое и универсальное определение детской игры и ее компонентов. Ряд ученых рассматривали игру и ее значение в жизни каждого человека. Так, например, английский философ, социолог и антрополог Герберт Спенсер рассматривал игру как способ выплеснуть излишки энергии; психолог Ж. Пиаже изучал игру как форму творческой деятельности; К. Гросс обращал внимание на то, что в процессе игры дети подготавливаются к взрослой жизни; Л. С. Выготский писал: «Игра – роль в развитии; правила – школа воли; мнимая ситуация – путь к абстракции»; Д. Б. Эльконин в своих работах развивал идеи Л. С. Выготского и определял детскую игру как основную деятельность ребенка, в ходе которой происходит «первичная эмоционально-действенная ориентация в смыслах человеческой деятельности» [Цит. по: 1, с. 322].

Другие исследователи занимались изучением роли игры в развитии человеческого общества в целом. Один из наиболее ярких представителей этого направления – голландский философ и культуролог Йохан Хейзинга, автор известной книги «Homo Ludens» («Человек играющий»), в которой предпринимается попытка изучить воздействие игры на развитие человеческой цивилизации. Й. Хейзинга пришел к выводу, что игра является не только фундаментальным явлением человеческой природы, но и неотъемлемой частью, импульсом исторического развития культуры и цивилизации. По Хейзинге, такие неотъемлемые части нашего социума, как искусство, наука, право, ремесло, возникли из игры [2].

Вопрос о праве детей на игру рассматривается и в ст. 31 Конвенции о правах ребенка, которая гласит: «1. Государства-участники признают право ребенка на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту, и свободно участвовать в культурной жизни и заниматься искусством; 2. Государства-участники уважают и поощряют право ребенка на всестороннее участие

Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета

* Исследование выполнено при поддержке гранта БРФФИ (договор № Г18Р-241 от 01.06.2018) в рамках темы «Дружественность среды постсоветских городов к детям и молодежи: компаративный анализ белорусских и российских кейсов».

в культурной и творческой жизни и содействуют предоставлению соответствующих и равных возможностей для культурной и творческой деятельности, досуга и отдыха» [3]. Иными словами, Конвенция о правах ребенка признает значимость детской игры, предписывает странам-участникам не запрещать и не ограничивать доступ к детской игре (как с физической, так и с социально-культурной и экологической точек зрения), а также создавать новые игровые пространства для детей.

Воздействие игры на развитие ребенка трудно переоценить. Ведь, играя, дети учатся образно мыслить и понимать другую точку зрения, они учатся взаимодействовать друг с другом, находят друзей, познают себя и окружающий мир, развивают свои физические и интеллектуальные способности. Численность детей, проживающих в городах, растет с каждым годом.

Согласно данным отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, в настоящий момент 55 % населения планеты проживает в городах. По прогнозам, к 2030 г. доля горожан увеличится до 60 %, а к 2050 г. городское население составит 68 % [4]. В Республике Беларусь в 2018 г. численность городского населения составила 7 420 666 человек (в 2015 г. – 7 325 000 человек). Из них от 0 до 17 лет – 1 458 070 человек (в 2015 г. – 1 391 264 человек) [5; 6]. В связи с этим изучение особенностей детской игры в условиях современного города приобретает особую значимость и актуальность.

Цель статьи – изучить детскую игру как один из основных видов деятельности ребенка в современном городском пространстве. Исходя из цели, выделяются следующие задачи:

- 1) рассмотреть основные виды детской игры и дать им краткую характеристику;
- 2) описать особенности современного игрового поведения детей;
- 3) изучить особенности игр на открытом воздухе – на детских площадках;
- 4) проанализировать особенности организации пространства детских площадок в современном городе.

Игра – это определенный вид деятельности ребенка, в ходе которого моделируется и воспроизводится окружающая его действительность, что позволяет ребенку на эмоциональном и интеллектуальном уровне воспринимать и осваивать социальные отношения. В научной среде не существует единой общепринятой классификации видов детской игры. Одну из наиболее подробных классификаций игр предлагают Э. В. Соколова и Е. И. Добринская, которые разделяют их по следующим критериям:

- 1) по содержанию (военные, экономические, художественные, политические, спортивные);
- 2) по количеству и составу участников (одиночные – парные – групповые; детские – взрослые);
- 3) по тому, какие способности они обнаруживают и тренируют (интеллектуальные, творческие, физические, состязательные и др.) [Цит. по: 1, с. 64].

Компьютерные игры зачастую выделяются в отдельный вид, и в таком случае ученые обращают внимание на множество жанров компьютерных игр и говорят о следующих их видах: Simulator, Strategy, Adventure, RPG, Arcade, Quest, Action, 3D Action, обучающие игры, спортивные игры, настольные игры [1, с. 113].

Итак, ученые пришли к выводу, что вместе со взрослением ребенка изменяется форма его игры, поэтому в некоторых классификациях особое внимание уделяется соотношению этапов возрастного развития ребенка и формы игры, которую он предпочитает в том или ином возрасте. Так, С. Н. Майорова-Щеглова отмечает, что ребенок уже с первого года жизни начинает осваивать окружающую действительность с помощью так называемых «игр-экспериментирований» при общении с людьми и продолжает иг-

рать приблизительно до 10 лет. Автор подчеркивает, что дети в возрасте 2–3 лет предпочитают сюжетно-отобразительные игры, а более сложные сюжетно-ролевые игры увлекают детей в возрасте от 3 до 7–10 лет [7]. Схожее видение предлагает Н. Н. Палагина. По ее наблюдениям, в раннем возрасте дети предпочитают предметные игры (т. е. действия с предметом-игрушкой в различных условиях), в 3 года они переходят к сюжетно-отобразительной игре, суть которой заключается в том, что дети в процессе самостоятельной игры с различными игрушками пытаются отразить реальное поведение людей. Постепенно сюжетно-отобразительная игра заменяется наиболее сложной формой игры – сюжетно-ролевой [8, с. 136].

В сюжетно-ролевой игре дети создают вокруг себя целые воображаемые миры и ситуации, создают персонажей, соотносят себя с ними, играют соответствующие определенному сюжету и персонажу роли, а также взаимодействуют с другими персонажами в процессе игры. Очевидно, что в таких играх участвуют уже несколько детей с разными ролями, которых объединяет общий сюжет игры, а также реальное взаимодействие. Отдельно необходимо отметить, что, благодаря сюжетно-ролевым играм, дети учатся взаимодействовать со сверстниками, а также усваивают значимые для успешного существования в обществе социальные качества.

Приведем результаты проведенного в 2017 г. в Белорусском государственном университете авторского исследования «Семейные ценности и репродуктивные установки студентов БГУ» (было опрошено 400 студентов III курса восьми факультетов гуманитарного, технического и естественного профилей).

Было определено, что, будучи детьми, студенты в большей степени отдавали предпочтение подвижным и спортивным играм (57,8 % респондентов), на втором месте находились сюжетно-ролевые (39,9 % респондентов), а на третьем – настольные игры (39,2 % респондентов). Юношам в детстве больше нравились подвижные, спортивные игры (61 %), компьютерные игры (52,7 %), конструирование (50,7 %). Девушкам также нравились подвижные, спортивные игры (56 %), кроме того, они увлекались играми сюжетно-ролевыми (55,6 %), настольными (40,9 %) и играми в персонажей из книг, кинофильмов, мультфильмов (28,6 %).

В настоящее время исследователи отмечают такие особенности детской игры:

- 1) выбор игр зависит от половой принадлежности ребенка: мальчики предпочитают компьютерные игры и конструирование, а девочки – настольные игры;
- 2) содержание игры зависит от пола ребенка: мальчики отдают предпочтение военным играм, а девочки – играм в семью; современные девочки также активно играют в профессии, что можно связать с изменением традиционных гендерных стереотипов;
- 3) игровые предпочтения зависят от возраста ребенка: взрослея, дети постепенно теряют интерес к подвижным играм и увлекаются компьютерными, а также настольными играми.

Таким образом, с возрастом повышается значимость интеллектуальной активности, а значимость физической активности в игре снижается. Кроме этого, снижение популярности подвижных игр может свидетельствовать об изменении традиционного пространства существования детей: оно изменяется как на социально-психологическом (современный ребенок реже общается со сверстниками), так и на физическом уровне (в городах исчезают места для подвижных игр).

В городе важнейшим условием формирования гармоничной личности являются игры на открытом воздухе. Они дают детям чувство свободы, которое не может возникнуть в помещении. Ученые считают, что игровая среда на улице должна не только способствовать когнитивному, социальному, эмоциональному и физическому развитию ребенка, но и приучать детей к правильному взаимодействию с природой. Ввиду важности детской игры на свежем воздухе, больше внимания следует уделять дизайну игро-

вых площадок. Они должны сочетать в себе наличие природных элементов (таких как деревья, цветы, растения, камни, вода, песок и др.) и качественно организованных игровых зон с разнообразными игровыми возможностями для всех типов игр.

Кроме того, ученые обращают внимание, что игровая среда должна включать в себя элементы, которые могли бы удовлетворить желание детей к исследованию окружающего пространства [9]. Правильно организованная детская игровая среда (детская площадка) поощряет творческие и сюжетно-ролевые игры, в ходе которых дети активно взаимодействуют, учатся разрешать конфликты, т. е. совершенствуют свои социальные навыки.

Дети, проживающие в современных городах, могут играть на более чистых и безопасных игровых площадках с большим количеством игрового оборудования, чем было доступно их родителям, а также бабушкам и дедушкам. Однако результаты исследований показывают, что, несмотря на все эти улучшения, дети проявляют меньший интерес к детским игровым площадкам.

При изучении детских площадок как элемента пространства детства мы использовали рисуночную методику «Место, которое мне нравится» (авторы – Н. Э. Ракитина и А. Г. Филипова). В исследовании приняли участие 25 детей младшего школьного возраста от 6 до 11 лет (14 мальчиков и 11 девочек), проживающих в микрорайоне Серебрянка (г. Минск). Детям предлагалось нарисовать их любимое место в городе и ответить на несколько вопросов по рисунку. Исходя из анализа детских рисунков, можно выделить наиболее популярные среди детей городские пространства.

1. Городские парки.

Лошицкий парк нарисовали 6 из 25 детей, на рисунках фигурируют деревья (зеленая зона), велодорожка, лавочки, детская площадка. *Лошицкий парк* привлекает детей своей красотой, природой, чистым воздухом, близостью к воде и наличием детских площадок.

Парк Горького нарисовали 2 из 25 детей, на рисунках изображаются аттракционы и зеленые зоны.

Зоопарк нарисовали 3 из 25 детей, на рисунках дети изображают центральный вход в зоопарк, а также такие элементы, как вольеры с животными, билетные кассы, турникеты, ларьки с мороженым, автобусную остановку и машины. Посещать *зоопарк* детям нравится, т. к. там спокойно, тихо, красиво и весело. Интересно, что двое из трех ребят отметили тишину в качестве привлекающего фактора, это свидетельствует о том, что в условиях современного города дети устают от шума и стремятся к спокойствию.

Аквапарк «Лебяжий» нарисовали 2 из 25 детей, на рисунках изображены водные горки. Привлекает *аквапарк* возможностью развлечься и поплавать.

Парк Челюскинцев (1 рисунок из 25): изображены карусели, билетная касса, ларек с мороженым и много зелени. *Парк* привлекает своим озеленением, атмосферой и возможностью весело провести время.

Ботанический сад (1 рисунок из 25): изображено большое количество цветов и деревьев. *Сад* привлекает тем, что «там спокойно, красиво, много растений», и своей образовательной функцией: «я узнаю полезную информацию о растениях».

2. Дом и придомовая территория.

Свой дом нарисовали 3 из 25 детей, на рисунках изображен многоквартирный дом (с указанием своего подъезда); детская площадка возле дома (нарисовали 2 из 25 детей), на рисунках изображены деревья, двор, качели, лавочки, песочницы и др.

Данное пространство привлекает детей своей близостью к дому и возможностью проводить время с друзьями: «Там мои друзья, можно на качельках покататься», «Я там живу». Стоит отметить, что в отличие от рассмотренных выше территорий здесь дети

играют одни или с друзьями (т. е. без контроля взрослых). Им нравится играть в футбол, в догонялки и прятки, а также кататься на качелях.

На вопрос «Что бы ты там изменил?» мы получили следующие ответы: «Поставил бы карусель», «Изменил бы саму площадку, половина для взрослых, а половина для детей». Последнее предложение представляет особый интерес, т. к. отражает идеи многих экспертов о том, что во дворах необходимо заниматься зонированием территории, чтобы там было комфортно проводить свое время представителям всех возрастных групп.

3. Торговые и торгово-развлекательный центры нарисовали 3 из 25 детей, на рисунках изображены ТРЦ «Карамелька», ТЦ «Е-сити», универмаг «Беларусь». Эти места привлекают детей разнообразием магазинов и возможностью развлечься.

4. Отдельные архитектурные объекты, памятники нарисовали 2 ребенка из 25, на рисунках изображены Ратуша и Самолет-памятник Су-7 в Степянке. Дети любят прогуливаться рядом с этими объектами вместе с семьей, потому что там очень красиво.

Обобщая полученную информацию, отметим, что большая часть детей в качестве *любимых* воспринимает места, в которых они проводят время со взрослыми (с семьей). Это свидетельствует не только о том, что дети предпочитают данный формат досуга, но и о том, что современные родители, стараясь обезопасить своих детей, ограничивают их самостоятельные передвижения по городу.

Также стоит отметить, что жизнь в большом городе с его большим количеством архитектурных сооружений, машин заставляет детей особенно ценить и «тянуться» к природе; к примеру, 15 детей из 25 считают своим любимым местом парки. Отдельно стоит отметить тот факт, что популярность детских площадок в действительности является сравнительно низкой – только 2 из 25 детей назвали детскую площадку своим любимым местом в городе.

Приведем результаты исследования, которое было проведено нами с целью изучения особенностей организации пространства детских площадок в г. Минске.

Мы проанализировали 40 детских площадок, находящихся в разных районах города. На основе анализа фотографий детских площадок было определено, что большая часть из них предназначена для использования разными возрастными группами: наряду с песочницами и качелями там присутствуют и спортивные элементы (турники, шведские стенки), что говорит о нацеленности площадки на детей как дошкольного, так и младшего и старшего школьного возраста.

Чаще всего на детских площадках встречаются разрозненные игровые элементы, изготовленные из металла и пластика (фото 3–6).

Все 40 рассмотренных детских площадок можно отнести к типовым, т. к. они не только состоят из однотипных игровых элементов (песочницы, качели, горки и др.), но и выполнены в одинаковом дизайне (преимущественно яркий цвет оформления).

Таким образом, большинство площадок, которые представлены в наших городах, имеют стандартизированный вид: это либо типовые «городки», включающие песочницы, обычные качели, качели-пружины, домики и горки (фото 7), либо площадки еще образца 70–80-гг. XX в. (фото 1–6).

Фото 1. – Детская площадка, ул. Шишкина

Фото 2. – Детская площадка, ул. Ташкентская

Фото 3. – Детская площадка, ул. Буденного

Фото 4. – Детская площадка, ул. Громова

Фото 5. – Детская площадка, ул. Чкалова

Фото 6. – Детская площадка, пер. Броневой

Монотонный и стандартизированный дизайн, стандартное игровое оборудование – все это ограничивает возможности детской игры. На традиционных для наших городов детских площадках детям предлагается следовать уже выбранному за них сценарию игры: они должны играть в песочнице, кататься на горке, на качелях, – что ограничивает возможность свободной игры ребенка, не учитывает его творческого потенциала и креативности. Ранее основным материалом для производства игрового оборудования был металл, что делало игры на детских площадках очень опасными. На данный момент в Минске еще сохраняются детские площадки такого вида, и стоит отметить, находятся они не в самом ухоженном состоянии (фото 7, 8).

Сегодня мы можем наблюдать обилие игровых площадок из пластика, которые являются более безопасными. Однако важно понимать, что стремление к полной безопасности также не является универсальной идеей, ведь, как уже было сказано выше, игра – это деятельность, в ходе которой ребенок узнает себя, свои возможности, окружающий мир.

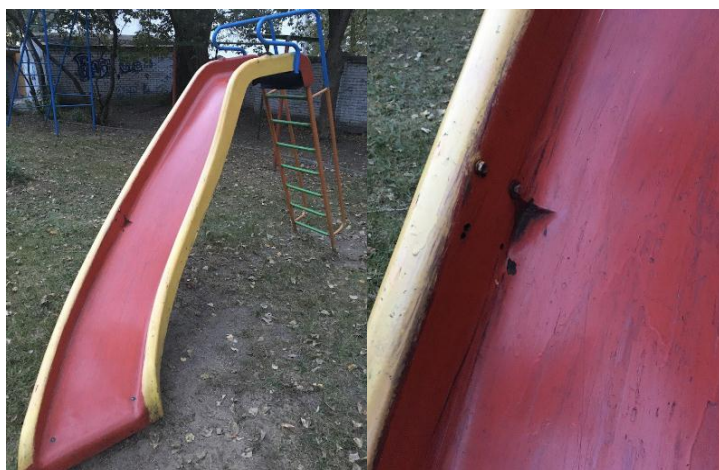

Фото 7. – Горка, район ст. м. Пл. Победы

Фото 8. – Качели, ст. м. Автозаводская

Играя, ребенок учится принимать самостоятельные решения, правильно реагировать на неудачи, падения и ушибы, он узнает, каково это – рисковать и добиваться поставленной цели. Желание родителей оградить детей от всех опасностей на детской площадке ограничивает творческую и познавательную активность ребенка. Дети, растущие в полностью «стерильных» условиях, не всегда понимают, как устроены законы природы, и, взрослея, становятся более уязвимыми. Ученые описывают преимущества игр с элементом риска следующим образом.

1. Рискуя, дети узнают многое о физических возможностях и ограничениях своего тела, а также о возможностях и ограничениях в использовании окружающего их игрового оборудования.

2. Рискованное поведение создает особые ситуации, в которых ребенок испытывает целый спектр эмоций и чувств: страх, неуверенность, решительность, смелость, заботу и др.

3. Риск создает элемент реализма в детской игре, которого чрезмерно безопасная среда не создаст. Ведь мир, в котором мы живем, полон рисков [10].

Таким образом, рискованная игра может стать способом попрактиковаться в преодолении рисков, возникающих в дальнейшей жизни, а также лучше узнать себя и окружающее пространство. Однако не стоит забывать, что родитель ответственен за безопасность своего ребенка и только отец и мать знают его характеристики. Есть дети с особенностями развития, и для них площадки, где присутствуют элементы рискованности, весьма опасны.

Основываясь на результатах проведенного исследования, а также анализе тематической литературы, предлагаем следующую классификацию игровых площадок:

1. По возрастной направленности: 1) площадки для детей дошкольного возраста (игровые элементы: песочница, качели на пружине, классические качели, горка, домик); 2) площадка для детей младшего школьного возраста (к названным элементам добавляются канаты, турники, шведские стенки, рукоходы); 3) площадка для детей старшего школьного возраста (игровые элементы перестают быть интересными, игровая площадка сменяется на спортивную).

2. По видам используемых материалов: 1) площадки из природных материалов (преимущественно дерева); 2) площадки из искусственных материалов (в основном пластик); 3) смешанные площадки (сочетание природных и искусственных материалов).

3. По структуре/комплектации: 1) единый игровой комплекс; 2) игровой элемент с несколькими возможностями игры; 3) разрозненные самоценные игровые элементы.

4. По особенностям создания/производства: 1) стихийно созданная (спонтанная) детская площадка, характерная для 1970–1990-х гг. (некоторые площадки сохранились до нашего времени), отличается отсутствием предварительного плана-проекта и созданием собственными силами заинтересованных людей и активистов; основные строительные материалы – дерево и металл; 2) типовая детская площадка (чаще всего встречается в современных городах, особенно в странах постсоветского пространства), для которой характерна однотипность в дизайне и присутствие одинаковых модульных элементов; основные материалы – МДФ, фанера, пластик; 3) дизайнерская детская площадка, которая создается на основе специально разработанного дизайн-проекта, она встречается реже двух предыдущих видов, отличается оригинальностью, креативным подходом к использованию пространства, а также гармоничной включенностью в окружающий ландшафт и архитектурный стиль [11].

Западные исследователи, рассматривая детское игровое пространство, чаще всего говорят о двух кардинально противоположных типах его организации:

1. Традиционные площадки (во многом перекликается с описанной нами «типовой детской площадкой») – это площадки из однотипных модульных конструкций с использованием правила четырех S: slide (горка), swing (качели), seesaw (качели-балансиры) и sandbox (песочница). Данный подход чаще всего критикуют за то, что устанавливаемое на этих площадках оборудование сужает игровые возможности к одномерной игре, т. е. горки, качели, карусели, которые даже сегодня повсеместно распространены на площадках начальной школы и в общественных парках, допускают один вид деятельности, в основном физический, а именно скольжение, катание, качание. Они редко используются не по прямому назначению, следовательно, на таких площадках ребенок не развивает свое воображение, креативность, творческий потенциал. Кроме того, на таких площадках дети реже играют в сюжетно-ролевые игры, которые в среде психологов считаются одними из наиболее значимых для когнитивного, эмоционального и социального развития ребенка. Самые ранние игровые площадки традиционного типа считались опасными из-за использования тяжелых металлических элементов, однако благодаря появлению новых материалов (таких как пластик), эта проблема исчезла.

2. Приключенческие игровые площадки. Они впервые были разработаны датским ландшафтным архитектором Карлом Теодором Соренсенем в 1943 г. Их появление ближе к концу Второй мировой войны, с одной стороны, связано со стремлением оживить городской ландшафт и предоставить детям интересное пространство для игр, чтобы отвлечь их от ужасов войны и, с другой стороны, представляют собой вызов дидактическому и ограниченному характеру традиционных игровых площадок. Соренсен заметил, что детям нравится играть на строительных площадках и свалках больше, чем на традиционных игровых площадках, и у него возникла идея создать для детей такое игровое пространство, где они могли бы использовать для своей игры предметы быта (старые ящики, посуду, мебель) и природные элементы (камни, песок, дерево). Таким образом, на приключенческих игровых площадках дети получили возможность реализовать весь свой креатив, создавая игровое пространство собственными усилиями.

Основное отличие между этими двумя типами игрового пространства заключается в том, что в первом случае детская игра заранее ограничена уже заданным сценарием игры, а во втором – площадка не имеет готового игрового оборудования, следовательно не имеет заранее определенного сценария. Хотя большинство исследователей сходятся во мнении, что приключенческие площадки имеют больший потенциал для развития ребенка, они не получили широкого распространения, т. к. высокая самостоятельность в игровом поведении детей связана с более высоким риском получения физических травм.

Рассматривая современные детские площадки в странах западной Европы, становится очевидно, что их планировщики в большинстве своем были нацелены на создание такой площадки, которая бы сочетала в себе основные достоинства и традиционных, и приключенческих площадок. От традиционных площадок перенимается правило четырех S: такие элементы, как песочница, горка, два вида качелей, присутствуют всегда; в свою очередь, от приключенческих площадок перенимается нацеленность на многовариантность использования игровых элементов, а также активное применение природных материалов в оформлении детской площадки. Таким образом, на основе двух типов планирования детского пространства создается третий, который мы определяем как «современные детские площадки».

В соответствии с зарубежной классификацией, большинство детских площадок, находящихся в г. Минске, нельзя отнести к современным в европейском понимании. Рассмотрим примеры детских площадок в г. Лондоне (фото 9) и в г. Минске (фото 10). Мы видим совершенно разные типы организации пространства, даже несмотря на присутствие дерева в оформлении площадки в г. Минске.

Фото 9. – Детская площадка, Лондон, Олимпийский парк

Фото 10. – Детская площадка, Минск, ул. Гикало

На площадке в Лондоне дети могут взаимодействовать с окружающей их средой самыми разнообразными способами, т. е. сценарии детской игры в этом случае не ограничены, в то время как в Минске детям предлагается играть в соответствии с уже заданными правилами: играть в песочнице, кататься на карусели, качелях и т. п. В последние несколько лет и в Минске стали появляться детские площадки, которые во многом схожи с европейскими.

Заключение

Игра в условиях современного города позволяет ребенку познавать окружающую его действительность, помогает понять правила взаимодействия в обществе на примере общения в детском сообществе. Одним из наиболее значимых пространств для игры в городе является детская площадка. Изучая детские площадки в г. Минске, мы пришли к выводу, что наиболее популярными являются типовые детские площадки с уже заданным игровым сценарием. Преимущества такого рода площадок заключаются в сравнительной дешевизне (по сравнению с дизайнерскими), а также соответствии требованиям эргономичности и безопасности. Недостатки типовых площадок кроются в их однообразии, а также ограниченных вариантах детской игры (детская игра на таких площадках более стандартизованная).

Изучив зарубежные подходы к формированию игровой среды, можно сделать вывод, что будущее в планировании игровых площадок заключается в понимании значимости природных элементов для создания комфортного и увлекательного игрового

пространства. Кроме того, важно понимать, что каждая игровая площадка должна стремиться к уникальности и быть приспособленной к конкретным ландшафтным условиям, т. е. она должна гармонично сосуществовать с другими архитектурными решениями двора, улицы или парка, где располагается.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социология дошкольного детства / В. С. Собкин [и др.]. – М. : Ин-т социологии образования РАО, 2013. – 167 с.
2. Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хейзинга. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
3. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] // Мир Права. – Режим доступа: http://pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=i08900006. – Дата доступа: 15.09.2019.
4. The 2018 Revision of World Urbanization Prospects [Electronic resource] : Press release. – Mode of access: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018Press-Release.pdf>. – Date of access: 25.08.2019.
5. Численность населения на 1 января 2019 г. и среднегодовая численность населения за 2018 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/5e8/5e-847c9ec699ed5ae7a852198e283-b58.pdf>. – Дата доступа: 10.08.2019.
6. Дети и молодежь Республики Беларусь / И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 133 с.
7. Майорова-Щеглова, С. Н. Детская субкультура – неинституционализированный сектор детства [Электронный ресурс] / С. Н. Майорова-Щеглова // Социология детства. – Режим доступа: http://www.childsoc.ru/doc/child_sub_kult.pdf. – Дата доступа: 28.08.2019.
8. Попкова, Т. Д. Современная детская субкультура: социальный аспект коммуникативных связей / Т. Д. Попкова // Альм. соврем. науки и образования. – 2013. – № 8. – С. 136–141.
9. Stagnitti, K. Understanding play: The implications for play assessment. Australian Prospects [Electronic resource] / K. Stagnitti // Occupational Therapy Journal. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1046/j.1440-1630.2003.00387.x/full>. – Date of access: 24.08.2019.
10. Frost, J. L. Play and child development [Electronic resource] / J. Frost, S. Wortham, R. Reifel // Journal of Play. – Mode of access: http://www.journalofplay.org/sites/www.journalofplay.org/files/pdf-articles/1-1-bookreview-3_0.pdf. – Date of access: 23.08.2019.
11. Классификация детских площадок [Электронный ресурс] // Студопедия. – Режим доступа: https://studopedia.ru/8_74600_klassifikatsiya-detskih-ploshchadok.html. – Дата доступа: 23.08.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.09.2019

Berezetskaya M. I. Children's Play in the Modern City

The paper is concerned with sociological analysis of children's play in modern urban conditions. Children's play has a serious impact on the process of mental, physical, social and emotional development of the child. Through the game, children recognize themselves, as well as the surrounding reality. This article discusses various types of games, describes their main features. Special attention is paid to the study of outdoor games, in particular, at playgrounds. The article proposes a generalized classification of playgrounds. Phenomenon of risky behavior on playgrounds is carefully studied in this article. The article also contains the results of three author's research on the topics we under question.

РЭЦЭНЗП

А. И. Забейворота

*д-р юрид. наук, проф. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: zabey@mail.ru*

ПРИЗРАК ВОЙНЫ БУДУЩЕГО

Понкин, И. В. Неклассические войны / И. В. Понкин. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 87 с.

Человеческая цивилизация всегда стремилась ограничить вооруженное насилие и ужасные последствия войн [1, с. 2]. Но есть и другая тенденция. «Призрак бродит по коридорам генеральных штабов и министерств обороны “высокоразвитых” стран – боязнь собственного военного бессилия и даже бесполезности, – писал Мартин ван Кревельд. – Современная ситуация связана с фундаментальными сдвигами в социокультурных характеристиках вооруженных конфликтов. Этими изменениями в первую очередь объясняется неспособность традиционных армий вести успешную борьбу с иррегулярными формированиями в локальных конфликтах. Отсутствие адаптации к этим изменениям может дорого стоить современным государствам и угрожать им полной дезинтеграцией» [2]. На это накладывается жесткая мировая конкуренция за ресурсы, стремление «империи добра» и ряда иных «высокоразвитых» государств выживать за счет ограбления других стран. И едва ли в принципе что-то существенно в этой части изменится.

Современная война, действительно, сильно видоизменяется с течением времени, становясь все более непохожей на войну классическую, все более непонятной для современного исследователя, ставя все больше вопросов, на которые наука еще не научилась давать исчерпывающие релевантные ответы. В этой связи следует приветствовать выход в свет в 2019 г. монографии И. В. Понкина «Некласические войны» [3], посвященной соответствующему кругу сложнейших вопросов, почти не исследованных и не объясненных до сих пор.

Остановимся на оглавлении этого издания, чтобы показать суть его содержания и теоретико-концептуальную ценность и уникальность: введение; глава 1 «Концепт преэмптивной войны»; глава 2 «Концепт гибридной войны»; глава 3 «Концепт малой войны»; глава 4 «Технологии “мягкой силы” как инструменты разрушения государства»; глава 5 «Концепт “постправды” в неклассических войнах»; заключение. Прочсть что-либо по каждой из этих тем на русском языке можно только в работах И. В. Понкина [4]. Информации на иностранных языках у других авторов в столь концептуально-емкой модальности очень мало.

Актуальность этой работы не вызывает никаких сомнений, поскольку мы уже живем в этой объективной реальности – в пространстве бесконечных разноразмерных (субрегиональных и глобальных), разноинтенсивных (от тлеющего «глухого» конфликта до прямых боестолкновений) и разноприродных (экономических, когда необоснованным использованием слова «санкции» камуфлируется применение инструментов явных экономических войн, юридических, информационно-психологических, организационных и прочих) «войн». Но деление в книге сделано несколько по иному основанию. Речь идет о преэмптивных, гибридных и малых войнах, хотя в излагаемом материале нашлось место и всем вышеуказанным видам войн. Издание подготовлено с учетом передового зарубежного и российского опыта в исследуемом тематическом поле, новейших изданий и достижений в этой области, содержит однозначно уникальный авторский взгляд на эти вещи.

Серьезнейший научно-методологический исследовательский подход, весомая источниковая основа, колоссальные масштабы охвата разнообразных проблем и, глав-

ное, исследовательские проекции и аргументационно-объяснительные модальности – все это делает книгу «Неклассические войны» совершенно уникальной, востребованной специалистами, прежде всего из спецслужб и органов военного управления, а из отраслевых специалистов – правоведами (по военному праву, по международному праву и др.), политологами, представителями военной науки.

Монография И. В. Понкина – уникальный материал для размышлений и рефлексий, она побуждает к новому осмыслению и более глубокому пониманию изложенных в ней проблем. При этом полагаем обоснованным отметить строгую инструментальность материала, отстраненность автора от подаваемой информации. А это очень важно, поскольку «замусоренность» исследования избыточным количеством инвектив, называемых фамилий размывала бы предмет исследования, не позволяла бы сосредоточиться на действительно нужных дескрипторах, концептуальных основаниях и парадигмах, позволяющих осознать, осмыслить, понять эту весьма сложную тему.

Из недостатков отметим то, что в работе не нашлось места объяснению понятия юридической войны (хотя оно широко употребляется в книге, и автор даже приводит конкретные примеры), понятия многомерной войны. А главное, было лишено дефиниции и развернутой дескриптивной интерпретации понятие «неклассическая война», оно просто использовано как собирательное (охватывающее все то, что изложено в книге), хотя заслуживает отдельного внимания. Несмотря на отмеченные недостатки (не столь существенные для такой неординарной темы), монография И. В. Понкина представляет собой уникальный и ценный труд, обогащающий развитие теории войны, юридической науки, науки государственного управления.

И. В. Понкин приводит слова Нобелевского лауреата Нормана Энджелла из книги «Великая иллюзия» (1910): «Из-за глобального роста экономической независимости, в частности великих держав, и из-за того, что реальные источники богатства сосредоточены в сфере торговли и потому не могут быть в конечном итоге захвачены, война за получение материального превосходства не имеет смысла». Но вся история человечества после этого опровергает слова Н. Энджелла и, увы, позволяет экстраполировать склонность воевать и на будущие времена. А это означает, что необходимо выстраивать полноценную теорию неклассических войн, элементы фундамента и замковый камень в которую И. В. Понкин уже заложил своей замечательной монографией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бест, Дж. Война и право после 1945 г. : пер. с англ. / Дж. Бест ; под ред. Ю. Юмашева и Ю. Кузнецова. – М. : ИРИСЭН : Мысль, 2010. – 676 с.
2. Кревельд, М. ван Трансформация войны : пер. с англ. / М. ван Кревельд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 18.
3. Понкин, И. В. Неклассические войны / И. В. Понкин. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 87 с.
4. Понкин, И. В. Концепт презэмптивной войны / И. В. Понкин // Право и образование. – 2016. – № 12. – С. 82–90.
5. Понкин, И. В. Концепт малой войны / И. В. Понкин // Право и образование. – 2018. – № 7. – С. 12–23.
6. Гибридная (юридическая, организационная, информационная) война против российского спорта. Юридический анализ документов ВАДА и МОК против российского спорта 2015–2017 гг. : сборник / сост. И. В. Понкин. – М. : Буки Веди, 2018. – 401 с.
7. Понкин, И. В. Правовые основы защиты общества от агрессивного давления субверсивной идеологии аморализма / И. В. Понкин, Н. А. Михалева, М. Н. Кузнецов. – М. : Буки Веди, 2016. – 232 с.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. Г. Хадыева, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 10.12.2019. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,53. Ул.-выд. арк. 15,19.

Тыраж 100 экз. Заказ № 519.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.